

Комитет по образованию Санкт-Петербурга

Государственное бюджетное
нетиповое образовательное учреждение
«Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных»

100 летию Сигурда Оттовича Шмидта посвящается

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на X региональной олимпиаде по краеведению
(8–11 классы)
2021 года

ВЫПУСК 30

Санкт-Петербург
2022

ISBN 978-5-9905850-1-0

Серия основана в 1991 году

Автор-составитель: И. Г. Васильева

Под общей редакцией:

В. И. Аксельрода

Э. И. Архиповой

С. Д. Мангутовой

Авторы предисловия:

В. И. Аксельрод, Э. И. Архипова

Компьютерная вёрстка: И. В. Петров

Наследники великого города : фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на X региональной олимпиаде по краеведению (8–11 классы) в 2021 году. – СПб. : ГДТЮ, 2022. – Вып. 30. – 150 с.

- © Государственное бюджетное нетиповое образовательное учреждение «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных», 2022
- © Авторы публикаций, 2022
- © Валентин Лебедев, обложка, 1996

Содержание

Предисловие

Архипова Э.И. «История – всегда разведка!»	5
Аксельрод В.И. Юные краеведы продолжают поиск	10

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Белов Александр. Солдатский медальон: судьба человека	16
Попова Анна. По страницам биографий сотрудников лагеря Ленинградского Литературного фонда	25
Говорова Арина. «Вы на Урале жили с нами...» Судьбы сотрудников Легаевского интерната.....	32
Берёзкина Татьяна. «И братья Горкушенко снова рядом...»	35

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Недбайлова Софья. Петербург Анны Павловны Философовой	41
Белобородова Елизавета.***** Страницы жизни Николая Павловича Ивановского. ...	47
Аксёнова Полина. «Человек с большим сердцем...» Страницы жизни советского писателя Геннадия Самойловича Гора.	53
Бровкина София Лидия Чарская – актриса Александринского театра. ...	64

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Нагоркин Роман. «Жизнь, отданная науке»	78
Катраев Иван. Василий Яковлевич Костылёв: по страницам биографии первого японоведа России	84

Лапина Анастасия. Георгий Владимирович Шор как основоположник российской танатологии	92
Калинина Марина. Князь Э. Э. Ухтомский и его тибето-буддийская коллекция	102

РОДОСЛОВНЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Илларионова Анастасия. «Родных связующая нить...» История рода Михайловых: Санкт-Петербург – Казань	108
Платовских Полина. Солдат Иван Фадеев сын Чернышев	120

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Копылова Мария. Настенные нумерные знаки И. И. Александрова	131
Головачева Маргарита. Мезолит Ладожского-Онежского перешейка (материал к археологической карте).	136

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа X Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы)	144
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История – всегда разведка!»

*«Память – это не только сохранение
прошлого, это-забота о вечности»
Д. С. Лихачёв*

В руках читателя тридцатый сборник краеведческих исследований школьников Петербурга. «История – всегда разведка!» – такими словами из стихотворения поэта Бориса Слуцкого начал одну из своих первых вступительных статей ученый-историк, краевед Григорий Самойлович Усыкин. Именно ему принадлежит такое емкое название сборника: «Наследники Великого города».

Разведка юных в формате городского историко-краеведческого проекта с тем же названием продолжается уже более тридцати лет.

Началом его стало появление городских краеведческих чтений школьников в 1992 году с одновременным введением в программы школьного образования предмета «История и культура Санкт-Петербурга», с учреждением городского краеведческого общественного движения школьников «Юные за возрождение Петербурга», созданием юношеского факультета Университета Петербурга на базе Городского Дворца творчества юных. Эти явления находятся в теснейшей взаимосвязи. А городские краеведческие чтения с 2012 года получили статус городской олимпиады.

1990-е годы – время больших исторических подвижек, перемен; это время стало временем мощного всплеска интереса к истории, прежде всего, у молодежи. Краевед Густав Александрович Богуславский во вступительной статье к сборнику 2007 года подчеркивает, что культурное значение этого процесса по-настоящему еще не оценено: «Город выступает у авторов не только как тема исследования, но и как великая объединяющая сила, как система вертикальных (поколения) и горизонтальных (современность) координат, формирующая личность» (вып. 16).

Краеведческое движение школьников Петербурга можно считать явлением образовательной среды, неоспоримым фактом глубочайшего интереса юных к истории родного края, страны. Юные наследники нашего великого города постоянно показывают высочайший уровень исследовательской работы, владение современными методами и технологиями «разведки». Сегодня в их руках мощные информационные ресурсы. Сектор исторического краеведения городского Дворца творчества юных осуществляет консультационно-методическую и организационную помощь юным исследователям и их руководителям. Важно и то, что специалисты города, а это и научное, и музейное сообщество, и библиотеки, и

ветераны, и все профильные организации и фонды тесно сотрудничают с Городским методическим центром, помогая в реализации краеведческой программы, которая тоже называется «Наследники великого города». И это реалии современного дня. Всё это помогает юным краоведам из года в год открывать для нас новые лагуны в истории города, края. В 1995 году академик архитектуры Татьяна Андреевна Славина писала о работе Евгения Овечкина «Эволюция архитектурной готики»: «Работа написана в жанре эссе: научный анализ архитектурных явлений сочетается в ней с ярким эмоциональным отношением к исследуемому предмету, объективная истина пропущена сквозь призму авторских предпочтений, и убедительность аргументаций поставлена в зависимость от силы чувства. Я приветствую такой подход. Присущий петербургскому краеведению» (вып. 3).

Заведующий отделом Государственного музея истории Санкт-Петербурга Г. А. Попова о работе Александры Андреевой «Музей города», отмечала, что юная исследовательница проанализировала практически всю опубликованную по теме литературу, как бы она мала ни была: «При условии согласия автора считаю возможным хранение и использование в научно-справочном обороте данного реферата в архиве отдела Государственного музея, где сосредоточена информация о музеях нашего города».

О работе Анны Семёновой «Церковь святой преподобномученицы Елизаветы (история создания)» Александр Витальевич Берташ (канд. искусствоведения, ст. науч. сотрудник института «Ленпроектреставрация», член научно-редакционного совета межрегионального фонда «Храмы России», ныне – кандидат богословия, настоятель Берлинско-Германской епархии в г. Бремен): «Работа представляется очень интересной, в первую очередь, по оригинальному выбору темы и по глубине раскрытия... Автор впервые собрал материал о новопостроенном храме в северных районах новостроек, где отсутствие храмов ощущается в сфере духовной жизни, и с архитектурной точки зрения. Обоим этим аспектам автор уделяет должное внимание, получив сведения, что называется, из «первых рук» – от настоятеля отца Александра и архитектора Б. К. Иванова» (вып. 7).

Александр Валерьевич Кобак, директор Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева, председатель Правления Санкт-Петербургского союза краеведов, член Совета по культурному наследию Санкт-Петербурга, рекомендует в год Лихачева (2006 год – ред.) «чаще обращаться к наследию Д. С. Лихачева», прежде всего, к статье «Краеведение как наука и как деятельность», в которой учёный говорит об историческом краеведении как важной составной части «большой» истории. А. В. Кобак также отмечает, что

ПРЕДИСЛОВИЕ

краеведческие чтения и издание сборника «давно стали серьезной частью общей работы по изучению Петербурга» (вып. 15).

«Краеведческие ступени в будущее» – так свою статью назвала Мария Ренгольдовна Катунова, генеральный директор Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. Она обратила внимание на комплексный подход к краеведческой деятельности коллективов Дворца, показала глубину и значимость этой работы. Особое внимание уделила результативной и успешной работе краеведческого клуба «Петрополь», юношеского факультета Университета Петербурга, которые являются несомненными лидерами городского краеведческого движения. Выпускники этих коллективов становятся педагогами-краеведами, продолжают свою работу в науке, в практической деятельности. М. Р. Катунова отметила, что во Дворце создана мощная методологическая база в помощь юным краеведам города и их наставникам. Глубокому анализу в этой статье способствовало и то, что 2017 год был юбилейным годом Дворца. Статья завершена словами «Школьное краеведение уверенно идет вперед!» (вып. 25).

Кирилл Александрович Страхов, член Совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиК, победитель 9-х городских краеведческих чтений. Важно, что уже бывшие участники краеведческих чтений становятся авторами статей, предваряющих публикации, рецензентами и членами жюри олимпиад... Кирилл Александрович обратился к глубокому исследованию Глеба Козлова о судьбе прадеда, военного врача Петра Андреевича Сорокина. «За всю войну у него была одна награда – медаль «За победу над Германией, – пишет Глеб. Но для нашей семьи она как звезда героя, именно героем мы его считаем». К. А. Страхов отмечает: «Эта работа озаглавлена по-особому: опыт интернет-исследования. Глеб использует «всемирную паутину нестандартно – не просто «сканирует» существующие сайты, но находит и привлекает к своей работе иностранных ученых, исследующих повседневную жизнь советских военнопленных в годы войны; связывается с архивами, органами власти далеких сибирских мест, где работал его прадед; находит редкие документы в электронном банке данных Министерства обороны России» (вып. 18). И примеров подобной работы множество.

Руководитель секции «Топонимика Петербурга» Алексей Дмитриевич Ерофеев, член городской Топонимической комиссии, журналист пишет в предисловии к 27-му выпуску: «Раздел «По петербургским адресам» открывается содержательным очерком Ивана Исаева «Забывтый купеческий особняк в Царском Селе». Юный исследователь проанализировал большое количество разнообразных источников, в том числе архивных, смог скрупулезно восстановить историю особняка. Ставшего известным благодаря

ПРЕДИСЛОВИЕ

его владельцу, крупному промышленнику, благотворителю и меценату А. В. Кокореву. И поставить перед общественностью города проблему бедственного состояния этого здания, необходимости его реставрации и использования как объекта культуры».

Михаил Михайлович Бобров, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, знаменитый блокадный альпинист, названный ленинградцами «хранителем ангела», тесно сотрудничавший с организаторами краеведческого движения, с юными краеведами в своей статье «Остров счастливого детства» говорит: «В моей домашней библиотеке целая полка занята сборниками исследовательских работ петербургских подростков» (вып. 21).

А Ирина Борисовна Скрипачёва, блокадница, председатель правления региональной общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» в статье «Пусть не угаснут свечи памяти» отмечает значимость поисковой и исследовательской работы всех, кто обращается к трагической странице истории нашего города. Она рассказывает о том, как один из первых участников краеведческих чтений Михаил Волков провел огромную работу по уточнению места кремирования блокадников на бывшем кирпичном заводе, располагавшемся на месте современного Парка Победы. Работу автора высоко оценили историки и краеведы. Сегодня парк стал еще одним блокадным мемориалом (вып. 22).

Авторами вступительных статей, отрывающих очередные издания, были Никита Владимирович Благово, Вице-президент русского генеалогического общества, главный и многолетний консультант по родословию; Юрий Иванович Колосов, президент Ассоциации исследователей блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны; Альбина Вячеславовна Князькина, руководитель региональной общественной организации «Институт Петербурга»; Светлана Дмитриевна Мангутова, к. п. н., заведующий библиотекой Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных; Владимир Ильич Аксельрод, к. п. н., основатель общественного движения «Юные за возрождение Петербурга», член Правления Санкт-Петербургского союза краеведов. Жаль, что невозможно привести все отзывы специалистов, что для публикаций в сборниках приходится выбирать лишь фрагменты докладов, тексты которых интересны для восприятия и полезны с научной точки зрения. Но юные авторы публикуются и в иных краеведческих изданиях.

Начиная с 4-го выпуска, обложку сборника стал украшать авторский рисунок с изображением богини истории Клио, выполненный художником Валентином Лебедевым. Составителям понравилось менять цвет обложек. Это создает настроение, убирает обезличенность, помогает быстро обратиться к нужному. Каждый сборник открывается вступительной статьей специалистов, которые помо-

ПРЕДИСЛОВИЕ

гают юным исследователям на протяжении многих лет, кто уважительно и серьезно относится к их изысканиям.

В первых изданиях редакторы не ставили задачу сопровождения статей перечнем использованных источников. Сегодня работы юных это по-настоящему научные исследования с мощным библиографическим аппаратом, с использованием широкого спектра всех краеведческих источников.

2022 год стал годом памяти и 100-летия со дня рождения выдающегося ученого, краеведа, академика Российской академии наук, основателя Союза краеведов России, автора Всероссийской туристско-краеведческой программы обучающихся «Отечество» Сигурда Оттовича Шмидта. Он был флагманом краеведческого движения России, нашим другом и помощником. Сигурд Оттович был хорошо знаком с опытом краеведов Петербурга, с изысканиями, успехами юных, высоко их ценил, всегда знакомился с каждым изданием.

Можно ли сегодня выделить из тридцати сборников лучший? Каждый выпуск по-своему интересен, в каждом есть работы, которыми можно гордиться. Поэтому их ждешь с нетерпением. Разведка продолжается! В добрый путь!

Эльвира Ильинична Архипова,
отличник народного просвещения России,
член Союза краеведов России,
член Санкт-Петербургского союза краеведов,
лауреат Анциферовского диплома

Юные краеведы продолжают поиск

В 30-й юбилейный выпуск сборника «Наследники великого города» включены фрагменты докладов лауреатов 10-й региональной олимпиады школьников Петербурга по краеведению среди учащихся 8–11 классов. Эти доклады составили 5 тематических разделов: «Война. Блокада. Ленинград», «Культурное наследие Петербурга», «Имя в истории города», «Многоликий Петербург», «Родословные школьников Петербурга».

Первый раздел открывает доклад учащегося школы № 512 Невского района Александра Белова «Солдатский медальон. Судьба человека». История, о которой он рассказал, началась с одной находки в прибрежном песке на берегу Невы в Усть-Славянке. Этой находкой оказался не стреляный патрон от автомата ППШ, в гильзе которого Александр обнаружил герметичный самодельный медальон с запиской солдата. Вот эта записка и стала предметом его исследования. Выяснить имя солдата помогли в московской лаборатории «Солдатский медальон». Скупая информация, содержащаяся в нем, стала точкой отсчета, с которого начался длительный поиск, проделанный Александром Беловым. О ходе этого поиска, об источниках и людях, которые помогли его осуществить, вы прочтете в данной публикации. В итоге проведенного поиска, как пишет автор, «Имя молодого защитника Родины появилось на памятных плитах монумента. Теперь уже можно точно сказать, что он вновь обрел свое имя и место упокоения». Но ведь в этом и заключается смысл поисковой работы, которую ведут юные краеведы!

Не менее интересным и значимым был поиск, проведенный выпускницей историко-краеведческого клуба «Петрополь» Городского Дворца творчества юных Анной Поповой в рамках клубной экспедиции «Спасённое детство» в Пермский край. Ее публикация в этом сборнике «По страницам биографий сотрудников лагеря Ленинградского Литературного фонда» – лишь небольшой фрагмент ее фундаментального исследования, документальной основой которого являются материалы Государственных архивов Пермского края, ЦГАЛИ, сайта Архивного комитета «Блокада Ленинграда. Эвакуация», фондов Государственного Литературного музея «XX век», школьного музея деревни Чёрная Молотовской области (ныне – Пермский край), а также адресные книги «Весь Ленинград». В данной публикации автор представляет биографии четырех, наиболее известных сотрудников лагеря до и после окончания эвакуации и возвращения в Ленинград. Еще одна публикация участницы проекта «Спасённое детство», выпускницы клуба Арины Говоровой, фрагмента ее исследования «Вы на Урале жили с нами», посвящена

судьбе одной из сотрудниц Легаевского интерната, учреждения, организованного на базе эвакуированного детского сада № 20 Октябрьского района г. Ленинграда в деревню Легаевку Чернушинского района Молотовской области. В работе над исследованием Арина опиралась на документы архивного отдела администрации указанного района и воспоминания бывших детсадовцев.

Завершает этот раздел сборника публикация учащейся Петергофской гимназии Александра П. Татьяны Берёзкиной «И братья Горкушенко снова рядом». В фондах школьного музея хранится «Тетрадь в клеточку», в которой рукой матери братьев Володи и Глеба написаны воспоминания о мальчиках. В первые же дни войны девятнадцатилетний Володя и семнадцатилетний Глеб записались добровольцами в 79-й истребительный батальон, и 22 сентября 1941 года братья-пулеметчики защищали подступы к Петродворцу. В неравном бою братья пали смертью храбрых. В своей работе Татьяна воссоздала не только этот героический эпизод, но и рассказала об истории поиска красных следопытов 415-й средней школы и увековечивания памяти братьев.

Второй раздел сборника открывает статья выпускницы Юношеского университета Петербурга Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных Софьи Недбайловой «Петербург Анны Павловны Философовой». Сегодня это имя мало что скажет современным школьникам, но прочитав публикацию, вы узнаете, что именно А. П. Философовой мы обязаны созданием первого в России высшего учебного заведения для женщин – «Бестужевских курсов», и это только один из проектов, которые она реализовала со своими соратницами. Ее деятельность получила высокую оценку Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Ф. Кони. На рубеже XIX–XX веков ее авторитет был так высок, что она была избрана в высшие руководящие органы многих международных женских организаций. Софье, по многим адресным книгам, удалось установить целый ряд новых, ранее не известных ее адресов и разработать маршрут экскурсии.

Немало новой ценной информации удалось выявить в своей работе «Прирожденный художественный руководитель» ещё одной выпускнице клуба «Петрополь» – Елизавете Белобородовой. Она посвящена выдающемуся педагогу Ленинградского хореографического училища И. П. Ивановскому. Лиза составила подробный биографический очерк своего героя, охватывающий все периоды его жизни и творчества, но особенно подробно, как участница проекта «Спасённое детство», остановилась на годах эвакуации Хореографического училища в годы Великой Отечественной войны в деревню Платошино Молотовской области. Для своего исследования Елизавета использовала архивные документы ЦГАЛИ, адресные книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Весь Петроград» и «Весь Ленинград», воспоминания учеников Ивановского, литературу о Хореографическом училище и Мариинском театре.

Воспитанница клуба «Петрополь» Полина Аксёнова свою работу «Человек с большим сердцем» посвятила жизни и творчеству ленинградского писателя Г. С. Гора. По материалам ЦГАЛИ, адресным книгам «Весь Ленинград», сайтов «Открытый список» и «Память народа», воспоминаниям писателей С. Ласкина и Л. Рахманова исследовательница составила подробную биографию писателя, установила его адреса в нашем городе, дала краткий обзор творчества.

Одна из самых ярких работ сборника – «Лидия Чарская – актриса Александринского театра». Если о Чарской, популярнейшей писательнице начала 20 века, написано немало, то эта работа, посвященная ее театральной деятельности – первая в своем роде. Вызывает особое уважение то количество документальных источников, которые София Бровкина, в момент написания работы еще восьмиклассница, использовала для своего исследования. Здесь и материалы ЦГАЛИ, и документы из фондов Санкт-Петербургского Музея театрального и музыкального искусства и Театральной библиотеки, и московского Центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, и личных архивов современников актрисы, ее переписка, и адресно-справочные книги «Весь Петербург», «Весь Петроград», «Весь Ленинград» и др.

Не менее интересен третий раздел сборника «Имя в истории города», в который вошли еще четыре фрагмента докладов, защищенных на олимпиаде. Все они связаны с учеными, оставившими заметный след в разных областях отечественной науки. Роман Нагоркин, ученик 402-й гимназии Колпинского района свое исследование «Жизнь, отданная науке» посвятил выпускнику школы, академику РАН, одному из первооткрывателей молодой науки радиационной цитологии. Таким выпускником по праву может гордиться гимназия! Роман использовал для написания этой работы материалы из фондов школьного музея и семейного архива В. А. Сониной, вдовы ученого, воспоминания выпускников Военно-морской академии, в которой работал ученый, статьи из научных журналов по цитологии.

Еще об одном ученом, первооткрывателе в другой научной области, в своей работе «Георгий Владимирович Шор как основоположник отечественной танатологии» написала воспитанница клуба «Петрополь» Анастасия Лапина. Для справки, танатология – это наука о смерти. Путь ученого к исследованию в этой, сравнительно молодой отрасли медицинской науки, был долгим. Настя, опираясь на архивные источники, с большой полнотой проследила путь

Г. В. Шора в науку: от практической медицинской деятельности в армии и на флоте после окончания Императорской Военно-медицинской академии, его преподавательской работы в той же Академии, а позже в Женском медицинском институте, где и начались его научная карьера, а продолжилась в Государственном рентгенологическом и радиологическом институте. Отмечая такую особенность деятельности ученого, многообразие его научных интересов (патология, онкология, последней ученый посвятил 70 статей!), Анастасия показывает закономерность его обращения к универсальной, объединяющей в себе многие области медицинской науки – танатологии. Важно отметить глубокую степень погружения автора этой работы в сложные проблемы медицинской науки, о чем свидетельствует и солидный список использованных источников.

Уверен, что большой интерес читателей сборника вызовет и публикация Ивана Катраева «Василий Яковлевич Костылёв: по страницам жизни первого японоведа России». Иван смог по крупницам, используя редкие источники и труды самого Костылёва, составить подробную летопись его жизни и деятельности: от зарождения интереса к японскому языку и народу Японии, до работы консулом в «стране восходящего солнца», преподаванию в Санкт-Петербургском Императорском университете и работы в Азиатском музее. Итогом деятельности В. Я. Костылева как ученого-японоведа стали его монография, посвященная истории японского народа, и «Словарь разговорного японского языка».

С культурой Востока связана и фундаментальная работа воспитанницы объединения «Охта» ДДЮТ «На Ленской» Красногвардейского района Марины Калининой «Князь Ухтомский и его тибето-буддийская коллекция». Основным источником для написания этого исследования стал «Формулярный список князя Э. Э. Ухтомского», хранящийся в Российском государственном историческом архиве. Марина проследила историю формирования этой уникальной коллекции (скульптура, живопись тхангке, ритуальные предметы и книги), в 1900 году отмеченной золотой медалью на Всемирной выставке в Париже и в дальнейшем пополнившей фонды Этнографического отдела Русского музея (ныне РЭМ), Кунсткамеры, Эрмитажа и Музея истории религии. В своем исследовании автор предстает не только как историк, но и как начинающий искусствовед.

В 4-м разделе сборника «Родословные школьников Петербурга» представлены две работы.

Работа Анастасии Илларионовой, выпускницы историко-краеведческого клуба «Петрополь» – «Родных связующая нить. История рода Михайловых: Санкт-Петербург – Казань» и Платовских Полины, ученицы школы № 111 Калининского района – «Солдат Иван Фадеев сын Чернышев». Анастасия справедливо замечает, что

«История Отечества – это не только судьбы великих полководцев и путешественников, но и жизнь простых людей, которые ее создают». Поставив перед собой задачу «начать поиски нашей давно потерянной казанской родни и составление генеалогического древа семьи Михайловых», свое исследование Настя начала с изучения семейного архива и, в первую очередь, альбома с фотографиями, затем вместе с членами своей семьи совершила поездку в Казань, через Гор. Справку нашла новый адрес казанских Михайловых и при встрече с ними произвела их подробный опрос. Насте удалось поработать с документами Национального архива Республики Татарстан, а по возвращении в Петербург, и в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА), и в Военном комиссариате Ленинградской области в г. Выборге, сделать необходимые запросы в другие архивы и ведомства. О непростом, но увлекательном, полном неожиданных встреч и открытий поиске и его итогах вы прочитаете в самом сборнике.

Не менее интересна и другая публикация в этом разделе сборника, хотя Платовских Полина рассказала в ней только об одном представителе своего рода, но каком! Отставной солдат Иван Фадеевич Чернышев, как она установила на основании архивного документа РГИА, был одним из первых жителей Петербурга. Участник военных сражений петровского времени, он много лет провел в шведском плену и вернулся в молодую столицу в 1733 году в царствование Анны Иоанновны, когда в Петербурге полным ходом шло строительство каменной Петропавловской крепости, Адмиралтейства, велась застройка Морских улиц. Был определен досмотрщиком в портовой таможне, а потом подал прошение о переводе его дьячком... Вот пока и вся история, но, на мой взгляд, в рассказе о своем предке Полине удалось хорошо передать атмосферу эпохи, и хочется ей пожелать продолжить эту историю.

В последний раздел сборника также вошли две публикации, и первая из них Копыловой Марии, выпускницы Юношеского университета Петербурга – «Настенные нумерные знаки И. И. Александрова». Статья Копыловой Марии далеко не первая в сборниках «Наследники великого города». Уже много лет она исследует такую глобальную тему как «Адресная система Петербурга», ежегодно выступая с докладами по разным аспектам этой темы не только на ученических конференциях, но и на ежегодных Анциферовских чтениях Санкт-Петербургского Союза краеведов. И вот новая работа. Мария собрала ценную информацию о ремесленнике И. И. Александрове, по адресным книгам определила адреса мастерских (кузнечной и живописной, лакировальной и позолотной), где он, профессиональный кузнец, работал над важным государственным заказом. Прочитав публикацию в сборнике, вы узнаете, как Алек-

ПРЕДИСЛОВИЕ

сандрову удалось выполнить кабальный договор и за короткий срок «онумеровать» всю столицу согласно новой «Табели 1889», да еще и изготовить доски с названиями улиц.

Уже много лет в наших сборниках публикуются статьи лауреатов олимпиады, представителей сектора археологии Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных. На этот раз это фрагмент работы Маргариты Головачёвой «Мезолит Ладожско – Онежского перешейка (материалы к археологической карте). Опираясь на публикации региональных научных конференций и монографии ученых СПбГУ, Петрозаводска, Карельского научного центра, Маргарита дает характеристику памятников мезолита в лесной зоне Европейской части России эпохи голоцена 11–6 тысячелетий до новой эры: древних стоянок районов Ладожского и Онежского озер Подпорожского и Тихвинского районов, их сырьевой базы, преобладающим материалом которой был кремьень, каменного инвентаря (пластины, сеченья, скрепки), аналогии каменной индустрии и ее хронологии. Работа, безусловно, серьезная, содержащая богатый материал для археологической карты.

Подводя итоги этого обзора, следует отметить общий высокий уровень докладов, фрагменты которых представлены в 30-м сборнике «Наследники великого города». Достоинствами большинства этих докладов являются актуальность и новизна тем, хорошее владение источниками, среди которых все большее место занимают архивные материалы и их анализ, культура оформления работ. Во многом это заслуга педагогов, руководителей ученических исследований, за что мы выражаем им нашу благодарность.

Владимир Ильич Аксельрод,

к.п.н., отличник народного просвещения России,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
член Союза краеведов России,
член правления Санкт-Петербургского союза краеведов,
лауреат Анциферовского диплома

ВОЙНА. БЛОКАДА. ЛЕНИНГРАД

Белов Александр

9 класс, ГБОУ школа № 512

Невского района,

ГБУ ДО «ПДДТ» Невского района

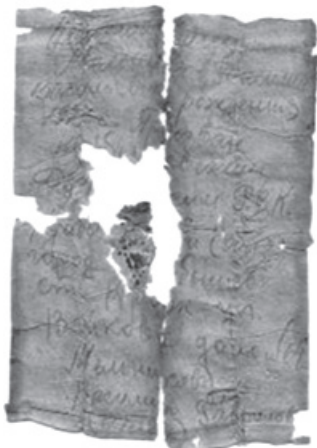
Санкт-Петербурга

(руководители –

Борисова Ирина Анатольевна,

Лончинский Алексей Николаевич)

Солдатский медальон: судьба человека

Записка из найденного медальона
(фото автора)

Часть моего рода происходит из старинного приневского поселения – деревни Усть-Славянка, которая возникла рядом с селом Рыбацким в начале XVIII столетия. Мои предки жили здесь на протяжении 300 лет. Я часто провожу своё время на берегу реки Невы, где в прибрежном песке, у кромки воды, можно найти много интересных вещей. Старинные кованые гвозди от знаменитых «гонок» – плотов из древесных брёвен, веками сплавлявшихся по реке в сторону Санкт-Петербурга, деревянные грузила от рыбацких сетей, почти идеально отполированные

песком и водой. Есть здесь свинцовые бомбы, с оттиснутыми на них двуглавыми орлами, оторвавшиеся, а может быть, срезанные с мешков с товарами, которые везли баржами в город... Редко, но попадаются монетки разных эпох... И, конечно, невские воды вымывают со дна реки «эхо войны» в виде различных осколков металла и гильз.

Летом 2020 года я гулял вдоль уреза воды. Напротив дома № 13 по Славянской улице я нашел в песке поржавевший патрон от автомата ППП. Эта находка заинтересовала меня, и я решил вытащить

пулю из гильзы. Когда пуля была удалена, я с удивлением обнаружил, что внутри гильзы находится небольшой сверток бумаги.

Патрон был нестреляным. Очевидно, его владелец, также как и я, вытащил из гильзы пулю, удалил порох, положил внутрь записку и этой же пулей заткнул гильзу. Таким образом, получился герметичный самодельный медальон.

Найденная мною гильза с запиской были переданы в руки поисковику, заместителю руководителя Военно-исторического центра СЗФО Сергею Мачинскому, с которым я знаком лично, а он, в свою очередь, направил найденную записку в Москву в лабораторию «Солдатский медальон».

К моему большому удивлению, найденную записку удалось прочитать и установить, что она принадлежала Василию Васильевичу Мельникову, 1923 года рождения, уроженцу села Трофимовка, Утёвского района Куйбышевской области.

В самой записке было написано: «Красноармеец. Мельников Василий Васильевич, года рождения 1923, призван... РВК г. Куйбышев, станция Кряж, ул. Войкова, д. 64. Мельникову Василию Гавриловичу». Ниже написано слово, которое трудно читается, возможно, это слово «отцу».

Благодаря информации, размещенной в «Обобщенном банке данных «Мемориал», было установлено, что «Мельников Василий Васильевич имел последним местом службы 86 стрелковую дивизию, 27.09.1942 года был убит и захоронен в Ленинградской области, во Всеволожском районе, в п. Невская Дубровка в районе бумкомбината» [6].

В донесении «О безвозвратных потерях» № 30950 от 03.11.1942 г. 86 стрелковой дивизии, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны, Мельников Василий Васильевич числится убитым 27.09.1942 г., о чем было выписано извещение № 407, которое было направлено по адресу: г. Куйбышев, станция Кряж, ул. Бойкова, д. 64. В «Журнале донесений о безвозвратных потерях» была допущена ошибка в названии улицы, вместо «улицы Войкова» была указана «улица Бойкова» [7].

В «Поименном списке захоронений», размещенном на сайте «Память народа», Мельников Василий Васильевич числится «перезахороненным во Всеволожском районе, г.п. Дубровское, п. Дубровка, севернее 2 км, монумент «Часовня» [8].

Из полученной мною информации у меня возник вопрос: «Каким образом мог оказаться патрон с запиской в районе деревни Усть-Славянка, расположенной на другом берегу реки Невы, да ещё и в 30 километрах ниже по течению реки от поселка Невская Дубровка?»

Для поиска ответа на этот вопрос я, совместно с Военно-историческим центром Северо-Западного федерального округа, решил

найти родственников погибшего бойца. Затея казалась безнадежной, так как прошло почти 80 лет с момента гибели красноармейца Мельникова, но мы попытались. Разместили информацию в социальных сетях с сообщением о поиске родных В. В. Мельникова.

Совсем неожиданно 21 октября этого года в социальной сети «ВКонтакте» мне пришло личное сообщение от Татьяны Комаричевой из Москвы. В своём сообщении Татьяна написала, что родственники Мельникова найдены! Они проживают в Самаре (бывший город Куйбышев), спросила «с кем и как их связать». Удивительным и сложным оказался поиск родственников Василия Васильевича Мельникова!

Татьяна сообщила контакты некоего Сергея Трофимова, проживающего в городе Самара, который и нашел родственников – племянницу В. В. Мельникова. Из переписки с Сергеем Трофимовым: «Ведь я не только Мельниковым занимался, я занимаюсь сразу несколькими бойцами одновременно. Я не отношусь ни к одному поисковому отряду или движению. Помогаю людям просто по-человечески. И так 17 лет. Ну, а по Мельникову могу пояснить, что сначала ничего не получалось с его поиском. Деревни Трофимовка, как я понял, уже нет. Я в «Одноклассниках» нашел в Утёвском районе всех по фамилии Мельников. Всем разослал сообщения. Но некоторые не ответили, многие просто нагрубили. Раз 10 я обращался в Военный комиссариат Самарской области, но там начали «лить воду», гонять по кругу. Написал в Администрацию Утёвского района по электронной почте 3 раза. Ответы не получил. Тогда я обратился напрямую к Губернатору Самарской области Д. И. Азарову. Вот тогда и нашли родственницу – племянницу Мельникова, Татьяну Фёдоровну Столыпину из Самары...»

Сергей дал мне контакты Татьяны Фёдоровны Столыпина (в девичестве – Мельниковой). Мы созвонились. Оказалось, что Татьяну Фёдоровну нашли не по обращению к губернатору Самарской области, а благодаря тому, что Сергей Трофимов на многочисленных интернет-сайтах размещал информацию о поиске семьи Мельниковых, и это сообщение увидел историк-краевед с. Трофимовка Илья Александрович Радов. И. А. Радов – автор книги «Трофимовка, Дергановка, Росташа тожь... История деревни в родословных ее семей».

Когда Сергей Трофимов нашел родственников В. В. Мельникова перед ним вдруг неожиданно встал вопрос: «А кто именно ищет родственников?» Видимо многочисленные пересылки первоначального сообщения утратили мои контакты. Тогда Сергей Трофимов с целью найти тех, кто «ищет родственников В. В. Мельникова», обратился за помощью к знакомому человеку, который вышел на Татьяну Комаричеву, а та уже нашла меня.

Вернемся к племяннице погибшего Василия Васильевича Мельникова – Татьяне Фёдоровне Столыпиной (в девичестве – Мельниковой).

Из рассказа Татьяны Фёдоровны я узнал, что «никаких документов в семейном архиве не сохранилось. У Василия Васильевича есть родные брат и сестра, которые толком даже не знали о том, что у них был брат и он погиб, так как родились уже после его призыва на фронт и гибели, а в семье почему-то об этом не говорили...»

Она подтвердила, что «брат и сестра В. В. Мельникова проживают в Белоруссии, сама Татьяна Фёдоровна живёт в Самаре и очень давно их не видела. До начала Великой Отечественной войны (осень 1940 г. – весна 1941 г.) семья Мельниковых (родители Василия Васильевича) по вербовке выехала на о. Сахалин. Кто работал там, кто учился. После окончания войны в 1947–1948 гг. семья вернулась в г. Куйбышев».

Со слов Татьяны Фёдоровны, я понял, что своего сына Василия старший Мельников с собой не взял, так как «он был уже большой и скоро должен быть призван в армию». Так и случилось.

7 мая 1942 года Василий был призван в армию Дзержинским РВК г. Куйбышева. Ему предстояло воевать на фронте.

В семье есть составленная И. А. Радовым примерная родословная семьи Мельниковых, копию которой мне выслала Татьяна Фёдоровна. Интересный документ, после изучения которого, вопросов у меня стало ещё больше.

Итак, обратимся к родословной семьи Мельниковых. По данным краеведа И. А. Радова по «Ревизской сказке Бузулуцкого уезда Оренбургской губернии от 23 октября 1850 года» в данном селе числится крестьянин Степан Мельников, 50 лет, его жена и дети: Иван и Гордей...»

Теперь посмотрим на найденную мною записку и обратимся снова к родословной семьи Мельниковых. Записка адресована: в «...г. Куйбышев, станция Кряж, ул. Войкова д. 64. Мельникову Василию Гавриловичу», а в родословной же семьи Мельниковых Василий Гаврилович не значится.

На протяжении многих лет, до обнаружения мною медальона, в семье Мельниковых считали, что погибший в районе Невской Дубровки Василий Васильевич является сыном Василия Егоровича, а Татьяна Фёдоровна считала себя племянницей погибшего.

К сожалению, найти точный ответ на вопрос: кем приходится Василий Васильевич Татьяне Фёдоровне пока не удалось. Можно только предположить, что в роду Мельниковых был Василий Гаврилович – брат Егора Гавриловича, который мог бы приходиться погибшему Василию Васильевичу дедом, либо были еще иные родственники, о которых, к сожалению, И. А. Радов пока не нашёл никакой информации.

А может быть, заполнявший записку Василий Васильевич, от волнения мог перепутать отчество и вместо «Василия Егоровича» адресовать записку «Василию Гавриловичу»? На мой взгляд, это маловероятно! Человек ясно представляет имена всех своих родных, а тем более родного отца!

Хочу вернуться к вопросу: «Каким образом мог оказаться патрон с запиской в районе селения Усть-Славянка, расположенной на другом берегу реки Невы в 30 километрах от поселка Невская Дубровка ниже по течению?» Здесь мне на помощь пришли оцифрованные копии документов Центрального архива Министерства обороны РФ о Великой Отечественной войне, размещенные на сайте «Память народа».

Итак, я уже знаю, что согласно «Сведениям о личном составе военно-пересыльных пунктов и запасных полков», Мельников Василий Васильевич «был призван 07.05.1942 г. Дзержинским РВК, Куйбышевская обл., г. Куйбышев, Дзержинский р-н». Далее он «поступил в распоряжение командира 9 запасной стрелковой бригады города Пугачёв в воинском звании «призывник» [9]. На момент призыва ему было 19 лет. Это начало боевого пути нашего героя.

Далее, из хранящихся на сайте «Память народа» документов, мне стало известно, что красноармеец Мельников Василий Васильевич «имел последним местом службы 86 стрелковую дивизию» и «27.09.1942 года был убит и захоронен в Ленинградской области, во Всеволожском районе, в п. Невская Дубровка в районе бумкомбината» [6]. Это – финальные сведения о жизни этого человека... Каким именно образом и когда В. В. Мельников попал в 86 стрелковую дивизию, мне, к сожалению, установить не удалось. Можно предположить, что, поступив в распоряжение 9 запасной стрелковой бригады в г. Пугачеве, он пробыл там некоторое время, пока не сформировалась боевая часть, которая могла быть направлена из г. Пугачева на Северо-западный фронт, где он и попал в одну из частей 86 стрелковой дивизии.

Из сведений по истории воинского подразделения, собранных в документе «Боевой путь 86 стрелковой дивизии» я узнал, что «86-я стрелковая Краснознаменная дивизия имени Президиума Верховного Совета Татарской АССР до второй половины июля 1940 года дислоцировалась в районе города Прокуров. В соответствии с планом стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР, дивизия к 3 августа была передислоцирована в район Белостока. Там 86-я стрелковая дивизия (первого формирования) попала под сильный удар 3-й немецкой танковой группы и в первые часы войны лишилась из-за пожара не только штаба со всей документацией и связью, но и боевого знамени дивизии, и уже к 27 июня 1941 года, из-за потерь личного состава и техники, перестала существовать как соединение РККА».

86 стрелковая дивизия (далее – сд) второго формирования была создана 24 сентября 1941 года под Колпино путём переименования 4-й Ленинградской стрелковой дивизии Народного ополчения. В действующей армии она числится с 24 сентября 1941 по 30 сентября 1944 года и с 16 октября 1944 по 9 мая 1945 года.

Я продолжил изучать документы и «Боевой путь 86 стрелковой дивизии» за интересующий меня период, т.е. с мая по сентябрь 1942 года. Интересные сведения я почерпнул из документа: «Журнал боевых действий штаба артиллерии 86 сд за период с мая по сентябрь 1942 г.» [10]. По данным этого документа «с мая 1942 г. части 86 сд располагались в районе деревни Манушкино. Практически до начала сентября продолжали удерживать правый берег р. Нева в этом районе. В ночь на 1 сентября части 86 сд начали сосредоточение в районе переправы «Новосаратовская колония».

«2 сентября артминомётные подразделения 330 стрелкового полка (далее – сп) вместе с полком сменили район расположения, сосредоточив силы в д. Усть-Славянка с задачей быть готовыми к действию в направлении Колпино – Усть-Тосно. 3 сентября продолжалась переправа частей дивизии на левый берег с расстановкой сил в районе Петро-Славянка. С 4 по 6 сентября 1942 г. части дивизии располагались в районе Петро-Славянки и Усть-Славянки».

На «Схеме боевого порядка артиллерии 86 сд», размещенной на сайте «Память народа», можно увидеть, что части 86сд по состоянию на 4 сентября 1942 г. располагались в районе деревни Усть-Славянки, в районе «Кривого колена» на берегу р. Нева. В частности, на карте мы видим позиции 330 истребительно-противотанкового батальона [11].

Согласно документу «Оперативная сводка штаба 86 сд от 04.09.1942 г.», которая была адресована начальнику штаба 55 армии Ленфронта, я узнал, что части 86 сд на этот момент «были сосредоточены в районе: Петро-Славянка, Соц.городок, Усть-Славянка». В Усть-Славянке располагались следующие части 86 сд: 330 стрелковый полк, отдельный пулеметный батальон, причём для него дан особый ориентир «в районе высоковольтной линии» [12].

6 сентября 86 сд получила боевую задачу и начала сосредоточение в районе Новосаратовской колонии, произведя переправу через Неву на правый берег.

Согласно другому документу «Оперативная сводка штаба 86 сд» от 06.09.1942 г. части 86 сд уже располагались в районе д. Новосаратовка, в частности 330-й стрелковый полк в районе совхоза «Красная заря» [13].

С 9 сентября 1942 г. части 86 сд выполняли задачу, заключающуюся в форсировании р. Нева и взятии района Анненское-Арбузово.

Изучая «Оперативные сводки штаба 86 сд» за сентябрь 1942 г. [14], я пришел к выводу, что в начале сентября планировалось

участие частей 86 сд в Усть-Тосненской наступательной операции, однако план действий был изменён, и уже с 6 сентября части 86 сд двигались обратно в направлении п. Невская Дубровка.

Из «Оперативных сводок» штаба [14] мне также стало известно, что «противник в течение сентября 1942 г. занимал позиции на левом берегу р.Нева, и из направлений Мустолово, Анненское, Арбузово периодически методичным огнем обстреливал аэродром, бум. комбинат, район Малое Манушкино и Невская Дубровка. Над этим же районом велись активные полеты групповых самолетов противника. 25 сентября части 86 сд вели подготовительные работы для наступления и форсирования р. Нева...»

«26 сентября 1942 года, в 3 ч. 45 мин., была предпринята попытка переправы. Сильным минометным и пулеметным огнем часть лодок была уничтожена, некоторым удалось переправиться на другой берег, но связь с ними была потеряна. Некоторым переправившимся частям удалось закрепиться на левом берегу р. Нева, но, в виду сильного обстрела противника, они нуждались в постоянной огневой поддержке...»

27 сентября 1942 г. была предпринята очередная попытка переправить части 86 сд на левый берег. «Оперативная сводка штаба 86 сд» за 27.09.1942 г. на 17:00 содержит сведения о том, что «в 5:00 утра 27.09.1942 г. курсанты на 22 лодках начали форсирование р. Нева. 11 лодок были разбиты и расстреляны на воде, 11 достигли левого берега, связь с высадившимся десантом была прервана, дальнейшие повторные попытки произвести форсирование успеха не имели в виду сильного артиллерийского и пулемётного обстрела района переправ...» [15].

В «Донесении о безвозвратных потерях № 30950 от 03.11.1942 г. 86 стрелковой дивизии» Мельников Василий Васильевич числится «убитым 27.09.1942 г.».

Ему было всего 19 лет... Он погиб в той самой «очередной попытке переправы». Мы не знаем, к сожалению, есть ли реальное захоронение этого бойца в братской могиле, или же его тело нашло своё упокоение в быстрых водах Невы... Этого мы действительно не знаем, но хочется надеяться, что его прах был предан земле в посёлке Невская Дубровка. Главное, что его имя высечено на надгробии и не потеряно «без вести».

Найденные и проанализированные мною документы позволяют мне с большой долей вероятности утверждать, что погибший В. В. Мельников в начале сентября 1942 г. мог находиться в деревне Усть-Славянка в составе частей 86 стрелковой дивизии, где и обронул свой самодельный медальон, который мне случайно удалось найти спустя 78 лет...

В конце декабря 2020 г., найденная мною записка из лаборатории «Солдатский медальон» вернулась ко мне вместе с протоколом экспертного исследования. В протоколе указано, что записка была адресована отцу – Мельникову Василию Гавриловичу (выше я писал о том, что это слово в записке плохо читалось, и имелись некоторые сомнения относительно того, кому именно она была адресована). Этот факт взволновал близких Василия Васильевича, которые не знали о существовании своего родственника Василия Гавриловича и сейчас находятся в поиске информации о нем.

В январе 2021 года я с родителями съездил в Невскую Дубровку посмотреть: есть ли имя героя моего исследования на памятнике и с удивлением обнаружили, что его там нет. Его имя на памятнике отсутствует! Тогда я стал искать информацию на сайте «Память народа».

В архивных документах, размещенных на этом сайте, числится «Место захоронения» В. В. Мельникова: Всеволожский р-н, г.п. Дубровское, п. Дубровка, севернее, 2 км, монумент «Часовня». В этом же архиве хранится учетная карточка захоронения, на первой странице которой указано: «Персональные сведения о захороненных вносятся в «Книгу Памяти» и находятся в государственном музее «Невский пяточок». Увековечено 6646 человек, нуждается в увековечивании 35354 погибших воинов». Над захоронением шефствует Администрация МО «Дубровское городское поселение». Приложением на трех листах идет список увековеченных имен, чьи родственники обратились с письменным заявлением в МО «Дубровское городское поселение». В самой учетной карточке захоронения идет список всех 35354 человек, чьи имена нуждаются в увековечивании, среди них есть и имя В. В. Мельникова. Эту информацию я сообщил родственнице и передал все контакты, чтобы она написала письмо в Администрацию МО «Дубровское», об увековечивании имени её родственника. В конце апреля 2021 года имя молодого защитника Родины появилось на памятных плитах монумента. Теперь уже можно точно сказать о том, что он вновь обрёл своё имя и место упокоения!

Использованная литература и источники

1. Садовников С.И. Неизвестный солдат – самый известный солдат Второй мировой // Новый исторический вестник. – 2010. – № 1 (23). – С. 54–67.
2. Федосеев С.Б. Личные (увольнительные) знаки русской армии и флота. – [Изд. 2-е доп. и перераб.]. – СПб. : ОМ-Пресс, 2010. – 97 с.
3. Садовников С. И. Личные опознавательные знаки военнослужащих второй половины XIX – первой половины XX в.: создание и применение // Вестник РГГУ. – 2011. – № 12. – С. 245–260.

4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263–272.
5. Информация из донесения о безвозвратных потерях // Мемориал : [обобщенный банк данных]. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1481845> (дата обращения: 05.12.2020).
6. Донесение о безвозвратных потерях № 30950 // Мемориал : [обобщенный банк данных]. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1481709&p=17> (дата обращения: 05.12.2020).
7. Документы о захоронении // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_zahoronenie1151155045/?static_hash=7acc19857aa595379ed46c595d7ffe7 (дата обращения: 05.12.2020).
8. Именной список призывников Дзержинского РВК // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/memorial/DIP/002/8210-0081780-0019/00000351.jpg> (дата обращения: 05.12.2020).
9. Журнал боевых действий штаба артиллерии 86 сд // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131742498> (дата обращения: 05.12.2020).
10. Схема боевого порядка артиллерии 86 сд // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/pamyat> (дата обращения: 05.12.2020).
11. Оперативная сводка штаба 86 сд, 4 сент. 1942 // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/pamyat> (дата обращения: 05.12.2020).
12. Оперативная сводка штаба 86 сд, 6 сент. 1942 // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/pamyat> (дата обращения: 05.12.2020).
13. Приказы, отчеты, донесения // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/?q=86> (дата обращения: 05.12.2020).
14. Оперативная сводка штаба 86 сд // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – 1942. – 27 сент. – URL: <https://cdn.pamyat-naroda.ru/pamyat/%> (дата обращения: 05.12.2020).
15. Мачинский С.А. Солдатский храм. – СПб. : ДЕАН : Золотая книга, 2016. – 202 с.

Попова Анна

10 класса, ГБОУ школа № 477

Пушкинского района,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель –

Стальмак Елена Павловна)

По страницам биографий сотрудников лагеря Ленинградского Литературного фонда

Фотография воспитанников лагеря Литфонда в селе Чёрная Пермского края.
(из фондов МБУК Краснокамский краеведческий музей)

В сентябре 2019 года я стала участницей межрегионального исследовательского проекта «Спасённое детство», основная задача которого – изучение эвакуации ленинградских учреждений в годы Великой Отечественной войны. Сферой моих интересов стало исследование истории эвакуации лагеря Ленинградского Литературного фонда¹: я изучала этапы, списки детей и педагогов. Когда подробности эвакуации были исследованы, я решила посвятить несколько глав своей работы сотрудникам лагеря Литфонда, благодаря которым дети ленинградских писателей остались живы в годы войны. За два с половиной года работы мне удалось найти информацию об 11 сотрудниках лагеря Литфонда. Поскольку исследование о нескольких педагогах уже было представлено в

¹ Литературный фонд – организация при Союзе писателей СССР, осуществлявшая материально-бытовую помощь писателям.

первом исследовании в данную работу входят главы лишь о тех сотрудниках, информацию о которых я нашла за последнее время. Это люди разных профессий, но все они так или иначе были связаны с Литературным фондом, поскольку в нём работали не только писатели и поэты, но и врачи, бухгалтеры, уборщицы, повара... В годы войны для детей членов Литфонда был организован лагерь, в эвакуацию с «литфондовцами» отправились их родители, которые в тылу продолжали работать и занимали разные должности. Этим людям и посвящена моя работа.

Ион Маркович Резвин

В школьном музее деревни Чёрная Пермского края мы нашли ценные воспоминания из газеты «Краснокамская звезда», в которой были написаны следующие строки: «У.А. Журкевича спас от туберкулеза доктор И. М. Резвин» [18]. Прочитав отрывок об этом человеке, нам захотелось узнать, кем он был, чем занимался в эвакуации, связан ли с другими врачами лагеря Литфонда.

Год рождения Иона Марковича мы с научным руководителем нашли, анализируя «Лицевые счета служащих пионерлагеря за 1944 г.» из Государственного литературного музея «XX век» (далее – ГЛМ «XX век»): после его инициалов шёл 1900 год. Из этого же документа мы выяснили, что в годы эвакуации – с 5 июля 1941 года он работал терапевтом в лагере Литфонда. Спустя три года, 6 июня 1944 года, Ион Маркович стал заведующим медчастью лагеря [11]. Также мы узнали, что врач неоднократно брал деньги взём, причина не была указана. Возможно, он переводил их семье. Чтобы узнать о родственниках Иона Марковича, местах его работы и учёбы в довоенный и послевоенный периоды, мы с моим научным руководителем отправились в ЦГА СПб. В нём личного дела врача не оказалось, но мы нашли «Трудовой список Резвина И. М.», в котором были указаны его данные о прохождении службы: с февраля 1928 года он работал врачом медпункта лечебницы при Восточном институте; в апреле 1930 года «командирован в колхоз на посевную компанию сроком на два месяца», в июле того же года вернулся на работу в лечебницу, но уже в сентябре медпункт был ликвидирован, а Резвин переведён на должность амбулаторного врача, «зачислен по совместительству на службу в Ленинградский восточный институт имени А. С. Енукидзе в качестве врача медпункта...» [22]. О том, где жил Ион Маркович, удалось узнать, работая со справочниками «Весь Ленинград». Причём, в справочниках с 1922 по 1928 год фамилия Резвин не встречается – его нет ни в алфавитном указателе жителей, ни в списках сотрудников учреждений отдела «Здравоохранение». Ион Маркович появляется в адресных книгах лишь в 1929 году, проживает по адресу: ул. Союза Печатников, д. 27,

кв. 4 [5]. Узнав точный адрес и обратившись к документам ЦГА СПб – «Спискам по ф. I за 1928/29 г. Ул. С. Печатников с д. 18 по д. 30», мы выяснили, что Резвин родился в Киеве, затем переехал в Ленинград, где начал работать врачом в медпункте при Институте восточных языков. Затем он работал в Первой коммунальной больнице Ленгорздравотдела (большая Максимилиановская) [19]. О том, с кем он жил, в адресных книгах информации нет, но семья у него была. В списках эвакуированных в город Гаврилов-Ям Ярославской области мы обнаружили сведения об его пятилетнем сыне – Марке Ионовиче и восьмилетней дочери – Елене Ионовне Резвиной [20]. К сожалению, их воспоминаний мы не нашли. Но об Ионе Марковиче вспоминала Наталья Рождественская: «Взрослых лечил очень хороший врач, «сердечник» Иона Маркович Резвин, к которому и после войны шли все, у кого возникали проблемы с сердцем» [15]. Иона Маркович вернулся в Ленинград 1 июля 1944 года, об этом свидетельствуют записи в документах [17].

Анна Борисовна Решетова

В феврале 2021 года, побывав в музее Черновской школы, нашли фотографию с подписью: «А. Б. Решетова. Вечная пионервожатая». Нам захотелось узнать о ней больше. Чтобы изучить биографию Анны Борисовны, мы с научным руководителем – Е. П. Стальмак отправились в архивы Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАЛИ СПб, ЦГА-ИПД СПб), но, к сожалению, в них мы не обнаружили её документов. Но, обратившись на сайт Архивного комитета Санкт-Петербурга «Блокада Ленинграда. Эвакуация», мы нашли информацию о том, что Анна Борисовна была эвакуирована в Ярославль 13.07.1941 года вместе с С. Решетовой [4]. Вероятно, С. Решетова была родственницей Анны Борисовны. Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к спискам эвакуированных [20]. Нашли в них С. Решетову. Оказалось, что это была дочь Анны Борисовны – Решетова Светлана Алексеевна.

Анализируя документы музея Черновской школы, мы нашли заметку Решетовой «Памяти верны» за 1982 год, в которой Анна Борисовна пишет о сборе материалов для музея к 50-летию Черновской школы [12]. Как оказалось, именно она сохранила архив лагеря Литфонда и нашла бывших эвакуированных, чтобы те прислали памятные вещи военного времени в Чёрную. В школьном музее мы также нашли письмо с фронта А. Б. Решетовой от В. Никитина (брата М. Козакова), в котором он писал о том, что происходит на фронте [14]. А. А. Арефьев – бывший воспитанник лагеря Литфонда, хорошо помнит Анну Борисовну, рассказывает о ней так: «Моим воспитателем была жена поэта Решетова – А. Б. Решетова. Помню её, она такая черновобровая, немножко украинского типа была.

Отношения у нас у всех были достаточно хорошие, хотя мы – мальчишки бунтовали немножко, вставали в кроватях и пели Интернационал, «Варяга» [2]. У Анны Борисовны был муж – поэт Алексей Решетов. Он являлся членом Литфонда, благодаря чему Анна Борисовна и Светлана впоследствии эвакуировались именно с ним. Алексею, как поэту, была предоставлена квартира в писательском доме – на канале Грибоедова, д. 9. По этому адресу в квартире № 22 семья Решетовых жила в довоенное и послевоенное время [4]. О муже Анны Борисовны мы узнали впервые, когда работали с документами Государственного архива Пермского края. В них мы обнаружили журнал «Урал» за январь 1963 года [23], в котором печатался поэт. О том, чем занималась Анна Борисовна в довоенные и послевоенные годы нам ещё предстоит узнать.

Семён Георгиевич Бешелев

О Семёне Георгиевиче мы узнали впервые, прочитав книгу «Ленинградские писатели в годы блокады». В одной из её глав было написано о том, как он (начальник) организовал поездку за тёплыми вещами в блокадный Ленинград [7]. Но по документам ЦГАЛИ и ЦГА с 1941 по 1943 года начальником лагеря был другой сотрудник – А. И. Лаврентьева-Кривошеева. Возникает вопрос: в лагере Литфонда было два начальника или один? Какие должности занимал Бешелев? Чтобы узнать, чем занимался Бешелев в годы эвакуации, мы обратились к документам ГЛМ «XX век». В них мы нашли личную справку С. Г. Бешелева о получении заработной платы, где за 1941 год в графе «должность» написано «директор». Вместе со справкой был приказ «о закупках на колхозном базаре» от 17.07.1941 года, подписанный Семёном Георгиевичем [9; 10]. Но в списках эвакуированных в город Гаврилов-Ям Ярославской области мы информации о нём не нашли. Чтобы выяснить, где в годы войны находился Бешелев, мы обратились к документам ЦГАИПД СПб. В личном деле Семёна Георгиевича за 1947 год мы обнаружили целую таблицу о его работе до 1947 года: «с 1941 по 1944 г. занимал должность Уполномоченного Литфонда СССР» [3]. Из этих строк мы выяснили, что Бешелев занимался всем Литфондом, а не только эвакуированным лагерем, руководил из Ленинграда, а Александра Ивановна занимала должность заведующей именно лагеря. В годы войны он часто ездил в командировки: был в Ленинграде, в Москве, навещал лагерь Литфонда в Молотовской области (современный – Пермский край), но не находился там долгое время, поэтому директором школы в деревне Чёрная он быть не мог.

Из личного дела, найденного в ЦГАИПД СПб, мы узнали, что Бешелев родился в апреле 1899 года в Петербурге «в семье приказчика» [20]. До 1916 года Семён Георгиевич учился в средней

школе, потом поступил на завод Новый Лесснер – конторщиком. Затем занимался в сельскохозяйственном училище и одновременно работал. В 1919 году вступил добровольцем в Красную Армию. В 1933 году Семён Георгиевич окончил Ленинградский Текстильный институт, после чего сменил немало мест работ, все они указаны в его личном деле [3].

Подробности, связанные с работой по эвакуации лагеря, мы нашли в книге И. В. Роскиной «Письма военных лет». Из них узнали, что благодаря усилиям Семёна Георгиевича лагерь Литфонда перевезли в деревню Чёрная Молотовской области [16]. После войны он был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В послевоенное время он работал Управляющим Трестом «Ленгороформление».

Чтобы узнать, где жил Семён Георгиевич, мы обратились к адресным книгам «Весь Ленинград» за разные годы. В книге за 1935 год было написано так: «Бешелев С. Г. Дир. фаб. «Гигроката», Лесной пр., 59, кв. 154» [5]. Где жил Семён Георгиевич в послевоенное время, нам ещё предстоит узнать.

Зоя Александровна Никитина

В ходе работы над исследованием мы часто встречали воспоминания М. М. Козакова. Он упоминал, что с ним в лагере была мама – З. А. Никитина. Начав исследовать биографию этой женщины, мы заметили, что нередко в документах её инициалы стоят с разными фамилиями: Никитина, Гаскевич, Козакова. Мы решили узнать, с чем это связано. Сначала мы обратились к спискам эвакуированных в г. Гаврилов-Ям Ярославской области, в них она была записана под фамилией первого мужа – писателя Н. Н. Никитина [20]. Девичья фамилия Гацкевич досталась ей от отца [21]. Мы выяснили это по документам ЦГА СПб. Из них мы узнали о жизни Зои Александровны до, после и во время войны. Она родилась в Одессе 24 февраля 1902 года, «родители её: титулярный советник А. К. Гацкевич и законная жена его З. Дмитриева» [21]. В Петроград она переехала в 1919 году и поступила в Петроградский университет. В то время она проживала по адресу: 5-я Линия В.О., д. 64, кв. 8. На этом информация о довоенной жизни закончилась.

Мы обратились к справочным материалам «Весь Ленинград» за разные годы. В книгах за 1922–1930 годы информация о ней отсутствует. Она появляется в справочнике за 1934 год: «Изд-во писателей в Ленинграде. Канал Грибоедова, д. 9, кв. 88» [5]. В справочной книге за 1935 год адрес меняется: «Заведующая предств-ом издательства «Советский писатель». Канал Грибоедова, д. 8, кв. 47» [9]. Известно, что в 1934 году у неё родился сын М. М. Козаков [20]. Поскольку Зоя Александровна была членом Союза писателей, в годы войны

она была эвакуирована с лагерем Литфонда. Анализируя документы ГЛМ «XX век», удалось обнаружить лицевой счёт Никитиной, где были прописаны её должности: с 5.07.1941 – заведующая группой старших школьников; 14.07.1944 – заместитель начальника лагеря. Также работа с лицевыми счетами служащих Лагеря Литфонда за 1943 год, мы обнаружили «Справку сотрудника Никитиной З. А.» [9; 10]. Из документа мы узнали, что на иждивении этой женщины находятся дети: Рензин Борис и Козаков Михаил. В ходе изучения биографии Зои Александровны выяснилось, что у неё было три мужа: Никитин, Рензин и Козаков. Поэтому у мальчиков разные фамилии. Впоследствии выяснилось, что в первом браке у Зои Александровны родился сын Володя. Он воевал на фронте, погиб в последний день войны [6].

В эвакуации Зоя Александровна много работала: воспитывала «литфондовцев», следила за тем, чтобы им хватало одежды, продуктов, во время эвакуации лагеря Литфонда из Ярославской области в Молотовскую она контролировала покупку билетов на паром [16]. В 1944 году Зоя Александровна вернулась из эвакуации в Ленинград, продолжила работать в Литфонде. В ЦГА СПб мы нашли документ за 1949 год, в котором Зою Александровну вместе с несколькими сотрудниками Литфонда обвинили в создании так называемой «чёрной кассы». Их арестовали «по обвинению в нарушении законов о финансовой дисциплине и служебных злоупотреблениях» [13]. Несмотря на многочисленные оправдательные письма, суд вынес свой вердикт: «Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда Никитиной избрать содержание под стражей в ДПЗ УМ Ленинграда» [13]. В документах информация была только за 1949 год. Когда выпустили Зою Александровну, нам ещё предстоит узнать. Густав Александрович Богуславский в своих воспоминаниях упомянул о её жизни после освобождения: «Она была выпущена и дальнейшая ее жизнь протекала в стенах редакции Ленинградского отделения издательства «Искусство», где она занимала должность редактора и приобрела совершенно исключительный авторитет...» [6].

Использованная литература и источники

1. Анкета членов Литфонда. А–Г // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-372. Оп. 4. Д. 2. Л. 12.
2. Архив Всероссийского союза писателей; ЛО Всероссийского союза поэтов. Анкеты (43) членов ЛО Союза писателей Жеребцов-Пумианский // Институт Русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). Ф. 291. Оп. 1. Д. 460. Л. 52.

3. Бешелев С.Г. Личное дело // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 411. Оп. 8. Д. 308. Л. 5.
4. Блокада Ленинграда. Эвакуация // Поиск эвакуированных граждан : [интернет-портал]. – URL: <https://clck.ru/askB6> (дата обращения: 7.02.2022).
5. Весь Ленинград : адресная и справочная книга г. Ленинграда на [1922–1935 гг.]. – Л., 1922–1935.
6. Вольтская Т.А. Воспоминания Михаила Козакова // Радио «Свобода» : [сайт]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/24093030.html> (дата обращения: 10.02.2022).
7. Дичаров З.Л. Голоса из Блокады. Ленинградские писатели в осаждённом городе (1941–1944). – СПб. : Наука, 1996. – 523 с.
8. Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся. Сектор кадров. Бешелев Семён Георгиевич // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 34. Д. 218. Л. 2, 7.
9. Лицевые счета на зарплату за 1941 год. Нововведённые фонды Государственного литературного музея «XX век». Д. 2. Л. 5–8.
10. Лицевые счета служащих пионерлагеря за 1941 г. Нововведённые фонды Государственного литературного музея «XX век». Д. 3. Л. 14, 17.
11. Лицевые счета служащих пионерлагеря за 1944 г. Нововведённые фонды Государственного литературного музея «XX век». Д. 9. Л. 2–7.
12. Музей Черновской Средней общеобразовательной школы № 1.
13. Наблюдательное производство прокурора г. Ленинграда по делу Никитиной З.А., Цербакова А.И. и др. по статье 109 УК РСД // ЦГА СПб. Ф. 8975. Оп. 2. Д. 423. Л. 12, 69, 74, 75, 87, 89.
14. Никитин В. письмо к Решетовой А. // Архив музея Черновской Средней общеобразовательной школы № 1.
15. Рождественская Н. Вс. Моя Чёрная : [рукопись] // Семейный архив Рождественских.
16. Роскина И. Из семейного архива. Переписка Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой с Н.А. Роскиной. Окончание // Чайка : seagull magazine: [интернет-журнал]. – 2 декабря. – 2017. – № 4. – URL: <https://www.chayka.org/node/8534> (дата обращения: 18.05.2020).
17. Сведения о сотрудниках лечебного отдела ЛО Литфонда по состоянию на 28/XI–44 г. Штаты и сметы отделения на 1944 г. // Центральный Государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–5.

18. Согреты теплом любви в годы войны были ленинградцы, эвакуированные в село Чёрная // Краснокамская звезда. – 1984. – 27 дек. – С. 9.
19. Списки по ф. № 1 за II полугодие 1925/26 г. по Перевозной ул. Печатников, Писаревской ул., Псковской ул. // ЦГА СПб. Ф. Р-1963. Оп. 180. Д. 3873. Л. 28.
20. Списки эвакуированных из г. Ленинграда и размещённых в эвакуопунктах Гаврилов-Ямского района // Государственный архив Ярославской области. Ф. Р.–3335. Оп. 1. Д. 101. Л. 19–24.
21. Студенческий отдел Дела I-го Петроградского университета 1919–20 уч. года. Зоя Александровна Гацкевич // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 3. Д. 267. Л. 6–7.
22. Трудовой список Резвина И.М. // ЦГА СПб. Ф. 7222. Оп. 27. Д. 215. Л. 2.
23. Фрадкина С.Я. Личный фонд за 1963 г. // Государственный архив Пермского края. Ф. р. 1805. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

Говорова Арина

10 класс,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Стальмак Елена Павловна)

«Вы на Урале жили с нами...» Судьбы сотрудников Легаевского интерната

Легаевский интернат – учреждение, организованное на базе эвакуированного детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда.

В довоенные годы детский сад располагался по адресу улица Декабристов, 34. Сейчас там находится Новая сцена Мариинского театра, а тогда был ДК Первой Пятилетки. И в небольшом флигеле, примыкающем к ДК, на Минском переулке были помещения детского сада. История эвакуации детского сада № 20 начинается 28 июня 1941 года, когда всех заведующих детскими садами Октябрьского района вызвали в райисполком и велели подготовиться к эвакуации, которая была назначена на 29 июня на 10.30. Всего за день необходимо было известить всех родителей

воспитанников, собраться самим, собрать все необходимое для детей. Детей с сестрами и братьями до десяти лет было приказано не разлучать. Сначала детский сад № 20 эвакуировали в деревню Лукино Ярославской области, где дети и сотрудники находились до октября 1941 года. Но в связи с продвижением фашистов эвакуацию было решено продолжить, и в октябре детский сад выехал на Урал. Конечной точкой эвакуации стала деревня Легаевка Чернушинского района Пермского края, она существует и сейчас. Детский сад поселили в хороший двухэтажный дом. Но у дома была проблема — он не был приспособлен для зимнего времени. Сотрудники детского сада вынуждены были сами утеплять и приспособлять для детей жилище. Соорудили умывальный уголок, придумали распялки из лучинок (в первый год, пока не было керосина, лучины были единственным освещением).

Домашний уют в интернате создавали сами сотрудники. Рядом с ребятами были не только воспитатели и заведующая Е. Н. Скотникова, но и нянечки, уборщицы. Про судьбу одной из помощников воспитателей Легаевского интерната мы расскажем.

Анна Васильевна Осипова родилась в 1913 году в городе Вышнем Волочке. Ее детство пришлось на начало Первой мировой войны, революции и гражданской войны. В семье Осиповых было трое детей: Иван, Николай и Анна. В списке на обслуживающий персонал Легаевского интерната мы читаем, что Анна Васильевна окончила 6 классов. А в списке на обслуживающий персонал Легаевского интерната и их иждивенцев написано, что у Осиповой на иждивении состоит Анатолий Иванович Осипов (1937 года рождения). По воспоминаниям дочери Осиповой, Ирины Марковны Шварц, это ее племянник, сын старшего брата Ивана.

После школы Анна Васильевна закончила институт, получила профессию фармацевта и приехала в Ленинград. Жила она по адресу Большой проспект Петроградской стороны, дом 16/1, а работала в аптеке неподалеку фармацевтом. По воспоминаниям Ирины Марковны, Анна Васильевна вышла замуж примерно в 1937 году за Марка Семеновича Шварца. А 23 декабря 1940 года в семье родилась Ира. Марк, отец Иры, ушёл из семьи, поэтому про него мы мало, что знаем. Спустя время началась война.

Самую первую блокадную зиму Анна Васильевна с дочкой провели в Ленинграде. «Страшно подумать, как мы выжили...», — вспоминает Ирина Марковна. Но 12 августа 1942 года, благодаря хлопотам Марка Семеновича, Ирина и ее мама выехали из осажденного города и отправились в деревню Легаевка Молотовской области (ныне Пермского края). В Легаевском интернате Анна Васильевна работала уборщицей, но в списках сотрудников интерната мы встречаем ее как счетовода. «Мама жила в избе моей

крестной Марии. А крестили меня в Легаевке», – рассказывает Ирина Марковна. В некоторых списках сотрудников интерната Анна Васильевна отсутствует. Возможно, некоторое время она не работала в интернате.

В июле 1945 года Анна Васильевна и Ира вернулись в Ленинград. Ирочка пошла в детский сад, а Анна Васильевна сперва работала кассиром в магазине на углу Пионерской улицы и Большого проспекта. Своего племянника Анатолия Анна Васильевна пристроила в ремесленное училище, потом мальчик служил во флоте. «Еще я помню, что ходила к маме на Чкаловский, 58, она тоже там кассиром работала», – рассказывает Ирина Марковна. И третьим местом работы Анны Васильевны был Кулаковский магазин, находящийся на улице Блохина. «Мама там много лет работала. 25 или даже больше. У нее была виртуозная работа. Раньше были такие кассы с ручками, и мама все делала очень быстро. За годы к ней все привыкли, Анечкой называли, любили очень. Работала мама с утра до вечера. Я ее иногда ходила встречала». В послевоенное время было тяжело. Анна Васильевна одна воспитывала дочь, муж никак финансово не поддерживал, на ней был и племянник-подросток. Но все равно каждое лето Анна Васильевна с дочкой ездила в город Килию, Одесской области. Вкусный осетр и жаркое лето Украины Ирина Марковна до сих пор вспоминает с теплотой.

Проводить свободное время вечером Анна Васильевна любила за книгой. «Помню, придет она с работы, сядет за наш круглый стол, откроет книгу, упрется локтями в стол, подогнет ноги под себя и сидит читает. А мне свет с лампы мешает спать, я на нее ворчу», – вспоминает Ирина Марковна. Еще Анна Васильевна была рукодельницей, шила одежду и себе и дочке.

На пенсии Анна Васильевна совсем недолго пробыла. 25 декабря 1978 года Анна Васильевна умерла. «Это была прекрасная женщина. И такая красивая...», – рассказывает Ирина Марковна. Анна Васильевна похоронена на Северном кладбище. А с ее дочкой, Ириной Марковной, нам удалось встретиться, взять интервью. Ирине Марковне недавно исполнился 81 год, живет она в социальном доме, недалеко от своих детских мест, где когда-то работала ее мама.

Использованная литература и источники

1. Воспоминания воспитанника Легаевского интерната Валентина Трыкова // Архив Народного музея «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» при Педагогическом колледже № 8 Санкт-Петербурга.
2. Максимова Э.М. Вторая Победа // Дети военной поры : [сборник] / сост. Э. Максимова. – Изд. 2-е, доп. – М., 1988. – С. 84–92.

3. Микишатъев М.Н. ДК Первой пятилетки // Адреса Петербурга. – 2005. – № 18/19. – С. 26–31.
4. Сведения об образовании и стаже работы педагогов и заведующей Легаевского интерната // Архивный отдел Администрации Чернушского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
5. Список на обслуживающий персонал детского сада № 20 Октябрьского района города Ленинграда // Архивный отдел администрации Чернушинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
6. Список работников Легаевского интерната и их иждивенцев // Архивный отдел администрации Чернушинского муниципального района. Ф. 53. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
7. Справка о Легаевском интернате. 1944 г. // Архив школы № 5 города Чернушка Пермского края.
8. Шварц И.М. Интервью. 11.0.2019.
9. Шварц И.М. Интервью. 09.01.2021.

Берёзкина Татьяна

9 класса,
ГБОУ Петергофская гимназия
императора Александра II
(руководитель –
Захарова Татьяна Владимировна)

«И братья Горкушенко снова рядом...»

Владимир и Глеб Горкушенко
(из архива гимназии, довоенная фотография)

Каждый раз, входя в гимназию, я вижу мемориальную доску, посвященную братьям Горкушенко, ученикам нашей школы, погибшим при защите Петергофа 22 сентября 1941 года. Она напоминает мне о героях, которые учились в этих стенах, сражались с врагом. Имя братьев Горкушенко известно жителям Петергофа, поскольку так называется одна из улиц. Однако их подвиг уже начинают забывать, младшие школьники уже не могут сказать, чем прославились эти ребята, Володя и Глеб Горкушенко.

Оборона Петергофа

Прифронтовым городом Петергоф стал в конце июля 1941 года. Предприятия и часть населения были эвакуированы на восток. Полным ходом шла и эвакуация ценных экспонатов из дворцов и парков Петергофа. Взрослые и подростки рыли окопы на юго-западной окраине города, сооружали земляные укрепления и противотанковые рвы, возводили ряды железобетонных надолбов [11].

Уже в конце июня 1941 года в доме отдыха (бывшие Императорские конюшни) был сформирован 79-й Истребительный батальон, а буквально через день-два – 78-й батальон. В них записались свыше 450 человек. Это были жители нашего города самого разного возраста и профессий [2]. Для размещения Истребительных батальонов отвели здание нашей Петергофской гимназии.

22 сентября 1941 года ополченцы батальонов приняли первое боевое крещение. Ранним утром фашисты открыли сильный артиллерийский огонь в районе железнодорожного переезда на Ропшинском шоссе [12]. Бойцы истребительных батальонов мужественно дрались с фашистскими оккупантами. Погибло немало добровольцев, рядом лежали и старые, и молодые, многим из которых не было и 18-ти лет.

23 сентября стал днем потери Петергофа.

Братья

Юными добровольцами, защитниками родной страны стали и ученики Первой средней школы (ныне Петергофская гимназия императора Александра II). В их числе были Володя и Глеб Горкушенко.

Братья росли в дружной семье. В 1930-е годы Анна Петровна и Григорий Степанович Горкушенко с двумя сыновьями приехали в Петергоф. Отец был назначен инженером авиаэскадрильи ВВС Краснознаменного Балтийского флота и получил жилье в доме на улице Коминтерна (ныне – Разводная ул.).

В архиве гимназии хранится тоненькая тетрадь в клеточку. В ней рукой Анны Петровны, матери Володи и Глеба, написаны воспоминания о мальчиках, оставленные для будущих поколений:

«Учились сыновья хорошо, а к труду приучены были с малолетства. Каждый сам убирал свою постель, гладил брюки, чтобы всегда была стрелочка. Мыли полы, воду и дрова таскали только сыновья». В школе их научили штопать и шить, они посещали технический кружок дома пионеров, занимались велосипедным спортом. Дома ребята играли в настольный бильярд.

Глеб всегда делился с товарищами едой. Прикармливал бездомных кошек. Не проходил мимо сломанного дерева. «Найдет щепку или палку, достанет шпагат – делает перевязку. Дома выращивал цветы, ухаживал за ними. Соседи говорили, что он будет садовником», – писала Анна Петровна [11].

У Володи был ровный, серьезный характер. Он увлекался моделями самолетов, планеров, кораблей. Володя всё схватывал на лету, у него была хорошая память, способности к иностранным языкам, вкус к чтению. В архиве гимназии сохранилась фотография Похвальной грамоты за отличные успехи и примерное поведение Владимира Горкушенко за 7-й класс в 1939 году.

Начало войны

Когда началась война, Володе было 18 лет, он закончил 9-й класс. Восьмой класс закончил Глеб, в 1941-м ему исполнилось 16 лет. Володю, как совершеннолетнего, сразу зачислили в Истребительный батальон, но командир и комиссар отказывались записать несовершеннолетнего Глеба.

Надолго в памяти матери остался тот день и тот час, когда её младший сын протянул ей лист бумаги. Упрямо сдвинув тёмные брови, Глеб требовал, чтобы она дала своё согласие на зачисление его в комсомольско-молодёжную роту 79-го Истребительного батальона. «Сердце Анны Петровны сжалось. Она хотела оттолкнуть этот страшный лист, хотелось накричать в гневе на младшего сына, но в это время рука потянулась за карандашом, непослушные пальцы вывели подпись» [1]. «Он сразу заторопился и стал прощаться: «Мама, не волнуйся! Не плачь, все будет хорошо. Мы не струсим! Вот увидишь, вам с папой краснеть за нас не придется». Он меня поцеловал и ушел» [11].

Так случилось, что мать не смогла проститься со своими мальчиками. Мысль о судьбе сыновей не давала ей покоя. Только в марте 1942 года Анна Петровна получила известие о том, что сыновья числятся пропавшими без вести. Она надеялась, что её мальчиков ранеными подобрали местные жители.

Гибель на осеннем поле

Почти четверть века разыскивала своих двух сыновей Анна Петровна. Писала во многие архивные военные отделы. Но ответа

так и не получала. Сведений о сыновьях не было. И только 21 января 1964 года Красные следопыты 415 школы (ныне Петергофской гимназии) смогли встретиться с ней и рассказать о героической гибели Глеба и Володи. На встречу был приглашен оставшийся в живых участник и очевидец Николай Николаевич Орлов [11].

22 сентября 1941 года. Полдень. Владимир и Глеб лежат рядом на сыром осеннем поле у пулемета, защищая подступы к родному городу Петергофу. Гитлеровцы после сильного огня поднялись в атаку, стреляя на ходу из автоматов. «Силы были неравные, – рассказал Николай Николаевич. – ...Впереди, левее и ближе к дороге на Ропшу, лежали пулеметчики нашего взвода братья Горкушенко. Они вели огонь очень метко. Подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и косили их вовсю» [11]. Смертельно был ранен Володя – ему оторвало обе ноги. Глеб тоже был ранен, но нашёл в себе силы заменить брата – пулемёт продолжал косить вражескую цепь, снова поднявшуюся в атаку. И вот кончаются пулемётные ленты. Глеб, схватив ручной пулемёт, поднялся и крикнул: «Комсомольцы не сдаются, я за брата отомщу!». Он стал расстреливать фашистов в упор. Только обойдя его, выстрелив из автомата ему в затылок, враги убили Глеба» [1]. Так погиб пулемётный расчёт братьев Горкушенко, защищая Петергоф от фашистских захватчиков.

Сохранение памяти

С 60-х до конца 80-х годов XX века пионерская дружина нашей 415 школы носила имя Братьев Горкушенко. Готовясь к 20-й годовщине со дня победы Советской Армии над фашистскими захватчиками, штаб Красных следопытов 415 школы обратился с просьбой к администрации нашего района (Райисполкому) о присвоении одной из улиц Петергофа (тогда города Петродворца) имени братьев Горкушенко. Это ходатайство было удовлетворено 9 мая 1965 года. Улица Братьев Горкушенко проходит от Эрлеровского бульвара до железнодорожной линии и продолжается дальше до границы Петродворцового района [14].

Красные следопыты

Нельзя не рассказать о делах Красных следопытов (КС) – это поисковое движение, которое возникло во многих советских школах после войны. В сентябре 1964 года Красные следопыты 415 школы (ныне Петергофской гимназии) получили задание от районного штаба КС изучить историю 79-го Истребительного батальона. Ребята собрали материалы о жизни Володи и Глеба. Красные следопыты разыскали защитника Петергофа, бойца 79-го батальона Н. Н. Орлова и организовали с ним встречу.

В феврале 1967 года штаб КС принял решение взять шефство над матерью юных героев в связи с её плохим самочувствием. Муж ее, Григорий Степанович, скончался после войны, и женщина жила одна. Отмечу, что ученики нашей школы просили обменять жилплощадь А. П. Горкушенко в Ленинграде на отдельную однокомнатную квартиру в г. Петродворце, где она раньше проживала, и где погибли ее сыновья. Их просьба была удовлетворена. Пионеры нашей школы очень часто бывали дома у Анны Петровны, приглашали ее к себе на пионерские сборы и праздники.

7 мая 1970 года Совет дружины ходатайствовал перед РК ВЛКСМ Петродворцового района г. Ленинграда о присвоении дружине 415 школы имени Братьев Горкушенко. Такое решение было принято.

Красные следопыты нашли оставшихся в живых бывших бойцов Истребительных батальонов, устраивали с ними встречи учащихся.

Мемориальные доски

В Петергофе есть две мемориальных доски, посвященные памяти братьев Горкушенко. Я нашла полную информацию об этих памятных знаках и составила паспорт, где отразила всю информацию.

В 1968 году на доме № 1 по улице Братьев Горкушенко установлена мемориальная доска; ее архитектором является М. Ф. Егоров [6].

А 21 февраля 2003 года в вестибюле первого этажа Петергофской гимназии была установлена памятная доска братьям Горкушенко. Организаторами и вдохновителями этого мероприятия были директор гимназии Вера Георгиевна Черкасова и учитель краеведения Алексей Николаевич Сурков.

Могила матери

20 июня 2019 года на городском кладбище в Старом Петергофе был открыт новый скромный памятник на могиле Анны Петровны Горкушенко. Он появился благодаря стараниям Дроздовой Светланы Сергеевны, ветерана педагогического труда, учителя английского языка Петергофской гимназии. Она же является и автором памятника.

На открытие этого памятника были приглашены жители Петергофа, наши учителя и учащиеся, которые прочитали стихи и отрывки из воспоминаний Анны Петровны о своих сыновьях.

Память в делах гимназистов

Нынешние гимназисты, как и красные следопыты, чтят память об учениках нашей школы. Учащиеся начальной школы (до 2010 года) и средней школы возлагают цветы к памятным доскам,

ухаживают за могилой матери Анны Петровны Горкушенко на кладбище в Старом Петергофе. Сейчас эту эстафету продолжают учащиеся гимназии под руководством учителей Куницыной Ларисы Валентиновны и Ляпсеновой Любови Николаевны. Гимназисты сами выращивают цветы для того, чтобы посадить их на могилу матери Володи и Глеба.

Использованная литература и источники

1. Амбросов С.А. Здесь шли бои / под ред. Н.Г. Бадейкина. – Петродворец, 2003. – 200 с.
2. Гриднев В.П. Истребительные батальоны в истории Ленинградской битвы // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. – 2012. – № 4. – С. 109–112.
3. Гриднев В.П. Защищая Ленинград (1941–1944) // Управленческое консультирование. – 2019. – № 5. – С. 95–104.
4. До конца выполняя свой долг // Заря Коммунизма. – 1981. – № 134. – С. 2.
5. Ильина М.А. Традиции патриотического воспитания учащихся : альбом учащихся 6б класса. 2010 // Архив Петергофской гимназии императора Александра II.
6. Калинин Б.Н., Юревич П.П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда : справочник. – Л. : Лениздат, 1979. – 519 с.
7. Келенчук А. Матери героев // Муниципальная перспектива. – 2019. – № 11. – С. 6.
8. Логунова Е.П., Кузьмин В.А. Петергоф, 1941–1945 : трагедия и подвиг. – Петергоф, 2010. – 227 с.
9. Максимова А.А. Петергоф XX века // Жители Петергофа, XX век : [сборник] / СПб ГБУ «ЦБС Петродворцового района Санкт-Петербурга». – СПб., 2017. – С. 12–21.
10. Плюхина М.С. Осень сорок первого // Петергофский вестник. – 1990. – № 36. – С. 7–8.
11. Плахотник Е. Юность, опаленная войной : олимпиадная работа по истории ученицы 10 класса средней школы № 415 Петродворцового района, 1987 г. // Архив Петергофской гимназии императора Александра II.
12. Тимофеев О.В. Если завтра война... // Петергофский вестник. – 1997. – № 24. – С. 3.
13. Фридман М. Они служили в Петергофе. К 40-летию крылатой гвардии Балтики // Заря коммунизма. – 1982. – № 23. – С. 3.
14. Фридман М. Они служили в Петергофе. К 40-летию крылатой гвардии Балтики // Заря коммунизма. – 1982. – № 24. – С. 3.
15. Нестеров А. Память о братьях жива... // Петергофский вестник. – 2006. – № 18. – С. 3.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТЕРБУРГА

Недбайлова Софья

10 класс,

Вторая Санкт-Петербургская гимназия,

Юношеский Университет Петербурга

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель –

Аксельрод Владимир Ильич)

Петербург Анны Павловны Философовой

Изучение судьбы отдельных пассионарных личностей, «двигателей прогресса», людей, по словам К. Э. Циолковского, «ведущих все человечество и все живое к счастью, радости и познанию», прошлое и будущее – одна из актуальных проблем современной исторической науки и краеведения.

Выбор темы исследования обусловлен также тем, что несколько поколений моей семьи связаны с поселком Бежаницы Псковской области, где находится усадьба Философовых Богдановское, судьба её владельцев всегда интересовала меня.

В настоящее время в дворянском особняке располагается историко-краеведческий музей и «Бежаницкий историко-культурный центр Философовых», который я посетила в ходе работы над исследованием.

Меня, как краеведа-исследователя, интересовала экспозиция, посвящённая непосредственно роду Философовых, где я смогла познакомиться с материалами об одном из ярчайших представителей этой фамилии – Анне Павловне Философовой (1837–1912). Она – выдающийся общественный деятель XIX века, член «женского триумvirата», оказавшего огромное влияние на развитие женской эмансипации в России.

Анна Павловна появилась на свет в семье общественного деятеля Павла Дмитриевича Дягилева и Анны Ивановны Сульменевой, предками которой были два адмирала, в том числе знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке. Ее «колыбелью» стал отцовский дом в Рождественской части Петербурга [15, с. 617], на Садовой улице [5, с. 391], ныне не сохранившейся. Даже член городской Топонимической комиссии Алексей Дмитриевич Ерофеев не смог ответить на

поставленный мною вопрос о местоположении этой улицы. Информацию о «рождественской» Садовой я нашла только в одной адресной книге «Нумерация домов в Санкт-Петербурге» с алфавитными списками на 1855 год «Садовая улица (Рождественская) «От реки Невы у Таврического сада до Конногвардейской улицы» [16, с. 233, 594].

Сама же А. П. Философова своей «колыбелью» также считала дом бабушки и дедушки на Васильевском острове, 8 линия, д. 11 (дошел до нашего времени) [19, с. 14]. Если детство Анны Павловны прошло в Рождественской части и на В.О. [14, с. 14–15], то отрочество – в доме на Фурштатской улице, 11 [21, с. 76]. Жить в отцовском доме было нелегко [9, с. 162]. Многие в отце, страстном, порывистом человеке, отталкивало её.

Ночке, как звали Анну Павловну в семье, надоедала монотонность родительского дома, ее единственным шансом войти в свободную жизнь было замужество. А. П. Философова была готова выйти замуж за первого встречного, им оказался Владимир Дмитриевич Философов, вдумчивый, чуткий и нежный, на всю жизнь ставший ее другом, влюбленным и преданным.

Когда Ночка познакомилась со своим будущим мужем, он был уже видным чиновником. Первый семейный адрес Философовых – Конногвардейский переулок, 2 [9, с. 301]. С этим домом связано начало общественной деятельности А. П. Философовой. В душе Анны Павловны жила потребность в служении людям и благотворительности. Хотя и светская жизнь не была ей чужда. Высокое положение мужа обязывало её участвовать в балах и приёмах, которые царская семья устраивала в Зимнем дворце, но эта светская жизнь позволяла Анне Павловне устанавливать полезные связи с сановниками, необходимые для осуществления задуманных ею проектов.

Насколько важна ей была эта деятельность видно из истории «Общества дешевых квартир», ставшего первой общественной организацией, в создании и руководстве которой Анна Павловна играла видную и ответственную роль [7 (на 1908 г.), с. 806–807].

Общество было учреждено в 1862 году и имело цель предоставления комнат, нуждающимся интеллигентным женщинам за возможно умеренную плату. Кроме жилья, по мере увеличения денежных средств общества, оно оказывало и другие виды благотворительных услуг. Инициатива создания «Общества дешевых квартир» помимо А. П. Философовой принадлежала также М. В. Трубниковой [19, с. 117] и Н. В. Стасовой [17, с. 390–391]. Вместе они составили так называемый «женский триумvirат» и были первыми представительницами женского движения в России. На средства, собранные обществом, были построены дома, занимающие целый квартал, по адресу Измайловский полк, 2-я рота, угол Тарасова переулка (современный адрес – ул. Егоровой, д. 5).

«Общество дешевых квартир» стало для Анны Павловны, как и для ее соратниц, только введением в другую более масштабную деятельность.

Отсюда следующий этап – попытка оказать помощь женщинам в их трудоустройстве, проявившуюся сначала в создании «Общества женского труда», а затем учреждении женской издательской артели [19, с. 132]. Сама работа этих обществ наталкивала Философову на мысль, что женщинам для борьбы за существование и для полноты внутренних переживаний, необходимо получить доступ к высшему образованию. В то же время, сама по себе, идея высшего женского образования еще для многих была не очевидна [19, с. 168]. Горячие споры кипели во всех слоях общества. Труд, пробить стену недоверия в получении высшего образования женщинами и создание первого женского университета взвалила на себя А. П. Философова и её соратницы по «триумvirату». Реализация этого самого масштабного проекта связана уже с другим адресом Анны Павловны.

Когда Владимир Дмитриевич был назначен главным военным прокурором [10, с. 23], семья переехала в казённую квартиру на наб. реки Мойки, 96² [1, с. 215]. Эта квартира стала своеобразным штабом «женского триумvirата».

В результате многолетней упорной деятельности этих самоотверженных женщин, сумевших преодолеть косность имперской бюрократии в сентябре 1878 года были открыты «Высшие женские курсы» [22, с. 421]. Свое неофициальное название «Бестужевские» курсы получили по имени первого директора, профессора – К. Н. Бестужева. Деятельность курсов поддерживалась «Обществом для доставления средств высшим женским курсам», которое возглавляла Анна Павловна. На средства общества, собранные благодаря неутомимой деятельности Философовой, были возведены три здания на 10-й линии Васильевского острова – д. 31–35, было приобретено необходимое оборудование и осуществлялась оплата труда профессорско-преподавательского состава. Бестужевские курсы имели собственную лабораторию, библиотеку и астрономическую башню [1, с. 177, с. 187]. На курсах существовало три отделения: историко-филологическое, юридическое и физико-математическое.

В настоящее время о существовании Бестужевских курсов напоминает мемориальная доска на 10-й линии Васильевского о., д. 35, ныне – Институт наук о Земле СПбГУ, но, к сожалению, на ней упоминаются лишь имена слушательниц, в первую очередь

2 Дошедшее до нас здание по-прежнему выполняет ту же функцию военно-судебной коллегии и учебного заведения, где ведется подготовка специалистов для этой коллегии.

активных участниц революционного движения: Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой, К. Н. Самойловой, Л. А. Фотиевой, а не создателей первого высшего учебного заведения для женщин: А. П. Философовой, Н. Е. Стасовой, М. В. Трубниковой [12].

Еще один из самых значительных проектов, реализованных при непосредственном участии Анны Павловны Философовой – Русское Женское взаимно-благотворительное общество [7 (на 1898 г.), с. 861–862], созданное в 1899 году. Этот проект – своеобразный прообраз будущих Народных домов, Дворцов и Домов культуры, учреждений дополнительного образования. О размахе его деятельности свидетельствует перечень учреждений, входивших в него на протяжении без малого 20 лет. Для своей деятельности общество арендовало целый этаж в огромном доходном доме на Знаменской (ныне Восстания) улице, 40, Спасская ул., 18, Манежный переулок, 19.

В начале XX века Анна Павловна Философова активно включилась в политическую деятельность. Но в отличие от участниц революционного движения, которым она сочувствовала и помогла Анна Павловна выбрала иной путь – либеральный. И, как выяснилось позже, он был наиболее эффективным. Ее квартиры в Ковенском переулке, сначала в доме № 17 [7 (на 1910 г.), с. 884], а в последние годы – в Ковенском, 16 [7 (на 1912 г.), с. 925, 939] – были центром общественной жизни столицы.

К информации о поистине гигантской благотворительной деятельности А. П. Философовой в Петербурге, следует добавить, что значительный объем её связан с Бежаницами, родовым именем её мужа и селом Богдановским в Псковской губернии, где на её средства была построена и работала начальная школа для местных детей и возведён храм.

Подводя итоги плодотворной эффективной общественной деятельности Анны Павловны Философовой, нельзя не отметить, что в духе общественного служения она вместе с мужем воспитала и своих сыновей: старшего, Владимира, предводителя дворянства в Псковской губернии и младшего, Дмитрия, одного из создателей и философов знаменитого объединения «Мир искусства» [13, с. 646].

Рубеж XIX – начала XX века для Анны Павловны – это время подведение итогов ее жизни. Начало XX века для А. П. Философовой были отмечены такими важными событиями в ее деятельности, какое назначение вице-председателем Международного совета женщин [18, с. 922], участие в Международном женском съезде в Лондоне, празднование 40-летнего юбилея общественной деятельности А. П. Философовой [23], участие в Женевском женском конгрессе 1905 г. и другими.

До последнего дня жизни А. П. Философова служила общественному делу.

17 марта 1912 года Анна Павловна Философова скончалась [19, с. 449]. «...Маленькая квартирка на Ковенском переулке была все время полна посетителями и посетительницами. В солнечный, весенний день шла огромная толпа людей за ее траурной колесницей». Отпевание Анны Павловны состоялось в соборе Божией матери Владимирской, похоронили ее около земного рая, Богдановского, рядом с Бежаницкой церковью, где столько раз молилась она искренно и умиленно.

В первую годовщину смерти А. П. Философовой Женское взаимно-благотворительное общество устроило торжественное заседание в память великой женщины. Программа заседания состояла из двух отделений, в каждом из которых содержались памятные речи друзей и близких. «Незаменимая утрата!» – восклицали участники этого мероприятия. И, правда, такую, как Анна Павловна забыть невозможно [20, с. 152].

В настоящее время об А. П. Философовой, неутомимом борце за женское равноправие, напоминают здания созданных ею обществ, а также дома, где проживала Анна Павловна, на одном из которых (в Ковенском переулке, 16) [1, с. 316] установлена мемориальная доска, первая в России мемориальная доска женщине [12, с. 453].

Использованная литература и источники

1. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справочник / Междунар. благотворит. фонд спасения Петербурга – Ленинграда, Гос. музей истории Санкт-Петербурга ; под общ. ред. Б.М. Кирикова. – СПб. : Пилигрим, 1996. – 397 с.
2. Библиотека Бестужевских курсов : историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А.В. Востриков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. – 137 с.
3. Бойко Л.Г. Адреса Философовых в Петербурге // Философские чтения : сборник материалов третьих Философских чтений. – Псков, 2008.
4. Большая Российская энциклопедия. – М., 2017. – Т. 33. – 799 с.
5. Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга : 15000 гор. имен / авт.-сост.: А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев, А.Б. Рыжков и др.; под ред. А.Г. Владимировича. – СПб.: ЛИК, 2013. – 1135 с.
6. Вахромеева О.Б. Их дань Бестужевским курсам (объединенная десят-ть бывшая бестужевок в 50-70-е годы XX века). – СПб. : Лема, 2015. – 363 с.
7. Весь Петербург на [1898–1912 гг.] : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, 1898–1912.

8. Вревская Н.И. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, 1878–1918 : сборник статей / под ред. С.Н. Валка. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
9. Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой : в 5 отделениях. – СПб. : Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. – [987] с. разд. паг.
10. Знаменитые династии России. Еженедельное издание. Вып. 231 : Философовы. – М. : Deagostini, 2018.
11. Знаменитые династии России. Еженедельное издание. Вып. 237 : Дягилевы. – М. : Deagostini, 2018.
12. Калинин Б.Н., Юревич П.П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. – Л. : Лениздат, 1972.
13. Незабываемые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–1997 : в 6 т. / Российская гос. б-ка, Отд. лит. рус. Зарубежья ; сост. В. Н. Чуваков ; под ред. Е.В. Макаревич. – М. : Пашков дом, 2007. – Т. 6, кн. 3. – 703 с.
14. Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Василеостровский район : энциклопедия улиц Санкт-Петербурга. – СПб. : Белое и черное, 1999. – 501 с.
15. Нистрем К.М. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, изданная с разрешения и одобрения С.-Петербургского г. военного генерал-губернатора Карлом Нистремом. – СПб. : в тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1837. – XII, 1464 с.
16. Нумерация домов в Санкт-Петербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, невским пристаням, городским въездам, соборным и приходским церквям, дворцам, монументам и владельцам домов : сост. при канцелярии Санкт-Петербург. воен. генерал-губернатора. – [СПб.], 1836. – 734 с. разд. паг.
17. Плансон А.А. Былое и настоящее : воспоминания о некоторых выдающихся людях и событиях сороковых и последующих годов, выводы, параллели, мысли. – СПб., 1905. – 327 с.
18. Санкт-Петербург : энциклопедия / Междунар. благотворит. фонд им. Д.С. Лихачева. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : РОС-СПЭН, 2004. – 1024 с.
19. Сборник памяти Анны Павловны Filosofoвой : [в 2 т.]. – Пг. : Т-во Р. Голике и Е.А. Вильборг, 1915. – Т. 1 : Анна Павловна Filosofoва и ее время. – XVI, 488 с.
20. Сборник памяти Анны Павловны Filosofoвой : [в 2 т.]. – Пг. : Товарищество Р. Голике и Е.А. Вильборг, 1915. – Т. 2 : Статьи и воспоминания. – V, [5], 94, 181 с.

21. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов / сост. Николай Цылов. – Репр. воспроизведение изд. 1849 г. – М. : Центрполиграф, 2003.
22. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1890). – Л. : Academia, 1934. – 585 с.
23. Юбилей А.П. Философовой // Новое время : иллюстрированное приложение. – 1891. – 4 янв. (№ 9033).

Белобородова Елизавета
9 класс, ГБОУ гимназия № 24
имени И. А. Крылова Санкт-
Петербурга,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Стальмак Елена Павловна)

Страницы жизни Николая Павловича Ивановского

Я всегда интересовалась темой Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Вместе с этим, я с детства любила искусство, особенно, балет. Именно поэтому я начала изучать тему эвакуации Ленинградского Государственного хореографического училища, его работу в Молотовской области (ныне – Пермском крае). Больше всего меня заинтересовала судьба художественного руководителя училища Николая Павловича Ивановского. Интерес к личности этого уникального человека стал поводом для изучения его биографии в целом, а особенно – военного периода его жизни.

Детство и юность

Исследование биографии Николая Павловича я начала с изучения архивных документов, которые хранятся в ЦГАЛИ СПб. Из анкетного листа, прикрепленного к делу Ивановского Н. П., мне удалось узнать, что он родился 3 августа 1893 года в Петербурге [3, л. 1]. Его мать – Ивановская Евгения Николаевна [2, л. 1]. В 1895 году Евгения Николаевна умерла, и Николая Павловича воспитывал отчим Павел Петрович. Когда Николаю Павловичу исполнилось девять лет, он поступил в Петербургское Театральное училище [4, л. 1]. В 1911 году Николай Павлович был зачислен в

балетную труппу Мариинского театра, принимал участие в Русских сезонах С. П. Дягилева [2, л. 2]. С 1912 года по 1914 год балетная труппа давала концерты в Париже [4, л. 2].

С началом Первой мировой войны, 13 ноября 1914 года Николай Павлович вернулся в Россию [3, л. 2]. Он был военнообязанным и состоял в пехотном 171 полку [3, л. 1], был прикомандирован к театральной команде, в это время он выступал на сцене Троицкого театра миниатюр имени А. Фокина [2, л. 2], который располагался на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна), 18.

Личная жизнь

Николай Павлович Ивановский был женат на артистке Людмиле Васильевне Гулюк [3, л. 2]. Установить примерную дату бракосочетания мне помог справочник «Весь Ленинград». В 1923 году Людмила Гулюк жила по адресу: улица Егорова, 16 [6]. В 1924 году по этому адресу проживает уже Людмила Васильевна Ивановская [7]. Можно сделать вывод, что брак был заключен в 1924 году. Из анкетного листа стало известно, что Людмила Васильевна уехала по контракту работать в Париж, а в 1933 году супруги развелись [3, л. 2].

С 1929 по 1933 год Николай Павлович жил по адресу: проспект 25 Октября (Невский), 66 [8; 9]. В 1933 году он переехал на набережную реки Фонтанки, 29, кв. 23, где проживал до конца жизни [9; 4, л. 4].

Николай Павлович женился второй раз на Евгении Александровне Щербаковой [4, л. 2]. Своих детей у Ивановского не было, он удочерил воспитанницу Ленинградского хореографического училища – Юнию Михайловну Станкевич [5, с. 1].

Педагогическая деятельность до войны

С января 1925 года по декабрь 1928 года Николай Павлович преподавал исторический танец в Ленинградском хореографическом училище. После перерыва, 30 апреля 1930 года, он возобновил свою деятельность в училище как педагог танцевальных дисциплин [10, с. 1].

Воспитанники училища очень уважали своего преподавателя и всегда вспоминали его с теплом: «Каждое занятие у Ивановского превращалось в экскурсию во Францию Короля-Солнце или Испанию времён Габсбургов – он не просто учил нас хореографии, он комментировал каждое движение рассказами о нравах далёких эпох», – вспоминает бывшая воспитанница училища, балерина Наталья Макарова [16, с. 2].

Творческое отношение к своему делу, любовь к детям, умение рассмотреть в каждом талант – все эти качества позволили Николаю Павловичу занять должность художественного руководителя Ленинградского государственного хореографического училища 5 октября 1940 года [10, с. 1].

Эвакуация Ленинградского государственного хореографического училища

5 августа 1941 года младшая группа Ленинградского хореографического училища во главе с директором Р. Б. Хаскиной выехала из Ленинграда под Костромю. Старшая же группа покинула город 19 августа [1]. Через десять дней училище прибыло в Молотов (ныне Пермь), а оттуда отправилось в область, где продолжило работу. Учеников разместили в 45 километрах от Молотова, в деревне Платошино, рядом со станцией Кукуштан [11, с. 2]. Училище расположилось в двухэтажном доме, бывшем клубе, в котором не было стёкол. К зиме детей перевезли в Полазну, посёлок в Добрянском районе Молотовской области, где условия были несколько лучше [1]. В Молотовскую область привезли и младшую группу.

Занятия хореографией проходили в здании церкви [11]. Воспитанники обучались балету в лыжных штанах, валенках и варежках [15]. Из Молотова к ребятам приезжали преподаватели [21, с. 2]. Церковь восстановлена и ныне она является действующей. Дети обучались и общеобразовательным предметам, для них было освоено здание сельской школы, которое не сохранилось [21, с. 1].

Воспитанникам училища было важно посещать спектакли в театрах Молотова. От Полазны дети сами добирались до Молотова через реку Чусовую, до станции Левшино, отсюда ехали на поезде или автобусе [20]. Это забирало столько драгоценных сил и времени! В Полазне не было и комфортной бани [17]. В итоге было принято решение перевезти детей поближе к городу, в Нижнюю Курью [13].

Николай Павлович Ивановский в начале Великой Отечественной войны

Николай Павлович Ивановский не покинул Ленинград в августе 1941 года вместе с училищем.

В ноябре 1941 года была сформирована театральная группа из оставшихся в Ленинграде артистов. Николая Павловича назначили режиссёром-администратором. Однако уже в декабре труппа была расформирована [19]. Весной 1942 года Николай Павлович приступил к службе в местной противовоздушной обороне Театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

Приказом №93 от 08.07.1942 года Николай Павлович был откомандирован в распоряжение Ленинградского хореографического училища [10, с. 1]. К середине июля группа из Ленинграда во главе с Ивановским добралась до Молотовской области, и к осени воссоединившееся училище прибыло в Нижнюю Курью [1].

Работа в Нижней Курье

Училище разместилось в деревянных домах, в которых располагался санаторий «Водники» [14]. Санаторий в советское время работал в помещении храма, ныне восстановленного. В феврале 2021 года мне удалось посетить этот храм Равноапостольного Владимира, отец Леонид сориентировал меня по территории бывшего санатория.

30 июня и 1 июля 1943 года состоялись выпускные спектакли училища в Пермском академическом театре оперы и балета имени П. И. Чайковского [11, с. 4].

Но ребята не только занимались балетом, они росли и развивались. Из Нижней Курьи воспитанники училища выезжали на спартакиаду в Молотов, ездили на балеты в театр. Летом проводились спортивные состязания, выходы на природу. «Это было чрезвычайно насыщенное, интересное лето», – вспоминали они [11, с. 4].

Возвращение из эвакуации

В начале 1944 года руководством училища было принято решение: выпускников отправлять обратно в Ленинград или другие города СССР [20, с. 4], а в июне 1944 года училище вернулось в родное здание на улице Зодчего Росси, в Ленинград. Через несколько недель на сцене Малого оперного театра состоялся концерт, который Николай Ивановский с коллегами подготовил ещё в Молотове [20].

«Благодаря вниманию правительства и, главное, самоотверженному труду руководителей, педагогов и воспитателей Ленинградского Хореографического училища, были сохранены ученики и продолжены традиции нашего балетного искусства в тяжелейшие для нашей родины годы Великой Отечественной войны» [11, с. 5].

Работа и творчество Н. П. Ивановского после Великой Отечественной войны

После возвращения в Ленинград Николай Павлович Ивановский продолжал работать в Хореографическом училище. 5 ноября 1947 года Президиумом Верховного Совета БАССР ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусства Башкирской АССР [2]. Николай Павлович, имея многолетний опыт исполнения и преподавания историко-бытового танца, написал книгу «Бальный танец XVI–XIX веков», которая была издана в 1948 году.

10 марта 1958 года Ивановский ушёл из училища и посвятил себя работе в Ленинградской государственной консерватории, в которой с 1 марта был зачислен на должность доцента по кафедре хореографии [18]. В консерватории Николай Павлович работал до конца жизни.

Николай Павлович Ивановский скончался в Ленинграде 28 ноября 1961 года в возрасте 68 лет и был похоронен на Большеохтинском кладбище Санкт-Петербурга.

Н. П. Ивановский внёс значительный вклад в развитие советского балета, он постоянно искал эффективные методы укрепления физического здоровья танцоров, их идейно-эстетического развития. Ивановский стал основоположником отечественной школы историко-бытового танца.

Использованная литература и источники

1. Абызова Л.И. Военные хроники ленинградского балета : [фрагмент книги] // Академия русского балета им. А.Я. Вагановой : [сайт]. – [СПб.], 2014. – URL: <https://vaganovaacademy.ru/index.php?id=599> (дата обращения: 05.08.2021).
2. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 397. Оп. 2. Д. 147. Л. 2–4.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. 397. Оп. 2. Д. 147. Л. 1–2.
4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 397. Оп. 2. Д. 147. Л. 9–12.
5. Бурякова Ю. Память не бывает поздней: к 100-летию со дня рождения Н.П. Ивановского // Мариинский театр. – 1995. – № 12. – С. 10.
6. Весь Петроград на 1923 год : адресная и справочная книга г. Петрограда. – Пг. : Петропечать, 1923.
7. Весь Ленинград на 1924 год : адресная и справочная книга г. Ленинграда. – Л., 1924.
8. Весь Ленинград и Ленинградская область : адресная и справочная книга на 1929 год. – Л., 1929.
9. Весь Ленинград : адресная и справочная книга, 1933. – Л., 1933.
10. Выписка из трудовой книжки. ЦГАЛИ СПб. Ф. 397. Оп. 2. Д. 147. Л. 16–17.
11. Горошко Л.С. Балетное училище в эвакуации // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. – [СПб.], 2006. – № 16. – С. 278–282. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/baletnoe-uchilische-v-evakuatsii> (дата обращения: 04.09.2020).
12. Данилова Н. Страницы календаря // Ежегодник Московского академического хореографического училища. – 1961. – № 41. – С. 100–101.
13. Интервью с И.Т. Крюковой. Пермское государственное хореографическое училище. Февраль 2021 г.
14. Интервью с отцом Леонидом. Церковь Владимира Равноапостольного. Февраль 2021 г.
15. Калинин М.А. Балету учились в церкви // Зори плюс. – 2018. – 3 мая. – С. 2.

16. Макарова Н.Р. Восемнадцать лет спустя. – М. : Артист. Режиссер. Театр, 1993. – 221 с.
17. Обращение директора ЛХУ Р.Б. Хаскиной в исполнительный комитет Добрянского района об ускорении строительства бани для нужд училища в п. Полазна. 31 января 1942 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-608. Оп. 2. Д. 152. Л. 1.
18. ЦГАЛИ СПб. Ф. 397. Оп. 2. Д. 147. Л. 7 (Приказ № 127-а Главного управления учебных заведений комитета по делам искусств при Совете министров СССР).
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 1. Д. 214. Л. 134 (Приказ № 1 от 09.11.1941 г.).
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. 259. Оп. 1. Д. 437 (Протоколы заседаний педагогического совета Училища).
21. Путилова Н.Н. Полазна : большая история малого посёлка. – Пермь: Кн. мир, 2001. – Ч. 1. – 143 с.

Аксёнова Полина

8 класс, ГБОУ гимназии № 209

Центрального района,

историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель –

Стальмак Елена Павловна)

«Человек с большим сердцем...» Страницы жизни советского писателя Геннадия Самойловича Гора

Фотография Геннадия Гора с писательницами
(Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга)

Думаю, каждый юный читатель когда-нибудь листал страницы научно-фантастических книг, желая заглянуть в будущее. Я не исключение. Ещё в детстве я осознала, что фантастические истории привлекают меня своей неповторимостью и, казалось бы, невозможностью. Однако, это не всегда так. Очень часто научная фантастика превращается в реальность. Наверное, потому это мой любимый жанр.

В то время, когда передо мной встала задача выбора темы исследования, я изучала статью С. А. Шевырина и М. Г. Нечаева «Эвакуация из Ленинграда в Молотовскую область» из книги «Побратимы». В статье упоминалось много фамилий ленинградских писателей, многие из которых были мне неизвестны. Мне стало интересно взглянуть на этих писателей. Особенно меня заинтересовал Г. Гор – писатель в жанре научной фантастики, о котором я никогда не слышала.

Детство

Советский писатель-фантаст Геннадий Самойлович Гор (настоящее имя – Гдалий Самуилович Гор) родился 15 (28 по новому

стилю) января 1907 года, о чём он неоднократно пишет в своих автобиографиях [5].

Место рождения писателя по сей день остаётся загадкой. По одним данным он родился в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) [6], но в автобиографиях то и дело всплывает город Каинск (ныне г. Куйбышев Новосибирской области) [5; 17].

Отец и мать писателя принимали активное участие в революционном движении, за что были арестованы [4].

Первый месяц своей жизни Геннадий провёл в тюрьме вместе с родителями, откуда его забрала родственница, жена политкаторжанина Р. М. Атлас. Детство Гор провел в Баргузинской тайге на приисках, где работал его отец, в городах Баргузин, Томск и Чита [5]. В 1912 году отец Геннадия Самуил, скрывающийся от царской охраны, которая преследовала его за революционную деятельность, бежал в США, где несколько лет работал в Нью-Йорке и Филадельфии на машиностроительных заводах. В это время Геннадий с сестрой жили у родственников [7]. После возвращения отца из Америки в 1917 году они проживали в Чите. В 1923 году Геннадий переезжает в Петроград [4].

С 1929 по 1930 год Самуил вместе со своей новой супругой служил в пограничных войсках НКВД в Хабаровске, с 1930 по 1935 г. – на Камчатке, с 1935 – в Днепропетровске (ныне г. Днепр, Украина). По данным автобиографии Геннадия Гора 1939 г., в то время его отец работал на железнодорожном транспорте в Днепропетровске [6].

Из автобиографии 1939 года я узнала, что у Гора есть сестра – Р. Гор. Он пишет, что она живет отдельно, с 1929 г. они не встречались и не переписывались. В 1931 г. она была арестована и выслана в Ногарево [6]. На этом какая-либо информация о сестре писателя заканчивается. Таинственная родственница с именем на букву «Р».

Как выяснилось позже, сестрой Геннадия была Рахиль Самуиловна Гор-Тукач, появившаяся на свет в г. Чите Читинской области в 1910 г. В именном списке участников обороны г. Ленинграда – сотрудников хирургического полевого подвижного госпиталя № 187 – от 1943 г., размещённом на сайте «Память народа», указан домашний адрес семьи Рахили: г. Ленинград, канал Грибоедова, д. 9, кв. 51 [11]. По этому адресу проживал и Геннадий Гор.

В годы Великой Отечественной войны Рахиль поступила на службу в хирургический полевой подвижной госпиталь № 187 на должность палатной медицинской сестры. 4 августа 1943 г. старший сержант медицинской службы Рахиль Гор-Тукач была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а 23 августа 1945 г. девушке вручили медаль «За боевые заслуги» [11].

Кроме сестры, в 1930-е годы были репрессированы и другие родственники Геннадия: Д. Атлас и Вигдорович [6]. Якова

Вигдоровича, как своего родственника, Г. Гор упоминает в своей автобиографии.

На сайте «Открытый список», содержащем данные о жертвах политических репрессий в СССР, есть осужденный Яков Давыдович Вигдорович, родившийся в г. Баргузин, где в детстве жил Г. Гор. Указан его адрес: г. Ленинград, В. О., Средний пр., д. 35, кв. 20 [12]. В воспоминаниях советского писателя Леонида Рахманова о Горе упомянута интересная деталь: «Я быстро сблизился с Геннадием Гором, жившим, как и я, на Васильевском острове: я на 4-й линии, ближе к Малому, Гор – на Среднем проспекте, между 7-й и 8-й линиями...» [19]. Посмотрев на карту Васильевского острова, можно отметить несколько подходящих домов. Среди них – дом № 35, в котором жил репрессированный Яков Вигдорович. Возможно, поскольку он был родственником Гора, какое-то время они жили вместе.

С 1923 года Геннадий Гор живёт и учится в Петрограде [8].

Нередко бывало, что на перемене или после уроков кто-нибудь из учеников громко возвещал: «Завтра Гор придет на собрание! Гор!» На другой день в их школу приходил комсомолец Гор, в юнштурмовке с кожаной португеей и пышными тогда еще волосами. Его слушали всегда с интересом, чувствуя, что это не просто красноречивый, но и чем-то особенный, одаренный юноша, и не ошиблись [19].

Ещё школьником Гор переступил порог дома на Фонтанке, где на дверях висела надпись: «Союз поэтов», чтобы встретиться с Николаем Тихоновым. «На стульях сидели поэты и поэтессы», – пишет Гор, – «Их было намного больше, чем в учебнике литературы». Однако Тихонов так и не пришёл, но в тот день Гор услышал стихи Даниила Хармса, с которым лично он познакомится спустя 3 года, уже студентом и начинающим писателем [8].

В 1925 г., окончив среднюю школу на Васильевском острове, Геннадий Гор поступил в Ленинградский государственный университет, на литературное отделение историко-филологического факультета [7]. Был редактором университетской газеты [9]. Во время учёбы жил в студенческом общежитии ЛГУ на Мытнинской набережной, д. 5, на пятом этаже. С ним в комнате проживали студенты: физик, химик, биолог и этнограф. Однажды в общежитие к Гору пришёл писатель Борис Корнилов, муж Ольги Берггольц. Он принёс с собой водку и «всё закрутилось в бешеном темпе» [8].

Гор ходил на выставки общества молодых советских художников «Круг», читал книги географа Л. С. Берга, биолога Б. М. Козо-Полянского, учёного В. И. Вернадского в библиотеке Академии наук. В Институте истории искусств слушал лекции Юрия Тынянова, посещал семинар по современной прозе Вениамина Каверина. Любил посещать лекции этнографа Льва Штернберга. Именно под

влиянием идей Л. Штернберга и В. Богораза в тридцатых годах Гор отправился на Сахалин к нивхам, подружился с ненецким художником Константином Панковым [8].

В актовом зале Ленинградского государственного университета, часто и охотно выступал Владимир Маяковский. Для многих студентов он был символом эпохи, её голосом [8].

В середине 1920-х годов Геннадий Самойлович вступил в литературную группу «Смена», входившую в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП) [8]. Вероятно, это было в 1926 году, поскольку в одном из документов, заполненном при вступлении в Союз советских писателей, Гор называет этот год началом своего литературного стажа [2]. В «Смене» он познакомился со многими талантливыми писателями: Борисом Корниловым, Ольгой Берггольц, Леонидом Рахмановым, Александром Гитовичем и другими. Собрания группы, которой руководил Николай Тихонов, проходили в доме № 1 на Невском проспекте, там же находилось и издательство, выпускавшее газету «Смена» [8].

В своем дневнике Ольга Берггольц отмечала: «Ребята все симпатичные, а Гор – особенно. Очень симпатичный и... девчат любит... Вид немного шпанский, ну да ничего, хорошенький» [23].

В 1925 году в 23 номере журнала «Юный пролетарий» был напечатан первый рассказ Гора – «Калым» [7].

В 1928 году «Смена» переживает период идеологических нападков со стороны Ленинградской Ассоциации пролетарских писателей, основной задачей которой было создание литературы силами самого пролетариата. После всех идеологических споров между руководством группы «Смена», организационно принадлежащей ЛАПП, и руководством Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) многих исключили из состава «Смены», а вскоре расформировалась и сама группа [23].

В 1928 году Геннадий Самойлович неожиданно был избран делегатом 1-го съезда пролетарских писателей, который проходил в Москве. Официальная часть съезда плохо запомнилась студенту Гору, но зато хорошо запомнился литературный вечер: молодой Назым Хикмет, юный Алексей Сурков, и, разумеется, Владимир Маяковский [8].

В 1929 году Гор был исключён из комсомола за литературно-политические ошибки. Позже был восстановлен. В 1930 году Геннадия исключили с последнего курса университета за формализм [9].

Однажды ректор ЛГУ М. С. Лазуркин, совет университета и Гор присутствовали на встрече с Г. Е. Зиновьевым³. Спустя несколько лет

3 Зиновьев Григорий Евсеевич (1883-1936) – революционер, советский политический и государственный деятель

после этой встречи, в 1934 г. был убит советский государственный и политический деятель Сергей Миронович Киров, в смерти которого, по мнению властей, был замешан Г. Е. Зиновьев. Участие в той встрече с «врагом народа» послужило причиной крушения многих судеб. Забирали одного за другим тех, кто был на той встрече, Геннадия Гора упустили, поскольку он был уже исключен из университета [9].

Однако, сам Гор в своей автобиографии утверждает, что окончил ЛГУ в 1930 году. После окончания университета женился на Наталье Акимовне Акимовой [5], а в 1930 году на свет появился их сын Юрий Геннадьевич Гор [14].

В ноябре 1930 г. Геннадий Самойлович был призван в Красную Армию на действительную военную службу, где прослужил год в 29 стрелковом полку в Архангельске [3]. Писатель Леонид Николаевич Рахманов в своей статье, посвященной Геннадию Гору, вспоминает: «В 1930 году Гора призвали на военную службу, и он присылал мне из-под Архангельска жалостные письма: он совсем не умел ходить, а тем более бегать на лыжах, – на Севере же это было основным занятием и спортом. Вскоре из его писем я узнал, что перед отъездом на Север Гор успел жениться, и теперь по его поручениям я не раз заходил к Наталье Акимовне, простой деревенской женщине, умной, доброй и хозяйственной» [19].

Жена Геннадия Гора Наталья Акимовна Гор, в девичестве Акимова, появилась на свет в деревне Залучского района Новгородской области, ныне входящего в состав Старорусского района [17]. Точный год рождения Натальи трудно установить. В личной карточке члена Союза Советских писателей (далее – ССП) Г. Гора 1966 года возраст Натальи определяется в 59 лет, это примерно 1907 год рождения [15], схожий с тем, что выбит на её надгробии. Существует ещё второй вариант, который муж Натальи отметил в своей личной карточке ССП 1952 года, сообщавший о том, что она родилась в 1905 году [17].

Родители Натальи, по словам Г. Гора, были колхозниками. Её тётя, служившая няней в одной буржуазной еврейской семье, в начале революции уехала в Германию [6]. Кроме родителей, у Натальи Акимовны была сестра А., у которой в 1934 году родилась дочка – Людмила Ивановна. Уже в послевоенное время она вышла замуж за директора Дома творчества писателей Петра Евдокимовича Рябушкина, фамилию которого взяла её дочь Людмила. Во взрослой жизни Людмила Рябушкина вышла замуж за Доната Исааковича Мечика – театрального режиссёра и отца писателя Сергея Довлатова, вскоре на свет появилась Ксения Донатовна Мечик – внучатая племянница Натальи Акимовны и Геннадия Гора [14].

В 1931 г. Геннадий поступил на работу в Научно-исследовательский институт речевой культуры, младшим научным сотрудником

[5]. В этом же году он совместно с Леонидом Рахмановым выпустил сборник «Студенческие повести», в который вошла его повесть «Факультет чудаков», написанная в 1928 году. Уже после смерти Гора Рахманов писал: «И вот типичный пример доброты и великодушия Гора: он настоял, чтобы моя повесть шла в книжке первой, как и моя фамилия, хотя по алфавиту его фамилия должна бы идти впереди... Не так часто пишущая братия любит отступать на второй план, тем более в молодости!» [19].

В 1932 году у Геннадия Самойловича и Натальи Акимовны родилась дочь, которую назвали Лидией [14]. В том же году Гор был принят в аспирантуру НИИ речевой культуры, а затем переведен в Государственную академию искусствознания (ГАИС) на литературное отделение, которое закончил в 1935 году, но диссертацию не защищал [5].

В эти годы Геннадий Самойлович начал серьезно заниматься литературной работой. В журналах «Звезда» и «Литературный современник» были напечатаны рассказы, которые позже вошли в сборник с лаконичным названием «Живопись», увидевший свет в 1933 году, тиражом более 5000 экземпляров [19].

В середине 1930-х Гор поселился вместе с семьёй в коммунальной квартире по адресу: наб. реки Фонтанки, 52, кв. 3 [16]. В документах, направленных в комиссию по приему в члены Союза советских писателей в 1934 году, уже был указан этот адрес [1; 2].

В декабре 1934 года Геннадий Гор вступил в Союз советских писателей и с тех пор стал регулярно издаваться и печататься. Почти бессменно он был членом бюро секции прозы и членом редакционной коллегии журнала «Литературный современник» [22].

Ещё до начала войны семья Гора переехала в «писательскую надстройку» на канале Грибоедова, 9, где неожиданно освободился ряд квартир [19].

Война, блокада, эвакуация

22 июня 1941 года германские вооруженные силы напали на Советский Союз, началась Великая Отечественная война.

В июле 1941 года вместе с другими писателями Геннадий Гор вступил в ряды 3-го стрелкового полка Кировской дивизии народного ополчения Ленинградского фронта. На сайте «Память народа» мы нашли его в Списках призыва. Он был призван РВК Дзержинского района г. Ленинграда, до призыва проживал по адресу: канал Грибоедова, д. 9, кв. 51. Место службы указано такое же, как и в его автобиографии. Был рядовым, затем корреспондентом дивизионной газеты. Дивизия, в которой воевал Гор, принимала активное участие в боях на участке Новгород – станция Медведь-Башенная. Затем дивизия была переброшена на другой участок фронта под Ленинград [10; 20; 21].

Воевал Гор отважно. Однажды вместе с писателем Глебом Алёхиным они захватили в плен немецкого офицера, были в окружении, еле живые добрались до Ленинграда. Гор носил с собой японский карабин, он был привычнее. Ещё в детстве в Баргузине дед брал маленького Геннадия на охоту, Гор стал хорошим стрелком. На полковых стрельбищах он занимал первые места. В картонные фигуры безошибочно всаживал в сердце пулю за пулей, на расстоянии пятисот метров [9].

В Ленинграде политическое управление фронта вместе с другими писателями отозвало Гору из дивизии и направило в распоряжение Телеграфного агентства Советского Союза на должность военного корреспондента. На этой должности Геннадий проработал до октября 1941 г. Тогда же был уволен в запас [5]. На сайте «Память народа» я нашла информацию о Г. Горе в картотеке политработников, где он значится в должности капитана интендантской службы.

До февраля 1942 г. Гор пробыл в блокадном Ленинграде, где принимал активное участие в литературной и общественной жизни Ленинградского отделения Союза писателей, был одним из организаторов устного литературного альманаха, выступал с чтением рассказов в госпиталях [3].

В феврале 1942 года Геннадий Самойлович был эвакуирован из Ленинграда в Молотовскую область (ныне Пермский край). Был призван в школу младших лейтенантов в городе Кыштым, где прослужил 2 месяца, заболел и по болезни был демобилизован [5].

Оттуда Гора забрала Наталья Акимовна, и он обосновался в селе Чёрная под Молотовым, где уже на протяжении года в эвакуации находились его жена и дети. Рассказывали, что по поручению жены Геннадий Самойлович пас поросенка, читая одновременно Гегеля. Поросенок пользовался тем, что внимание пастуха было отвлечено Гегелем, и постоянно убегал. Гору потом попадало от Натальи [19].

Живя в Молотове, Геннадий сотрудничал в местных газетах, журналах, был членом редколлегии альманаха «Прикамье», недолгое время работал корреспондентом газеты «Труд» [7]. В эти годы написал цикл стихотворений, о которых было неизвестно вплоть до самой его смерти [19].

В августе 1944 г. Геннадий Гор возвратился в Ленинград. В 1945 году напечатал в журнале «Звезда» и издал отдельной книгой повесть «Дом на Моховой» [3].

После окончания войны он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (удостоверение № 0336522) [18] и медалью «За оборону Ленинграда» (удостоверение № АП 02241) [13]. Из картотеки, размещенной на сайте «Память народа» мы также узнали, что Геннадий Гор был награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Жизнь после эвакуации

С 1946 года Геннадий Гор начал активно работать в детской литературе, написал и издал несколько детских художественных и научно-художественных книг. С 1947 года стал писать и печатать критические статьи в журналах и газетах [3], много раз избирался членом правления Ленинградского отделения Союза советских писателей [7].

С 1967 года Гор состоял членом редколлегии журнала «Нева» [7; 19].

Более десяти лет он был председателем секции научной фантастики и научно-художественной литературы Ленинградского отделения Союза советских писателей [24]. Состоял членом бюро детской секции. Долгое время был членом редсовета «Лениздата» [7].

Однажды во время беседы с молодым писателем Семёном Ласкиным Геннадий признался: «Я писать начинал любую вещь интересно, но иногда боялся после какой-нибудь проработки, что это не напечатают, и тогда сбивался. Получалась слабая вещь» [14].

В 1957 году Гору вручили медаль «В память 250-летия Ленинграда», а в 1967 году он был награжден юбилейной медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР» и орденом «Знак Почёта» [13].

В возрасте 61 года Гор пережил инфаркт [14]. Позже своему другу Леониду Рахманову говорил: «Как я рад, что это случилось со мной, а не с Натальей» [19].

Как-то раз Геннадий сказал: «Живопись – вот, что может воспитать вкус у детей». С давних пор Гор начал коллекционировать картины. Он всегда любил живопись – недаром же его первая книга так и называлась. На стенах его квартиры висели многочисленные картины художников: Панкова, Тышлера, Целкова, Егошина и других. Семён Ласкин вспоминал: «Он жил среди картин, был погружен в искусство, которое для него было реальнее жизни. Его герои уходили в картины, блуждали там и не всегда возвращались. Он сам бы ушел в книги и там бы жил, защищенный обложкой так же крепко, как его защищала Наталья Акимовна, мать для его детей и внуков, но и для него самого». Однако театр Гор не любил. Считал, что очень уж там все искусственно [14].

Долгое время с перерывами летом Гор жил в Комарово, в посёлке писателей и учёных [9; 14; 19].

В квартире Гора в писательском доме на ул. Ленина, 34 стало тесно: кроме него и его супруги здесь жили их дети Юрий и Лидия, жена сына Марина и трое внуков. В июле 1974 года в письме к своему другу он пишет: «Надо мной висит вопрос об обмене квартиры с Капицей. Дело это сложное и окончательно выяснится в октябре» [14]. Но получить квартиру побольше, а еще желаннее – отделить семью сына, он так и не успел [19].

В сентябре 1976 года Геннадий Гор впал в депрессию. В своём дневнике Семён Ласкин писал: «Болеет Гор... Недавно я был у него – угнетен, согнулся, чувствовалась какая-то обреченность. И вдруг впал в глубокую депрессию. Не хочет никого видеть, мысли о смерти, принял 21 таблетку антидиабетического средства – попытка самоубийства – и тут же испугался за жизнь, с жадностью стал пить марганцовку, дал себя промыть скорой. Всё время молчит. И только иногда – Наталье Акимовне: «Ты у меня святая». В октябре депрессия Гора стала ещё глубже.

В декабре того же года болезнь миновала. В мае 1977 года Гор окончательно выздоровел. Живой, весёлый, активный. Однако, уже в июне Гору стало хуже. «Это был совсем другой человек», – вспоминает Семён. Зимой 1977 года Гор внезапно начал писать, с трудом Наталья Акимовна отрывала его от бумаги [14].

В результате диабета у Геннадия развилась гангрена. Отрезать ногу не решились – слабое сердце, лишние страдания. Болел он долго и необратимо – слабел, угасал. Дочери Лиде сказал, что видит себя во сне – водой... [19].

Умер Геннадий Самойлович 6 января 1981 года в больнице [9;14;19]. Хоронили его 9 января. В двенадцать часов состоялась панихида в Доме писателя. Все говорили о доброте Гора. На двух автобусах поехали в Комарово, где благодаря хлопотам А. Н. Чепурова разрешили похоронить Гора [19].

Как позже вспоминал писатель Д. Гранин: «А через некоторое время подобное же заболевание настигло и его жену Наталью Акимовну, что поразило меня, потому как была она абсолютно земная женщина, физически могучая, рослая, поглощенная дачей, огородом, детьми, не вникала в произведения супруга, живопись ее также не занимала, ее дело было кормить голодных художников, ухаживать за мужем. В гостях, в застолье она молча слушала высокоумные рассуждения и восхищалась своим супругом. Невозможно было понять, как сошлись эти двое, как прожили десятки лет в любви и согласии, что находили друг в друге. С виду – противоположности и внешне, и внутренне, а вот поди ж ты, даже психическое расстройство Гора передалось этой, казалось, такой трезвой, практической женщине. Следовательно, есть что-то в любви помимо общих интересов, сердечной привязанности, появляется, что ли, физическая общность организмов» [9].

Использованная литература и источники

1. Весь Ленинград : адресная и справочная книга : 1935 : с прил. пл. гор. Ленинграда. – [Л., 1935]. – 1254 с. разд. паг.
2. В комиссии по приему в члены Союза Советских писателей // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 3.

3. Гор Г.С. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 26.
4. Гор Г.С. Автобиография, 1935 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 6.
5. Гор Г.С. Автобиография // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 37.
6. Гор Г.С. Автобиография, 1939 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 7.
7. Гор Г.С. Автобиография, 1969 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 32.
8. Гор Г.С. Замедление времени // Звезда. – 1968. – № 4. – С. 174–191.
9. Гранин Д.А. Причуды моей памяти. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 509 с.
10. Именной список военнообязанных, призванных 4.07.1941г. в Ленинградскую армию народного ополчения по Кировскому военкомату, проживающих в Дзержинском районе // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat10861398/ (дата обращения: 11.01.2021).
11. Именной список участников обороны города Ленинграда хирургического полевого подвижного госпиталя № 187 // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1530312081/ (дата обращения: 10.01.2021).
12. Вигдорович Яков Давыдович // Открытый список : [сайт]. – URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B3%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1894\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%92%D0%B8%D0%B3%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%94%D0%B0%D0%B2%D1%8B%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1894)) (дата обращения: 10.01.2021).
13. Карточка персонального учета члена СП СССР. 1976 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 1.
14. Ласкин С. «Гор сказал...» : Геннадий Гор в дневниках 1964–1982 годов // Звезда. – 2017. – № 10.
15. Личная карточка ССП // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 28.
16. Личная карточка ССП. 1937 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 20.
17. Личная карточка ССП. 1952 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 23.
18. Малая учётная карточка без даты № 1559 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 2.

19. Рахманов Л.Н. Геннадий Гор // Нева. – 1984. – № 6. – С. 110–117.
20. Списки призванных Смольнинским РВК 1941 г. // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat10853462/ (дата обращения: 11.01.2021).
21. Список военнообязанных, учетные карточки которых уничтожены. 1960 // Память народа, 1941–1945 : [портал]. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat11055363/ (дата обращения: 11.01.2021).
22. Справка о принятии в Союз писателей. 1934 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 4.
23. Стрижкова Н. «Не могу читать Мандельштама! “Душа” не принимает – не доходит до нее... А Георгий Иванов – очень нравится...» // COLTA : [сайт]. – URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/15558-ne-mogu-chitat-mandelshtama-dusha-ne-prinimaet-ne-dohodit-do-nee-a-georgiy-ivanov-ochen-nravitsya> (дата обращения: 11.01.2021).
24. Характеристика. 1966 // ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 3. Д. 253. Л. 42.
25. Шевырин С.А., Нечаев М.Г. Эвакуация из Ленинграда в Молотовскую область // Побратимы : регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается : [сб. ст.]. – М., 2019. – С. 515–546.

Бровкина София
 9 класс, ЧОУ ЧШ ЦОДИВ
 Красносельского района,
 Юношеский Университет Петербурга
 ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
 (руководитель –
 Аксельрод Владимир Ильич)

Лидия Чарская – актриса Александринского театра

Л. А. Чарская. Альбом Саннина
 (Театральный музей
 им. А. А. Бахрушина. ФДД. 44846)

Лидия Алексеевна Чарская, урожденная Воронова, родилась 19 января по старому и 31 января по новому стилю 1875 года в Петербурге [22].

Отец, Алексей Александрович Воронов (р. 24 февраля 1850 – после 1921?), родом из столбовых дворян Костромской губернии, на момент рождения дочери был прикомандирован к Николаевской Инженерной академии как подпоручик лейб-гвардии Егерского полка. В последующем он был одним из начальников инженерной команды в Петропавловской крепости, в звании генерал-майора [12].

Мать, Антонина Дмитриевна Крахоткина (1851–1875), была из купеческой семьи и обучалась в Мариинской женской гимназии в Санкт-Петербурге [24].

Подпоручик, Алексей Александрович Воронов, 24 лет, и Антонина Дмитриевна Крахоткина, 22 лет, венчались 18 января 1874 года, оба православные и оба первым браком [21].

19 января 1875 года у них родилась дочь Лидия. 11 февраля Лидию крестили в церкви при Императорском коммерческом училище. Восприемниками Лидии стали: дед по отцовской линии генерал-майор Александр Алексеевич Воронов, и тётя по материнской линии, Ольга Дмитриевна Крахоткина [22].

Роды прошли тяжело и вскоре после них Антонина Дмитриевна умерла. В воспитании маленькой Лиды отцу помогли родные сестры матери и гувернантки. Детство без родной матери наложило отпечаток на Лидию Алексеевну. Мотив неполной семьи отразился

в таких ее произведениях как: «За что?», «Сибирочка», «Княжна Джаваха», «Люда Влассовская».

Маленькую Лиду все любили. В раннем возрасте прослеживаются следы ее решительного, упорного и самостоятельного характера.

10 ноября 1885 года Алексей Александрович Воронов венчался во второй раз в Царском Селе в церкви Св. Зосимы и Савватия Соловецких Лейб-Гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона на своей двоюродной сестре Анне Павловне Вороновой (р. в 1857 г.), дочери генерала артиллерии Павла Алексеевича Воронова. От этого брака родилось ещё четверо детей: Павел (р. 29 декабря 1886), Александр (р. 18 сентября 1888), Анна (р. 11 августа 1891) и Наталья (р. 26 июня 1895) [25].

Когда Лидии в январе 1885 года исполнилось 10 лет, отец подал прошение от 22 февраля 1885 года в Совет Павловского женского института, в котором выразил желание «определить в институт дочь мою Лидию на обучение» [27]. С 11 лет, а именно с 1886 по 1893 годы, т.е. семь лет, она обучалась в Павловском институте.

Павловский женский институт

Павловский женский институт, в стенах которого Лидия Воронова провела 7 лет, с 1886 по 1893 год, располагался на Знаменской улице, тогда № 34, (ныне – улица Восстания, д. 8), где сейчас работает гимназия № 209 «Павловская гимназия» Центрального района [2, с. 133–143].

Это было закрытое учебное заведение, куда принимали преимущественно девочек – сирот из военных семей. Целью института было воспитание девочек в духе христианской нравственности, любви к Царю и Отечеству. Воспитанниц этого института называли «павлушками» [29].

Павловский институт относился ко второму разряду (наряду с Елизаветинским и Ксенинским). В Павловском институте был Общий и Педагогический курсы обучения [14].

Жизнь в институте была строгая: будили девочек в 6 часов утра, в спальне, называемой дортуаром, спали до 40 человек, питались они скромно. Платья девочек были темно-зеленого цвета по цвету военной одежды их отцов. В программу обучения входили: Закон Божий, русский и иностранные языки (немецкий и французский), математика, рисование, география, история, рукоделие, танцы, музыка. К каждому классу была прикреплена своя классная дама, следившая за порядком и поведением институток [29].

Лида Воронова, обучаясь в Павловском институте, вела свой дневник. В нем она отразила свои первые наблюдения и переживания, первые восторги и девичью дружбу, горести и радости. Пробовала писать стихи.

В традициях института было празднование Пасхи, Рождества Христова, Масленицы. Это выражалось в том, что девочки готовили литературные и музыкальные вечера, праздничные концерты, устраивали спектакли, живые картины. Лидия Воронова училась как раз в тот период, когда были созданы все условия для творческого роста воспитанниц. Возможно, что любовь к сцене, театру у Лидии зародилась именно в стенах Павловского института.

Когда я работала с делом «Собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии. IV экспедиция. О выпуске и награждении воспитанниц Павловского института» в Российском государственном историческом архиве, мне удалось узнать, что обучение Лиды Вороновой пришлось на момент руководства институтом как раз Марией Розен, рукою которой было подписано Свидетельство Лидии Вороновой об окончании Павловского Института, от 19 мая 1893 года, подпись законоучителя – Василия Николаевича Велтистова и классной дамы – Я. Отто.

Закончила Лидия Воронова институт с такими оценками: закон Божий – отлично; русский язык – очень хорошо; французский язык – очень хорошо; немецкий язык – хорошо; математика – хорошо; география – очень хорошо; история – очень хорошо; естествоведение – хорошо; педагогика – очень хорошо.

Общая сумма баллов по учению у нее составляла 319 баллов, а средний вывод баллов по учению 9. Из 39 учениц Лидия Воронова закончила 26 номером в списке успеваемости [14].

По окончании обучения девочки получали диплом домашней учительницы и шли работать гувернантками в чужие семьи.

Актриса Александринского театра

Следуя своему призванию и имея в себе большое творческое начало, Лидия Алексеевна поступает в 1897 году на полные трехлетние драматические курсы при Императорском Санкт-Петербургском театральном училище [4].

Именно в эти годы она берет себе сценический псевдоним Чарская. Возможно, что этот псевдоним происходит от слова «очаровывать», «чары». С прошением о взятии сценического псевдонима на время экзаменационных спектаклей она обращается к господину инспектору Императорских театров князю Сергею Михайловичу Волконскому. Впоследствии эта сценическая фамилия, Чарская, останется с ней на протяжении всей ее жизни.

В Ежегоднике Императорских театров, который издавался с 1890 по 1915 г. в Петербурге Дирекцией Императорских театров, появляется первое упоминания о ней в 1900 году, как об окончившей драматические курсы под фамилией Чарская. Весной 1900 года

состоялось экзаменационное испытание выпускников десятого выпуска театральной школы класса Юрия Эрастовича Озаровского [4].

Выпускные экзамены проходили на сцене Михайловского театра 13, 20 и 31 марта 1900 года. Ученица Чарская, как отмечено в указанном Ежегоднике, выступила в ролях: Глаши («Хрущевские помещики»), Акулины Гавриловны Красавиной («Женитьба Бальзамина») и Мадлоны («Жеманницы») [4]. Все ученики курсов были хорошо подготовлены, «тщательность обучения была видна на каждом шагу» [19]. Руководству еще предстояло решить достаточно сложную задачу: кого зачислить на единственную вакансию в Императорскую драматическую труппу?

С аттестатами закончили: Елистратова Ольга, Лачинова Александра, Чарская Лидия, Казарина Мария, Дементьев Борис и Бережной Константин. Корнеев Владимир и Крылов Федор получили свидетельства [4].

Лидия Алексеевна получает аттестат № 93 от 25 мая 1900 года об окончании полного трехлетнего курса Императорского Санкт-Петербургского Театрального училища. При отличном поведении на окончательном испытании она показывает следующие успехи: Церковная история – «отлично»; Русская и Иностранная Литература – «отлично»; История драмы и театра – «отлично»; Бытовая история – «очень хорошо»; Французский язык – «очень хорошо»; Практика драматического искусства – «весьма удовлетворительно»; Пение, пластика, танцы, грим, фехтование – «очень хорошо».

«Во внимании к этим успехам, на основании 54 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Положения об ИМПЕРАТОРСКОМ Театральном училище ей присваивается звание Неклассного Художника, с правами и преимуществами, предоставленными этому званию». Аттестат подписал инспектор В. Писнячевский и преподаватели: Св. Пигулевский, В. Острогорский, Н. Майков, М. Далькевич, М. Помевкзов, П. Морозов [15].

Лидия Чарская была счастлива, что стала артисткой Александринского театра, этого старейшего театра России, который был преемником драматической труппы, основанной по указу императрицы Елизаветы Петровны от 30 августа 1756 года и возглавляемой А. П. Сумароковым и Ф. Г. Волковым.

С 1 сентября 1900 года директор Императорских театров князь Сергей Михайлович Волконский принимает Лидию Алексеевну на службу с жалованием в 600 рублей [15].

В год дебюта Лидии Чарской сезона 1900–1901 гг. Александринской драматической труппой были исполнены 196 спектаклей. Сезон года открылся комедией в пяти действиях А. Н. Островского «Бедная невеста».

27 декабря 1900 г., в среду, вечерним спектаклем была поставлена весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» на музыку П. И. Чайковского, в которой Лидия Чарская была впервые упомянута в роли Радужки в Ежегоднике Императорских театров [5]. В этом спектакле она играла с такими знаменитыми актерами как Вера Федоровна Комиссаржевская, Владимир Николаевич Давыдов и Юрий Михайлович Юрьев.

Всего в сезоне 1900–1901 годов Лидия Чарская сыграла в пьесах «Борцы» (третья молодая дама – 3); «Бурелом» (Маленькая актриса – 1); «Выгодное предприятие» (Саша – 2); «Горе от ума» (вторая княжна – 1); «Каширская старина» (первая девушка – 1); «Снегурочка» (Радужка – 8); «Старый закал» (Сира Васильевна – 1); на выходах в одной пьесе – один раз. Итого Лидия Чарская выступала в этом сезоне в восьми пьесах 18 раз, причем играла она как в драматических пьесах, так и в комедийных [5].

В начале своей театральной карьеры Чарская была мало занята в спектаклях и играла роли третьего плана. Участвуя в массовых сценах, она наблюдала за игрой первых актеров, таких как Мария Савина, Вера Комиссаржевская, Владимир Давыдов. Чарская обладала характерной способностью и сценическим темпераментом, что не замедлило отразиться в Журнале распоряжений по Императорским Санкт-Петербургским театрам: появилась запись от 25 апреля 1901 года за № 115, гласившая о том, что объявляется благодарность г-же Чарской (и еще двум актерам) за то, что она без репетиций исполнила взятую на себя роль «Маленькой актрисы» в пьесе А. М. Федорова «Бурелом» 18 апреля 1901 года [15].

Как было уже отмечено Чарская была принята в театр с зарплатой в 600 рублей, а затем жалование возросло до 1000 рублей [15].

1901 год в судьбе Лидии Алексеевны Чарской был отмечен еще одним важным событием – дебютным изданием книги «Записки институтки».

Придя однажды в издательство «Товарищество М. О. Вольфа», располагавшееся на 16-й линии Васильевского острова, она интересуется дополнительной подработкой переписчицей текстов у самого владельца Маврикия Осиповича Вольфа, на руках с маленьким сыном Георгием. Маврикий Осипович не отказал ей, но для того, чтобы взять ее на работу, ему было необходимо увидеть её почерк. Тогда Лидия Алексеевна приносит десять рукописных тетрадей дневников, которые она вела в Павловском институте. Они были написаны четким и аккуратным почерком. Прочитав, Вольф тут же печатает книгу по ее дневникам под названием «Записки институтки». Успех книги был ошеломляющим. Лидия Алексеевна была счастлива и подписала контракт с Вольфом на незначительную сумму. Затем он издает еще несколько книг Чарской: «Княжна

Джаваха», «Люда Влассовская», «За что? Моя повесть о самой себе» и «Вторая Нина», которые также имели огромный успех. Так же у Вольфа издавался детский журнал «Задушевное слово», в котором наряду с другими авторами печатались и небольшие рассказы Чарской. В дальнейшем, с 1907 года, она будет издавать свои книги и в издательстве «Книжный склад Василия Ильича Губинского» [9].

Сезон 1901–1902 гг.

В этом сезоне, сменив Сергея Михайловича Волконского, директором Императорских театров становится Владимир Аркадьевич Теляковский. Он прослужит в этой должности 16 лет, с 1901 по 1917 год и станет последним директором Императорских театров. С приходом Теляковского в театр были приглашены такие режиссеры как Александр Акимович Санин и Всеволод Эмильевич Мейерхольд, и художники: Александр Головин, Константин Коровин и Лев Бакст. Именно при Теляковском создаются одни из самых знаменитых спектаклей Александринского театра: «Гроза», «Дон Жуан», «Маскарад». Владимир Теляковский почти ежедневно ведет дневник, в котором подробнейшим образом описывает театральную жизнь. Его дневники – это обширный и ценный материал. В 1965 году выходит в свет книга Теляковского «Воспоминания». Однако, существуют его неопубликованные дневники и мемуары. В Центре «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге в электронном архиве рукописей есть воспоминания Теляковского, в которых он находит игру Чарской слабой. «Присутствовал в Александринском театре на представлении пьесы «Цена жизни». Очень хороша была Савина, недурен был новый артист Каширин, выступивший первый раз. Хороша также была Стрельская в роли матери, и очень хорош был Самойлов, игравший брата Морского. Хилкова – Генюк была удивительна, а Шувалова – Сазонова слаба, равно Чарская и Шейн. Театр был полон, и публика много вызывала артистов» [11].

В новом сезоне 1901–1902 годов на сцене Александринского Императорского театра 13 сентября 1901 года была поставлена новинка сезона – пьеса Э. Бриё «Заместительницы» в трех действиях [6]. В этом спектакле наряду с М. Г. Савиной, К. А. Варламовым и Н. Н. Ходотовым выступала и Лидия Чарская в роли «второй женщины».

9 октября 1901 года была поставлена пьеса В. А. Тихонова «Великая тайна» в одном действии. В этой пьесе Чарская исполнила роль Марии Андреевны Митюхиной [6].

22 февраля 1902 года во время представления «Фауста» Лидия Алексеевна Чарская исполнила роль горожанки, заменив при этом заболевшую актрису Нахальнову, за что ей вновь была объявлена благодарность от руководства театра [15].

Итак, в сезон 1901–1902 гг. Лидия Алексеевна была занята в следующих спектаклях: «Великая тайна» (Митюхина – 8); «Выгодное предприятие» (Саша – 1); «Заместительницы» (вторая женщина – 4); «Зарница» (Катя – 1); «Золото» (Кухарка – 2); «Каширская старина» (первая девушка – 2); «Лишенный прав» (Замшева – 5); «Мисс Гоббс» (Горничная – 3); «Помолвка в Галерной гавани» (Любонька – 2); «Праздничный сон до обеда» (Капочка – 3); «Свадьба» (Дашенька – 1); «Светит, да не греет» (Даша – 2); «Снегурочка» (Радушка – 5); «Фауст» (первая городская девушка – 2); «Чародейка» (вторая городская девушка – 3); на выходах в шести пьесах – 20. Всего в девятнадцати пьесах – 64 раза [6].

По сравнению с прошлым сезоном в сезон 1901–1902 гг. Чарская исполнила большее количество ролей: в предыдущем сезоне Чарская играла в восьми пьесах, а в сезоне 1901–1902 гг., более чем в два раза больше, в девятнадцати пьесах.

Сезон 1902–1903 гг.

Сезон 1902–1903 годов 30 августа открылся возобновленной комедией в четырех действиях Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» [7].

31 октября ставится драматическая хроника из 12 картин А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» [7]. В Ежегоднике Императорских театров этого сезона Лидия Чарская изображена на фотографии в роли Купеческой дочери [7].

30 января 1903 года в очередной бенефис М. Г. Савиной в Александринском театре была поставлена комедия в четырех действиях и пяти картинах А. С. Суворина «Вопрос». Роль горничной Дуняши исполнила Лидия Чарская. Режиссер спектакля – снова А. А. Санин [7].

10 апреля 1903 года была поставлена в первый раз в пяти действиях и двенадцати картинах, комедия Уильяма Шекспира «Зимняя сказка» в переводе П. П. Гнедича. «Зимняя сказка» – одно из самых удивительных и тонких созданий автора, относящееся к более позднему периоду творчества. Здесь Чарская играла в массовых сценах: стражей, придворных, божеских поселян [7]. Костюмы были выполнены по рисункам художника Е. П. Пономарева.

В сезоне 1902–1903 гг. Чарская исполнила такие роли как: «Великая тайна» (Митюхина – 8); «Вопрос» (Дуняша горничная – 12); «Зарница» (Катя горничная – 12); «Ишполит» (хор Трезенских жен – 1); «Комета» (Мегди – 2); «Лишенный прав» (Замшева – 1); «Мамуся» (бонна – 3); «Мисс Гоббс» (Горничная – 3); «Победа» (Паша – 11); «Светит, да не греет» (Даша – 3); «Снегурочка» (Радушка – 4); «Цена жизни» (Саша, горничная – 2); на выходах в трех пьесах – одиннадцать раз. Всего в пятнадцати пьесах – 75 раз [7].

Сезон 1905–1906 гг.

С 1 сентября 1904 года руководство Александринского театра поднимает жалование Лидии Чарской до 1000 рублей в год.

Другим артистам, таким как Домашевой – 2400 рублей, Славинной – 750 рублей, Панчиной – 750 рублей, Троицкой – 900 рублей, Чижевской – 1350 рублей.

В этом сезоне Чарская играла в пьесах: «Божий цветик» (барышня с папкой – 6); «Великая тайна» (Митюхина – 2); «Горе от ума» (шестая княжна – 2, первая княжна – 2); «Горячее сердце» (девушка – 4); «Крылья связаны» (Маша – 6); «Лорд Квекс» (мисс Лимбард – 1); «Не все коту масленица» (Маланья – 5); «Отчий дом» (Тереза – 2); «Фимка» (соседская горничная – 13); «Чародейка» (вторая девушка – 1); на выходах в шести пьесах – тридцать пять раз. Всего в 16 пьесах – 79 раз [8].

Сезон 1917 г.

В 1917 году на сцене Александринского театра состоялась премьера спектакля «Маскарад» по драме М. Ю. Лермонтова. Этот блестящий спектакль был поставлен режиссером Вс. Э. Мейерхольдом и художником А. Я. Головиным. Премьера состоялась в субботу, 25 февраля, когда в Петрограде вспыхнула Февральская революция. Работа над спектаклем продолжалась долгие шесть лет. Свою жизнь на сцене «Маскарад», по оценке В. А. Мануйлова и В. Э. Вацуро, получил именно после постановки 1917 года. Александр Головин выполнил к ней около 4000 рисунков. Музыка для спектакля была написана Александром Глазуновым. Бюджет спектакля составлял 300 тыс. золотом. Это зрелище называли «закатом империи». «Маскарад» был последним спектаклем царской России [3].

Лидия Чарская играла две роли: роль Лолотты и роль Тетки. Главную роль Арбенина исполнил Юрий Михайлович Юрьев. Все эскизы, которые делал Александр Головин к спектаклю «Маскарад», были подписаны фамилиями актеров, которые исполняли данную роль. На эскизах костюмов Лолотты и Тетки написано: «Г-жа Чарская».

Последнее представление этого спектакля, состоялись 1 июля 1941 года в первые дни Великой Отечественной войны. Во время блокады Ленинграда под бомбежками часть декораций и костюмов погибла [3].

В фондах Александринского театра сохранились некоторые костюмные ансамбли спектакля «Маскарад». Мне удалось узнать, что в фондах находятся костюмы Лолотты и Тетки, в которых Лидия Алексеевна выходила на сцену. С ними меня ознакомила и показала руководитель музея Александринского театра Светлана Юрьевна Спирина.

С октября 1917 г. Чарская преподавала в Пролетарской студии Северо-Западной железной дороги, работала с культурно-просветительской целью в Рождественском Совете Смольного района, в Охтинском Народном Доме, ездила на фронтовые спектакли по рабочим районам [15].

Лидия Алексеевна Чарская отдала двадцать шесть лет своей жизни Александринскому театру с 1900 по 1926 г. «Дело о службе русской артистки русской драматической труппы Лидии Чуриловой, по театру Чарской» начато с 17 апреля 1900 г. и завершено 27 февраля 1926 г. [15].

Чарская обладала характерной способностью, сценическим темпераментом. Она играла как в драматических, так и в комедийных пьесах, часто играла роли горничных, девушек и прислуги.

В начале своей театральной карьеры Чарская была мало занята в спектаклях, она наблюдала за игрой первых актеров, таких как: Мария Гавриловна Савина, Вера Федоровна Комиссаржевская, Владимир Николаевич Давыдов и Юрий Михайлович Юрьев.

Лидии Алексеевне сначала давали роли третьего плана, затем она играла в ролях второго плана, а главные ей не удалось исполнить. Возможно, что она не обладала яркой внешностью, столь важной для театральной сцены. В то время в спектаклях было больше мужских ролей, а главные женские роли были заняты примами театра: Савиной и Комиссаржевской. Пьесы, по которым ставили спектакли, состояли в основном из мужских ролей. Например, в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» только две женские роли: Анна Андреевна – жена городничего и Марья Антоновна – их дочь.

Актриса Чарская, начав свою театральную карьеру, имела на руках маленького сына Георгия, который нуждался в воспитании и образовании. В то время как ни у Марии Гавриловны Савиной, ни у Веры Федоровны Комиссаржевской детей не было.

Лидия Алексеевна была человеком способным и талантливым. Много раз она выступала без подготовительных репетиций, за что имела благодарности и награды. Лучшие режиссеры Александринского театра, Александр Акимович Санин, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, не забывали занимать ее в своих спектаклях. В музее театра МХАТ сохранились письма Чарской к Санину [13].

Лидия Алексеевна часто болела и уезжала на лечение за границу. В первые годы революции она получила туберкулёз обоих легких, играя в легких костюмах в нетопленных стенах театра, ездила в командировки на фронтовые спектакли.

Обладая литературным талантом, она посвящала коллегам по сцене собственные стихи. Ее стихотворение «Мученик трона» от 23 февраля 1923 г. было посвящено «большему художнику, артисту, несравненно талантливому воплотителю образа Павла I Иосифу Константиновичу Самарину-Эльскому» [17].

В 1922 году за многолетний и добросовестный труд она получает звание Героя Труда. Театр занимал важное место в судьбе Лидии Чарской, она писала, что хочет «быть полезной своему родному театру, без которого я не могу жить» [15].

В 1926 году «загнанная вконец и доведенная до последней стадии отчаяния» Лидия Алексеевна навсегда покинула театр по причине сокращения. Ее положение стало бедственным, она осталась без средств к существованию [15].

Ведя переписку с актрисой Александринского театра Екатериной Павловной Корчагиной-Александровской, Чарская благодарилась за оказанную «товарищескую помощь» и писала о своем горьком положении «больная, не одетая, без обуви, я даже не могу лично поблагодарить Вас» [16].

В письме к писателю Михаилу Леонидовичу Слонимскому незадолго до смерти, 16 февраля 1937 г., она благодарилась его с супругой Идой Исааковной за «доброе участие и поддержку» и писала о том, что ей очень тяжело [20].

Петербург Лидии Чарской

Лидия Алексеевна Чарская большую часть свою жизни проживала в Санкт-Петербурге, Петрограде, Ленинграде.

С 1886 по 1893 г. она обучалась в Павловском женском институте, находившемся на Знаменской улице, дом 34 (современный адрес – ул. Восстания, д. 8) [2].

Петербургские адреса Лидии Алексеевны я узнала, работая с адресными книгами: «Весь Петербург», «Весь Петроград», «Весь Ленинград», а также из материалов архивов: ЦГА СПб и РГИА СПб. Мне удалось найти одиннадцать новых петербургских адресов Лидии Алексеевны Чарской: угол Караванной и Б. Итальянской, д. 3, кв. 8; Невский проспект, д. 67; Николаевская ул., д. 57 (Марата ул.); Коломенская ул., д. 2; Чернышев пер., 16 (Ломоносова ул.); Владимирский пр., д. 15; наб. реки Фонтанки, д. 85; наб. реки Фонтанки, д. 55; наб. реки Фонтанки, д. 60; Полозова ул., д. 14; Разъезжая ул., д. 7.

Начиная с момента служения театру, Чарская снимала жилье вблизи Александринского театра и большую часть на набережной реки Фонтанки в домах: 55, 60, 85. К концу своей жизни Чарская проживала на Разъезжей улице, д. 7. Поиск адресов был продолжен в ЦГИА СПб, где я нашла ценную информацию о доме по Фонтанке, 60, где Лидия Алексеевна проживала в предреволюционные годы.

Дом № 1 на углу Щербакова переулка и набережной реки Фонтанки, д. 60 – трехэтажное здание в стиле эклектики салатного цвета со сплошной рустовкой фасада. Окна на первом этаже оформлены наличниками и замковыми камнями, окна второго выделены

треугольными, чередующимися с прямоугольными сандриками, наличники окон третьего этажа дополнены декоративными гирляндами. Угол здания акцентирован эркером с балконом на уровне третьего этажа. Первый и второй этажи разделяет поэтажная тяга, третий этаж увенчан зубчатым карнизом. Дошедший до нас дом был возведен в 1872 г. по проекту академика архитектуры И. И. Шапошникова. В годы, когда квартиру в этом доме занимала Лидия Алексеевна, им владел купец второй гильдии Платон Иванович Головин. 1 мая 1902 г., после его смерти, дом перешел во владение его сыновей: прапорщика Владимира и потомственных почетных граждан Николая и Александра Платоновичей. Братья владели им до самой революции.

Чарская снимала в доме Головиных шестикомнатную квартиру номер 16 с ванной комнатой. Годовая стоимость аренды этой квартиры составляла 1140 рублей [26].

В летний период Лидия Алексеевна выезжала на дачу.

Мне удалось найти еще два новых адреса: в 1909, 1910, 1913 гг. Чарская снимала жильё в Сестрорецке по адресу: Большая Канонерская улица, дача Марченко [15]; в 1927, 1928, 1930 гг. Лидия Алексеевна гостила в поселке Дибуны по адресу: Ключевая улица, д. 2 [28].

Одной из самых значительных находок, которая ждала меня впереди, была связана с Дибунами. Мне очень хотелось открыть новые факты из биографии Лидии Алексеевны Чарской. Посмотрев несколько документальных фильмов, посвященных моей героине, я остановилась на одном, который мне показался наиболее интересным, и начала свое расследование. Это был сюжет из фильма Аллы Дружининой «Лидия Чарская. Тайна волшебства», в котором упоминались некоторые факты из ее жизни, а именно о пребывании писательницы в Дибунах.

Читая материалы, связанные с ее биографией и изучая архивные документы, я никогда не встречалась с информацией о том, что Лидия Алексеевна проживала в Дибунах. Поэтому мне самой захотелось поехать в этот пригород, что в двадцати минутах от Петербурга. Там я встретилась с краеведом Любовью Федоровной Бронзовой, которая подробно рассказала мне о Дибунах и о пребывании Чарской в этом месте.

Семья Викулиных, проживавшая в Дибунах на Ключевой улице, дом 2, с начала XX века, имела деревянный двухэтажный дом. Главной семьи являлся Евгений Сергеевич Викулин. На летний период к нему приезжала сестра Юлия Сергеевна Чечурина (урожденная Викулина) с мужем Николаем Николаевичем Чечуриным и дочерью Катей 1921 г. рождения.

Весной 1927 года в магазине «Дом Ленинградской торговли» Юлия Сергеевна Чечурина познакомилась с Лидией Алексеевной Чарской и пригласила её в гости на дачу.

Любовь Федоровна провела меня по Ключевой улице и рассказала, что на углу улицы располагался большой деревянный двух-

этажный дом. Сюда в 1927, 1928 и 1930 годах приезжала на лето погостить вместе со своим третьем мужем, Алексеем Никифоровичем Ивановым, Лидия Алексеевна Чарская.

Воспоминания Чечуриной (урожденной Викулиной) Юлии Сергеевны сохранились в семейном архиве – это две тетради: одна – рукописная, другая – напечатанная на машинке. Привожу текст дословно: «Летом 1927 или 1928 г. у нас в Дибунах жила со своим третьим мужем (как я слышала) очень известная до революции писательница Чарская Лидия. Мама так рассказала об их знакомстве. Однажды в ДЛТ (Дом Ленинградской торговли) ее кто-то осторожно тронул за руку. Передо мной стояла интеллигентного вида женщина, бедно одетая, и просила о помощи. Видимо ей показалось, что мама ее узнала, и она сказала: «Да, я Лидия Чарская». Так они познакомились и оказались у нас. Помню ее лицо, все изъеденное как бы оспинами, но она говорила, что это от плохого грима, которым она пользовалась, работая в театре после революции. Муж ее Иванов был очень робкий тихий, психически больной человек. Под фамилией Л. Иванова уже в советское время была издана книжка в стихах «Девочка и белочка». Эту книгу с дарственной надписью мне, я подарила Нике, когда у нее стали подрастать дочери. Сейчас книга находится у младшей дочери Ники Петровой Марии Александровны. Чарская рассказывала маме, что ее сын (видимо с Белой армией) оказался в Китае, и она потеряла с ним связь. Жила Л. Чарская у Пяти углов на Разъезжей улице. Помню большую темную, почти пустую комнату в коммунальной квартире. В обращении с людьми отличалась Чарская очень большой мягкостью и доброжелательностью. Связь с нею мы потеряли, когда на нас в начале 30-х годов обрушились смерти близких, а когда уже после 1936 года мы пришли к ней, оказалось, что она умерла, а муж, наверное, попал в психиатрическую больницу. Похоронена Чарская на Смоленском кладбище, недалеко от часовни Ксении Блаженной» [28].

К воспоминаниям о Лидии Алексеевне добавлю то, что не вошло в рукопись, но было передано в устном рассказе от Юлии Сергеевны Чечуриной (урожденной Викулиной) ее невестке Чечуриной Нине Николаевне, в семье которой и сохранился архив. Каждый день Лидия Алексеевна ходила в церковь Первоверховных апостолов Петра и Павла. Была она очень религиозным человеком. Приходя из храма, всегда выглядела счастливой, а лицо ее приобретало умиротворенный вид. Сам воздух Дибунов всегда шел ей на пользу.

Церковь, в которую ходила Лидия Алексеевна, с одной стороны примыкала почти к самой железной дороге, а с другой стороны находилась между двумя улицами – Ключевой и Церковной. А на Ключевой улице д. 2 как раз и находился двухэтажный деревянный дом Викулиных.

Впоследствии дочь Юлии Сергеевны Чечуриной, Чечурина Екатерина Николаевна, закончила Электротехнический институт им. В.И. Ульянова (Ленина) и поступила на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева, где проработала свыше 30 лет. В 1954 году она защитила кандидатскую диссертацию.

В благодарность о пребывании на даче в Дибунах Лидия Алексеевна подарила два стихотворения в альбоме, которые были адресованы маленькой Кате Чечуриной (дочке Юлии Сергеевны) с памятной надписью: «Скромная маленькая память дорогой моей Катюше о житье-бытье «друга детей и юношества» в ее милой семье на даче в Дибунах». Дата: 13 августа 1930 г. Этот блокнот бережно хранят в семье Чечуриных вместе с воспоминаниями [1].

К концу жизни Лидия Алексеевна оказалась в бедственном положении. Больная, без работы, забытая всеми, без средств к существованию, лишившаяся контакта с сыном, она доживала последние дни.

В 1937 г. Лидии Алексеевны Чарской не стало.

14 декабря 2020 г. я направила запрос в архив ГУП «Ритуальные услуги» с просьбой о подтверждении захоронения Лидии Алексеевны Чарской на Смоленском кладбище г. Санкт-Петербурга. В ответ получила информацию, что архив не располагает сведениями о ее захоронении [18].

В книге «Исторические кладбища Санкт-Петербурга» приведены сведения: «Чарская Лидия Алексеевна. 1875–1937. Артистка, писательница. Металлический крест с бетонной раковиной в ограде. Участок 147» и еще «Немало исторических памятников находится в переплетении дорожек близ Ксениевской часовни... Скромная раковина в ограде популярнейшей когда-то детской писательницы Л. А. Чарской, умершей в забвении в 1937 г.» [10].

Использованная литература и источники

1. Архив семьи Чечуриных. Альбом.
2. Бройтман Л.И., Дубин А.С. Улица Восстания. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2005. – 350 с.
3. Гладков А.К. Мейерхольд : в 2 т. – М. : Союз театр. деятелей РСФСР. – Т. 2. – 473 с.
4. Ежегодник Императорских театров. Сезон 1899–1900. Раздел «Императорские театральные училища». – С. 139.
5. Ежегодник Императорских театров. Сезон 1900–1901. Раздел «Репертуар Императорских театров». – С. 20.
6. Ежегодник Императорских театров. Сезон 1901–1902. Раздел «Санкт-Петербург. Русская драма». – С. 39.
7. Ежегодник Императорских театров. Сезон 1902–1903. Раздел «Драма». С. 1.

8. Ежегодник Императорских театров. Сезон 1905–1906. – С. 4.
9. Разрешение, выданное Губинским Василием Ильичом, Чарской Л. А, на помещение в ее сборники одного из проданных его рассказов // ИРЛИ РАН. Ф. 515 № 5. Л. 1–2.
10. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – М. : Центрполиграф ; СПб. : МиМ-Дельта, 2009. – 798 с.
11. Теляковский В.А. Дневники директора императорских театров, 1901–1903. Санкт-Петербург. – М. : Аргист. Режиссер. Театр, 2002. – 703 с. – Фрагмент от 28 (15 сентября) 1902 г. // Прожито : [электронный архив]. – URL: <https://prozhito.org/note/338922> (дата обращения: 09.03.2021).
12. Общий список офицерским чинам русской императорской армии : составлен по 1-е января 1909 г. – СПб., 1909. – С. 837, 852.
13. Письмо к Санину А.А. // Музей МХАТ. КП-5323/1390; КП-5323/1391.
14. РГИА. Ф. 759 (Собственная е. и. в. канцелярия по учреждениям императрицы Марии. IV экспедиция). Оп. 55. Д. 248 (О выпуске и награждении воспитанниц Павловского института). Л. 2–3.
15. РГИА. Ф. 497. Оп. 13. Д. 1174 (О службе артистки русской драматической труппы Лидии Чуриловой, по театру Чарской). Л. 1–92.
16. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1028. Ед. хр. 915 (Письмо Екатерине Павловне Корчагиной-Александровской). Л. 1.
17. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1165. Ед. хр. 368 («Мученик трона»). Л. 1, 2.
18. СПб ГУП «Ритуальный архив». Вх. 3770 от 14.12.2020. Л. 1.
19. Театр и искусство. – 1900. – № 12. – С.243.
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-414. Оп. 2. Д. 653 (Письмо Чарской к М.Л. Слонимскому).
21. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1207.
22. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1229.
23. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1229 (Метрические книги церквей С.-Петербурга: Свв. первоверх апп. Петра и Павла при С.-Петербургском коммерческом училище).
24. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 730.
25. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1019.
26. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп.1. Д. 2114. Л 6 – 11.
27. ЦГИА СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 309 (Об определении Вороновой Лидии, дочери капитана).
28. Чечурина Е.Н. Воспоминания. [СПб., 2012]. – 36 л. // Архив семьи Чечуриных.
29. Шумигорский Е.С. Павловский институт (1798–1898) : краткий ист. очерк. – СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1898. – [4], 51 с.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Нагоркин Роман

8 класс, ГБОУ гимназия № 402

Санкт-Петербурга

(руководители –

Сулягина Галина Ивановна,

Ефремова Галина Алексеевна)

«Жизнь, отданная науке»

Фотография 10-А класса средней школы № 402, 1940 г.

Первый ряд сверху: Люба Александрова (вторая слева).

Второй ряд сверху: Володя Жестяников (третий слева).

Третий ряд сверху: М. Г. Сычёва, классный руководитель (четвёртая слева),

Б. К. Добронравов (третий справа), Аня Федосеева (вторая справа)

Что только не пришлось испытать поколению, на долю которого выпали и тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, и послевоенная разруха, и потеря близких людей, и восстановление страны.

Одним из этого поколения был Владимир Давидович Жестяников, он учился в моей 402 гимназии, тогда еще школе, города Колпино, но только в далекое довоенное время. Его жизнь и судьба очень заинтересовали меня.

Жестяников Владимир Давидович родился 30 апреля 1924 года в Белорусской ССР в г. Витебске. Его отец, Давид Гиршевич Жестяников, был старым большевиком с дореволюционным стажем с 1908 года, а мама, Ида Соломоновна, вела домашнее хозяйство и

занималась воспитанием четверых детей. Володя был самым младшим. Сестер звали: Мария и Юдифь, а брата – Григорий.

В 1932 году, когда семья переехала на постоянное место жительства в Колпино, Володя пошёл учиться в первый класс Первой средней образцовой школы [13]. В 1935 году было построено новое здание школы, которая с 1939 года получила наименование «Средняя школа № 402 Колпинского района Ленинграда» [10, с. 336; 14].

«В нашей школе не было формализма, казённости и показного. Говоря о школе, мы, прежде всего, вспоминаем наших учителей, которые вложили в каждого из нас частицу своей жизни. Говоря о школе, мы имеем в виду дружбу, зародившуюся в те годы», – так напишет в своём письме В. Д. Жестяников, обращаясь к сотруднику газеты «Ижорец» В. Н. Кокарцеву в феврале 1969 года [9].

1940 год. До выпуска остался всего один год! К этому времени класс стал лидером в школе. Он объединил одноклассников, единомышленников, которых связала крепкая школьная дружба, сохранённая ими до конца жизни. К концу учёбы в школе почти все определились с выбором будущей профессии. Решил для себя этот вопрос и Володя, он решил поступать в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова и в будущем стать военным врачом [18].

Началась Великая Отечественная война. Уже к ранней осени 1941 года она превратила Ленинград в блокадный город. Взросление происходило быстро, молодые ребята совершили прыжок из юности в зрелость.

Учебные занятия начались 1 сентября. Занятия слушателей проводились в соответствии с расписанием, хотя их кроме учебной работы привлекали ещё и к охране академии, оборудованию траншей, убежищ в подвальных помещениях зданий, и на другие работы. Всё чаще звучало объявление «Тревога!» [3; 12].

В первые месяцы блокады учёба сопровождалась голодом, холодом, артобстрелами и бомбёжками. Некоторые ребята погибли... Первокурсники тушили зажигалки, ловили диверсантов, подававших врагу сигналы с помощью ракет, несли караульную службу на постах. Однако, несмотря на эту трудную обстановку, учебная, лечебная и научно-исследовательская работа ни на минуту не прекращалась [3]. Обучение в Академии проходило ускоренным курсом.

В конце ноября 1941 года слушателей Академии эвакуировали на грузовиках из города по только что открытой Дороге жизни через Ладожское озеро до пос. Кобона [3; 12]. Затем они ехали в теплушках по железной дороге в Вологодскую область. В Вологде их пересадили в сборные эшелоны и отправили в г. Самарканд для продолжения учёбы. В Самарканде занятия на первом и втором курсах проходили без выходных и праздников в три смены по 10 часов в день.

Начались экзамены. Володя не смог сдать последний, и его отчислили из Академии, направив для продолжения учёбы в фельдшерское училище в г. Ашхабад, которое он окончил с отличием [16]. Военфельдшеров готовили к отправке на фронт. Но в 1943 году из Москвы пришло распоряжение об отправке отличников для дальнейшего обучения в г. Киров, куда эвакуировали Военно-морскую медицинскую Академию [6; 11]. «...Володя повторно сдал все экзамены и был зачислен сразу на третий курс ВММА», – рассказывала В. А. Сопина [16].

27 ноября 1943 года решением НК ВМФ в составе ВММА создано Высшее военно-морское медицинское училище (для первичной подготовки младших врачей кораблей и береговых частей) со сроком обучения четыре года [6]. Там Володя продолжил свою учёбу на кафедре фармакологии.

После снятия блокады Военно-морскую медицинскую академию в марте 1944 года реэвакуировали из г. Кирова в г. Ленинград.

Будучи курсантом ВММА, он с третьего курса активно работал в научном кружке на кафедре фармакологии, которую возглавлял крупнейший фармаколог, токсиколог, профессор, полковник медицинской службы Николай Васильевич Лазарев [4; 8; 16]. Под его руководством В. Д. Жестяников выполнял свои первые научные исследования.

На пятом курсе Володя Жестяников написал свою первую научную работу, которая была опубликована в сборнике научных трудов слушателей III факультета ВММА [5].

В 1947 году Владимир Давидович окончил Академию и получил диплом врача. Для продолжения службы он был откомандирован на Балтийский флот. Проходил службу врачом-бактериологом 208 санитарно-эпидемиологической лаборатории в Таллине, а с 1954 года был переведён на должность начальника лаборатории Военно-морского госпиталя [8; 18].

Продолжая военную службу на флоте, В. Д. Жестяников под руководством профессора Н. В. Лазарева в 1951 году защитил кандидатскую диссертацию, и ему была присуждена учёная степень кандидата медицинских наук. В эти годы он активно занимается научной деятельностью и публикует первые серьёзные научные труды. Основной областью научных интересов Владимира Давидовича была бактериология [8].

В. Д. Жестяников завершил службу в 1958 году в звании майора медицинской службы [18].

В 1958 году после демобилизации Владимир Давидович начинает работать в Ленинградском научно-исследовательском институте антибиотиков (с 1975 года – ВНИТИАФ). Это были первые шаги в большую науку. В октябре 1959 года был приглашён доктором

медицинских наук Всеволодом Петровичем Парибоком на работу во вновь созданный в 1957 году Институт цитологии АН СССР, в Лабораторию радиационной цитологии [4; 8; 18].

Как раз в те годы молодая наука – радиобиология – начала особенно интенсивно развиваться. Многочисленные исследования молодых талантливых учёных давали положительные результаты и внесли весомый вклад в успехи радиационной цитологии в нашей стране. В 1962 году В. Д. Жестяников был утверждён в должности старшего научного сотрудника Института цитологии АН СССР [8; 18]. Через четыре года вышла его книга «Восстановление и радиорезистентность клетки», которая вскоре стала значимой для целого поколения отечественных радиобиологов. Она и до сегодняшнего дня не утратила своей научной ценности.

В 1970 году Владимир Давидович защитил докторскую диссертацию, подводившую итог целому этапу его работ по радиобиологии клеток бактерий. Ему была присуждена учёная степень доктора биологических наук. В этот период изучение механизмов репарации ДНК превращается в важную общебиологическую, в первую очередь, цитологическую проблему.

В. Д. Жестяников возглавил Лабораторию в 1970 году после ранней смерти В. П. Парибока. В последние годы работы в Лаборатории радиационной цитологии В. Д. Жестяников уделял большое внимание исследованию связей между процессами репарации ДНК и старением [8]. Ответы на эти вопросы можно найти в книге «Репарация ДНК и её биологическое значение», автором которой был В. Д. Жестяников [27], и которая по сегодняшний день является единственным на русском языке современным руководством по проблемам репарации ДНК. Лаборатория внесла весомый вклад в разработку данной проблемы, одной из первых развернув эти исследования в СССР, и в настоящее время по праву занимает лидирующее положение в этой области в нашей стране и имеет высокий международный авторитет. Систему представлений, развитую В. Д. Жестяниковым, трудно переоценить в свете событий, связанных с радиационными авариями.

Владимир Давидович неоднократно представлял советскую радиационную цитологию за границей. В 1967–1968 годах он работал в Институте биофизики Академии наук ЧССР; в 1979 году читал курс лекций по проблемам репарации ДНК в Вене по приглашению Института биологии исследовательского центра Зайберсдорф (Австрия); в 1982 году выступил с докладом на проходившем в Амстердаме (Нидерланды) международном совещании ведущих специалистов по проблеме «Репарация ДНК, хромосомные нарушения и структура хроматина», неоднократно принимал участие в международных совещаниях по цитологии, радиобиологии, радиационной генетике [8].

В родном Институте цитологии В.Д. Жестяников проработал сорок пять лет, из них двадцать пять лет с 1970 по 1995 гг. в должности заведующего Лабораторией радиационной цитологии, а далее главным научным сотрудником-консультантом до февраля 2004 года, пока не ушёл на заслуженный отдых [18].

Родина высоко оценила доблесть и мужество выпускников ВММА, проявленные ими в годы войны, наградив всех орденами и медалями. Владимир Давидович был награждён орденом Отечественной войны II степени; медалями: «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью II степени «15 лет безупречной службы», медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком «Фронтовик 1941–1945» [18].

20 апреля 2010 года Владимир Давидович Жестяников, академик Российской Академии наук, за фундаментальные исследования в радиобиологии был награждён серебряной медалью В. И. Корогодина «Феномен жизни» [18].

Владимир Давидович, один из основоположников радиационной цитологии в нашей стране, прожил большую, плодотворную жизнь. Он умер 21 ноября 2014 года на 91-м году жизни, его прах покоится в колумбарии Санкт-Петербургского крематория. Имя его навсегда вписано в летопись отечественной и мировой науки.

Использованная литература и источники

1. Памяти Владимира Давидовича Жестяникова // Радиационная биология. Радиоэкология. – 2015. – Т. 55, № 2. – С. 223–224.
2. Гандельман П.М. Позвавшие нас города // Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. – СПб., 2003. – Вып. 19. – С. 274–275.
3. Дудченко М.А. К 75-летию уникального выпуска врачей Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова // Военно-медицинский журнал. – 2018. – № 8. – С. 59–62.
4. Жестяников В.Д. Кафедра фармакологии ВММА в 1943–1947 годы // Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. – СПб., 2003. – Вып. 19. – С. 151–158.
5. Жестяников В.Д. Снятие антигипнотического действия фенамина // Научные работы курсантов и слушателей III факультета Военно-морской медицинской академии / [под ред. Н.В. Лазарева]. – Л., 1948. – Вып. 4. – С. 117–120.
6. Колевид Г.В. 70 лет Военно-Морской Медицинской Академии (1940–1956) // Петербургский коллекционер. – 2010. – № 4 (60). – С. 64–66.
7. Владимир Давидович Жестяников (1924–2014) // Цитология. – 2015. – Т. 57, № 2. – С. 162–163.

8. Владимир Давидович Жестяников (к 60-летию со дня рождения) // Цитология. – 1984. – Т. 26, № 5. – С. 626–631.
9. Колпинцы: историко-биографический справочник / авт.-сост. Е.П. Сизенов. – СПб. : Серебряный век, 2009. – 389 с.
10. История Колпина / Е.П. Сизенов, Р.С. Иволга, Г.А. Ефимова. – СПб. : Серебряный век, 2007. – 781 с.
11. Суббота А.Г. Шестой выпуск Военно-морской медицинской академии // Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. – СПб., 2003. – Вып. 19. – С. 30–37.
12. Тюрин В.П. Годы, опалённые войной // Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. – СПб., 2003. – Вып. 19. – С. 18–19.

Архивные материалы:

1. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 03 (Личное дело Жестяникова В.Д.). Д. 6. 22 л.
2. Архив школьного музея «Из истории гимназии № 402». Ф. 04 (Материалы по истории школы). Д. 3. 42 л.
3. Интервью с В.М. Михельсоном, учеником и коллегой В.Д. Жестяникова.
4. Интервью с Виолеттой Алексеевной Сопиной, вдовой В.Д. Жестяникова.
5. Ответ на запрос в Институт цитологии РАН.
6. Семейный архив Сопиной В.А. (фотографии, книги, документы).

Катраев Иван

9 класс, ГБОУ Вторая
Санкт-Петербургская гимназия,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Елена Павловна Стальмак)

Василий Яковлевич Костылёв: по страницам биографии первого японоведа России

Я интересуюсь историей русско-японских отношений. При изучении очередного материала по данной теме я задался вопросом: «А кто же первым в России решил профессионально заняться историей Японии?» Разобраться в этом мне помогла статья Виталия Владимировича Совастеева и Анатолия Александровича Щербина «Так кто же был первым профессиональным японоведом в России?» Из этой статьи я узнал, что им являлся Василий Яковлевич Костылёв. Я заинтересовался его биографией, мне было интересно узнать, когда и почему Василий Костылёв решил заняться историей Японии.

Детство в Архангельской губернии

Подробностей о детстве Василия Костылева в научных исследованиях нет, поэтому я обратился к архивным источникам и узнал, что 1 января (13 января по новому стилю) 1848 года в Шенкурском уезде Архангельской губернии родился Василий Яковлевич Костылёв. Отец его – Яков Костылёв, мать – Прасковья Пименова. Все эти сведения я узнал из Метрического свидетельства [15], приложенного Василием Костылёвым к прошению о зачислении его в университет.

Но где же обучался Василий Костылёв до университета? На этот вопрос мне помог ответить его Аттестат, выданный 22 июня 1869 года Архангельской духовной семинарией [1]. Выпустившись из семинарии в 1869 году, Василий Яковлевич Костылёв отправляется в Петербург поступать в Санкт-Петербургский императорский университет [1].

Личное дело студента Василия Яковлевича Костылёва было начато 31 августа 1870 года. Первый документ – это прошение о принятии его в Санкт-Петербургский императорский университет [16]. Из этого документа становится ясно, что в 1869 году Василий Костылёв подаёт прошение в университет на юридический

факультет. Внизу прошения Василий Яковлевич указывает адрес своего проживания – дом Главного военно-судебного управления Казанской части 3-го участка по набережной реки Мойки. Благодаря Атласу Цылова мне удалось отыскать это здание. Его нынешний адрес – набережная реки Мойки, 96 [29]. Главное военно-судебное управление располагалось в комплексе зданий военной коллегии. В этот комплекс входил также построенный в 1827 году жилой дом для чиновников военной коллегии [11]. Поэтому можно предположить, что на самом деле Василий Костылёв проживал не на набережной реки Мойки, 96, а на Офицерской улице, 23 (современная – ул. Декабристов).

Почему же принятый в университет студент вынужден снимать жилье, вместо того чтобы жить в студенческом общежитии? Ответ на этот вопрос я обнаружил в «Конфиденциальном уведомлении министра народного просвещения А. В. Головина попечителю Петербургского учебного округа И. Д. Делянову о «высочайшем неодобрении создания студенческих общежитий» от 9 апреля 1865. Видимо, опасаясь студенческих волнений, «его императорское величество не одобряет искусственного соединения большого числа студентов в одном доме» [13, с. 189]. По этой причине общежития не строили, и молодые люди были вынуждены искать жилье самостоятельно.

7 сентября Василий Костылёв подаёт новое прошение с просьбой перевести его с административного отделения юридического факультета на другой, а точнее, на факультет восточных языков отделения китайского языка [17]. В прошении Василий Костылёв объясняет, что сразу поступить не решился из-за сложности изучения восточных языков, но теперь он в состоянии приступить к ним.

Поскольку обучение на восточном факультете было платным, Василий Костылёв вместе с прошением о переводе, подаёт прошение об освобождении его от платы за обучение, так как его отец, имея жалование 115 рублей в год, трех дочерей и трёх сыновей (помимо Василия Костылёва), не в состоянии вносить плату [18; 19]. К прошению прилагался документ, присланный из Архангельской губернии для подтверждения заработка отца. На основе этих документов студента Василия Костылёва принимают на факультет восточных языков и освобождают от платы за обучение.

Следующие прошение от 16-го сентября 1870 года сообщает нам о трудном финансовом положении студента [17]. Как мы уже поняли, в 1870-е годы обучение было платным, также студенту приходилось платить за жилье, содержать себя. Поэтому с 1870 года студентам высших учебных заведений было официально разрешено заниматься репетиторством в частных домах, для многих из них это было настоящим спасением [7, с. 149]. Василий Костылёв в про-

шении объясняет, что пробовал зарабатывать на жизнь проведением уроков (к сожалению, в документе не указано, какие именно уроки он проводил), но уроки отнимают нужное для учёбы время, и поэтому он просит помочь ему в получении стипендии. В университете относятся с пониманием к трудному положению студента, и Василию Костылёву выделяется стипендия – 50 рублей в год.

В университете приезжему студенту выдают свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге. Данное свидетельство являлось временной пропиской и продлевалось в течение всего срока обучения. Такое свидетельство было выдано и Василию Костылёву. Внизу указан уже знакомый нам адрес – дом Главного военно-судебного управления Казанской части 3-го участка по набережной реки Мойки. Первое свидетельство было действительно до 15 октября 1870 года [20]. Второе свидетельство с тем же адресом проживания было действительно до 6 октября 1871 года.

Осенью этого же года Василий Костылёв переезжает с набережной реки Мойки на Петроградскую сторону, а точнее, в дом номер 16 на Большом проспекте. Это мы узнаём по изменившемуся адресу в свидетельстве на свободное проживание [23]. К сожалению, сам дом не сохранился и сейчас на этом месте располагается построенный в 1915 году доходный дом братьев Колобовых [10]. Первое свидетельство было выдано 8 октября 1871 года и действовало по 14 октября 1872 года [23]. 18 октября 1872 года выдают новое свидетельство, действительное до 15 октября 1873 года [22].

Перед последним учебным годом в университете Василий Костылёв переезжает на новый адрес – Васильевская часть, 2 участок, дом номер 12. Нынешний адрес дома – набережная Макарова, 18 [24]. По данному адресу Василий Костылёв проживал вплоть до окончания университета в 1874 году.

1 июня 1874 года Василий Яковлевич Костылёв получает диплом в связи с успешным окончанием курса. Диплом сообщает нам, что он прослушал полный курс по китайско-маньчжуромонгольскому разряду факультета Восточных языков и удостоен учёной степени кандидата.

На этом студенческая жизнь Василия Яковлевича Костылёва заканчивается.

В. Я. Костылев — русский консул в Нагасаки

В период обучения Василия Костылева в Университете, японоведение еще не было самостоятельной профессией, как и кафедры японского языка. Тем не менее, Василий Яковлевич еще в студенческие годы решил связать свою жизнь именно с Японией.

Окончив университет, Василий Костылев понимает, что его познания в японском еще достаточно ограничены и поэтому в

1875–1876 годах берет частные уроки у Куроно Ёсибуми — японского ученого, который еще в молодости выучил русский язык.

В 1880-е годы В. Я. Костылев начинает работу по линии Министерства иностранных дел в Японии. Сайт Генерального консульства России в Японии указывает, что И. Рюмина «в 1883 году сменил В. Я. Костылев, исполнявший эту должность вплоть до 16 июня 1900 года, когда был уволен от службы по собственной просьбе» [12]. Подробности о его работе в чине консула мне удалось найти в Российском Государственном историческом архиве, их тщательное изучение — одна из перспектив моего исследования.

Работа русского консула в Нагасаки была делом государственной важности. Русское консульство открылось в Нагасаки в 1873 году. Для русского флота в Тихом океане это был важный пункт, где корабли могли пополнить запасы угля, продовольствия, а моряки даже поправить здоровье в санатории. В Нагасаки работал морской завод, доки и мастерские, где русские военные корабли часто проходили ремонт. Здесь, на перекрестке путей между Японией, Кореей и Китаем, стояла на рейде российская Тихоокеанская эскадра [28, с. 252–253].

Во время работы В. Я. Костылева консулом произошло несколько важных событий. Во-первых, русское консульство приобрело в собственность землю (до этого ее приходилось брать в аренду) и значительно расширило свою территорию. На участке рядом с русским консульством будет возведен военно-морской лазарет. В архиве РГА ВМФ мне удалось обнаружить документы и письма Василия Яковлевича о согласовании деятельности данного лазарета.

Вторым важным событием консульства В. Я. Костылева стало то, что в 1891 году Японию посетил наследник российского престола великий князь Николай Александрович (Николай II). 15 (27) апреля 1891 года Николай в сопровождении греческого принца Георга прибыл в город Нагасаки. Визит августейшей особы прошёл наилучшим образом.

Дипломатическая работа — не единственное, что занимало В. Я. Костылева в Японии. На протяжении нескольких лет он писал исторический научный труд «Очерк истории Японии» (СПб., 1888), основанный на японских источниках. Это первое русскоязычное издание по истории Японии, которое позволяет считать Василия Костылева первым японоведом России. Исторические источники, с которыми работал Василий Яковлевич при написании исследования, носили сугубо официальный характер и затрагивали не только историю Японии, но и ее отношения с соседними странами — Китаем и Кореей [31]. В ходе своей исследовательской работы Василий Яковлевич также сделал еще одно важное наблюдение: он «полагал, что древнейшая история Японии крайне сложна для изучения, так как

источники этого периода часто носят эпический, мифологический характер» [3]. Книга В. Я. Костылева «сыграла более важную роль, чем мог предположить сам автор. Ни одно из последующих поколений русских и советских японоведов не могло пройти мимо этой работы В. Я. Костылева, среди достоинств которой следует назвать подробное изложение фактов на основе серьезных исторических источников, снабженное весьма разносторонними примечаниями (их в работе 386)». Книга ученого стала практическим пособием для многих поколений студентов как Санкт-Петербургского университета, так и открывшегося в 1899 году Восточного института Владивостока [26, с. 196].

16 июня 1900 года Василий Яковлевич уходит с дипломатической службы и возвращается в Санкт-Петербург [12].

В. Я. Костылев: последний петербургский период

В 1900 году Василий Яковлевич возвращается в Санкт-Петербург, но до 1902 года место его жительства нам не известно. В адресных и справочных книгах информация о нём отсутствует [4].

В адресной книге «Весь Петербург» его имя впервые появляется в 1902 году. Мы узнаем, что действительный статский советник В. Я. Костылев (4 чин в соответствии с Табелем о рангах, очень высокий!) проживает в Санкт-Петербурге по адресу: Большая Пушкарская, 61 [8, с. 320]. Здесь он также отмечен как домовладелец, которому принадлежат доходные дома по адресам: Грязная улица, 3 (ныне улица Яблочкова) и Церковная улица (ныне ул. Блохина), 8.

Последовательный анализ информации в адресных книгах позволил уточнить детали последнего периода жизни Василия Яковлевича в Петербурге. Так, в 1903 году он переезжает в упомянутый выше собственный дом по адресу: Церковная улица, 8 (ныне — Блохина, 10) [4, с. 333].

В 1904 году, вероятно, Василий Яковлевич женится (по его адресу указана жена, Елизавета Ипполитовна Костылева) [4, с. 329], а сам Василий Яковлевич, вероятно, оставляет службу, так как появляется указание, что он отставной действительный статский советник. В этом же году, продолжая активно заниматься наукой, Василий Яковлевич публикует книгу «К войне России с Японией: история японского народа» [30].

После ухода со службы Василий Яковлевич нуждается в средствах, поэтому в 1905 году продает свой дом на Грязной, 3 [4, с. 324]. А в 1906 году он делит участок на Церковной улице на два и продает часть вдове действительного статского советника Екатерине Константиновне Лытиковой [4, с. 336]. В настоящий момент на бывшем участке В. Я. Костылева стоят два дома по

адресам: ул. Блохина, 10 (дом Костылева) и ул. Блохина, 12 (дом Лытиковой) [8; 9].

В 1907 году В. Я. Костылев начинает преподавать в университете. Он составил программу преподавания на кафедре японского языка и, несмотря на то, что сам проработал на ней всего три или четыре семестра, сделал большой задел для ее будущего развития.

Следует отметить, что своей работой на кафедре В. Я. Костылев гордился и в 1909 году указал в адресно-справочной книге «Весь Петербург», свою должность – «приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета» [5, с. 356].

По данным адресных книг «Весь Петербург», все последующие годы Василий Яковлевич проживет с супругой на Церковной улице, 8 [5]. В 1913 году по этому же адресу появится его сын Александр, который будет жить с отцом и в последующие годы [6].

После выхода в отставку Василий Яковлевич работал в Азиатском музее [3]. Чтобы выяснить, чем занимался Азиатский музей, я обратился к энциклопедии «Санкт-Петербург» и узнал, что Азиатский музей, основанный при Петербургской Академии наук в 1818 году, в начале XX века был крупнейшим в России хранилищем рукописей и книг по теме Востока [2]. Сотрудники музея занимались изучением рукописей [4]. Вероятно, результатом работы Василия Яковлевича в Азиатском музее стало создание Русско-японского словаря разговорного языка, изданного в 1914 году [32].

Василий Яковлевич Костылев умер 25 июня 1918 года, был отпет в Князь-Владимирском соборе и похоронен на Смоленском православном кладбище [14].

Использованная литература и источники

1. Аттестат семинариста Василия Костылёва // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 6
2. Азиатский музей // Санкт-Петербург : энциклопедия: [портал]. – URL: <http://encspb.ru/object/2855748184?lc=ru> (дата обращения: 12.04.2021).
3. Костылев Василий Яковлевич (1848–1918) // Петербургская историческая школа XVIII – начало XX века : информационный ресурс / С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2012–2021. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/140-kostylev-vasiliy-yakovlevich.html> (дата обращения: 12.04.2021).
4. Весь Петербург на [1900–1908 гг.] : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : А.С. Суворин, [1900–1908].
5. Весь Петербург на [1909–1914 гг.] : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. – [СПб.] : А.С. Суворин, [1909–1914].
6. Весь Петроград на [1915–1917 гг.] : адресная и справочная книга г. Петрограда. – [СПб., 1915–1917].

7. Диплом студента Василия Костылёва, выданный 1 июня 1874 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572.
8. Доходный дом Д.П. Кандаурова — доходный дом Е.К. Лытниковой // CITYWALLS: архитектурный сайт Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.citywalls.ru/house3084.html> (дата обращения: 12.04.2021).
9. Доходный дом ул. Блохина, 10 // CITYWALLS: архитектурный сайт Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.citywalls.ru/house13146.html> (дата обращения: 12.04.2021).
10. Доходный дом Колобовых на Большом проспекте Петроградской стороны. История дома и экскурсия по интерьерам // Mishanita.ru : блог о путешествиях и культуре в Европе. — URL: <https://www.mishanita.ru/2016/09/20/27465/> (дата обращения: 12.04.2021).
11. Комплекс зданий Военной коллегии — (по наб. Мойки) Александровская военно-юридическая академия — Казармы батальона // CITYWALLS : архитектурный сайт Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.citywalls.ru/house1178.html?s=5tundj6lu7lbraqrvjhdruvn5> (дата обращения: 12.04.2021).
12. Консульство в Нагасаки // Посольство Российской Федерации в Японии : [сайт].— URL: <https://tokyo.mid.ru/g-nagasaki> (дата обращения: 12.04.2021).
13. Конфиденциальное уведомление министра народного просвещения А.В. Головина попечителю Петербургского учебного округа И.Д. Десянову о высочайшем неодобрении создания студенческих общежитий // Высшая школа Санкт-Петербурга XIX — начало XX века : (сборник документов) / Арх. ком. Санкт.-Петербурга и Ленингр. обл., С.-Петерб. гос. учреждение «Центр. гос. ист. архив Санкт-Петербурга» (ЦГИА СПб). — СПб., 2007. — С. 189.
14. Метрика смертей за июнь 1918 года // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3703. Л. 235.
15. Метрическое свидетельство // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 8.
16. Прошение Василия Костылёва о зачислении его в число студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 1.
17. Прошение студента Василия Костылёва о переводе его на другой факультет // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 6.
18. Прошение студента Василия Костылёва освободить его от платы за обучение, лицевая сторона // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 4.
19. Прошение студента Василия Костылёва освободить его от платы за обучение, обратная сторона // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 4 об.

20. Свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге от 7 сентября 1870 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 7.
21. Свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге от 17 октября 1871 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 2.
22. Свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге, выданное 8 октября 1871 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572.
23. Свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге, выданное 18 октября 1872 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 14.
24. Свидетельство на свободное проживание в Санкт-Петербурге, выданное 12 октября 1873 года // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572.
25. Свидетельство, присланное из Архангельской губернии // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16572. Л. 5.
26. Совастеев В.В., Щербина А.А. Так кто же был первым профессиональным японоведом в России? // Россия и АТР. – 2012. – № 4. – С. 195–196.
27. Филиппов А.В. Василий Яковлевич Костылев // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 2. – С. 53–58.
28. Хисамутдинов А.А. Русская Япония. – М.: Вече, 2010. – 399 с.
29. Цылов Н.И. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов. – СПб., 1849.

Труды Василия Яковлевича Костылева

1. К войне России с Японией: история японского народа (по В. Костылеву) / сост. М. Б-в. – СПб.: А.К. Пурышев, ценз. 1904. – 52 с.
2. Очерк истории Японии / составленный В. Костылевым. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1888. – [4], XXIV, 446, II с.
3. Русско-японский словарь разговорного языка / сост. В.Я. Костылев, бывший консул в Нагасаки. – СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1914. – XLIV, 1007 с.

Лапина Анастасия

11 класс, ГБОУ лицей № 214
Центрального района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Осипова Мария Михайловна)

Георгий Владимирович Шор как основоположник русской танатологии

Георгий Владимирович Шор
(фото с сайта *Geni*. – URL:
[https://www.geni.com/people/
Георгий-Владимирович-
Шор/6000000042443243151](https://www.geni.com/people/Георгий-Владимирович-Шор/6000000042443243151))

Георгий Владимирович Шор родился 23 апреля 1872 года в Санкт-Петербурге в семье почт-директора Санкт-Петербургского почтамта Владимира Фёдоровича Шора (1819–1886), который по своей должности отвечал за перлюстрационную службу Российской империи. Владимир Фёдорович (Вольдемар) Шор являлся иностранцем и сыном Фредерика Шора (Frederic Louis Alexandre Henri Schor) и Ольги Шор. Фредерик Шор, дедушка Георгия Владимировича, был лютеранским пастором и викарием⁴. 10 августа 1842 года, Владимир Фёдорович Шор принял присягу на верность России и в этом же году окончил филологический факультет Московского университета. Он прошел путь от канцелярского чиновника, чиновника для иностранной переписки в Морском ученом комитете

4 Викарий – (лат. vicarius, букв. – заместитель), церковная должность, предусматривающая исполнение обязанностей заместителя или помощника церковного администратора. Институт приходских викариев существует в протестантских церквях, однако занимающие эту должность не являются священнослужителями [11].

(31 марта 1848 – 28 сентября 1849 года), управляющего делами Комитета Главного попечительства детских приютов до почт-директора Санкт-Петербургского почтамта, который заведовал всей почтовой цензурой и «секретной почтовой частью» (с 21 июня 1868 года) [12].

Георгий Шор был младшим из пятерых детей, имел трех сестер и брата. Помимо родных брата и сестёр, у Г. В. Шора была сводная сестра от второго брака его отца в 1878 году с Елизаветой Григорьевной Шор (Эйхе), по имени Александра Николаевна Ван-дер-Шкруф. Георгию Владимировичу на тот момент было 6 лет [12].

В 1889 году Георгий Владимирович поступает в Императорскую Военно-Медицинскую академию (современный адрес: улица Академика Лебедева, д. 6). В 1895 году он окончил её с отличием и поступил на службу на флот [6, с. 285]. В 1901 году Георгий Владимирович вступил в первый законный брак с Ольгой Константиновной Боген (урожденной Петкович), православного вероисповедания – вдовой лейтенанта Богена. У нее была дочь от первого брака, в браке с Георгием Владимировичем у них родилась дочь, но в скором времени они развелись, и больше Георгий Владимирович не вступал в браки [13; 1, л. 1].

Поработав с адресно-справочными книгами «Весь Ленинград», мне удалось установить следующие адреса Георгия Владимировича Шора в нашем городе: это проспект Карла Либкнехта (ныне Большой пр. Петроградской стороны), д. 83 [2, стб. 259] и Петропавловская ул., д. 8 [3, с. 304; 4, с. 452]. Если посмотреть на карту города, то мы увидим, что это один и тот же дом, располагающийся рядом с комплексом зданий Первого медицинского университета им. И. П. Павлова, где долгое время работал Г. В. Шор. Его научной и медицинской деятельности посвящена вторая глава.

Умер Георгий Владимирович Шор в 1948 году в Ленинграде от сердечного приступа [11; 18, с. 122].

Служба на флоте

Работая с материалами Российского государственного архива военно-морского флота, я смогла выделить отдельную, но не менее важную главу в жизни Г. В. Шора, как его службу на флоте.

По окончании Императорской Военно-Медицинской Академии в «степени лекаря с отличием» Георгий Владимирович Шор был обязан прослужить 4 года и 9 месяцев в армии [6, с. 285]. Еще в Академии отмечали его прекрасные качества характера: «Был человеком кристальной чистоты и честности, даже избирался во время военно-морской службы председателем офицерского суда чести» [6, с. 285].

На основании положения об Академии от 29 мая 1890 года в Государственную службу Г. В. Шора было засчитано 3 года [1, л. 2; 6, с. 250].

10 декабря 1895 года Высочайшим приказом по Военному Ведомству о гражданский чинах Георгий Владимирович Шор был определён в Драгунский Смоленский Императорский полк Александра III младшим врачом [1, л. 2].

С 15 декабря 1895 года Георгий Владимирович был в отпуске на два месяца с сохранением содержания [там же]. В это время, а именно 9 января 1896 года, Высочайшим приказом о гражданских чинах он был переведён в 10-й Флотский экипаж младшим врачом [1, л. 3].

С 1896 по 1904 год Георгий Владимирович был судовым врачом крейсера I ранга «Россия», а в 1904 уволился в запас [1, л. 8–9]. С 5 октября по 3 декабря 1896 г. Г. В. Шор был в кампании на крейсере I ранга «Россия». С 9 мая 1897 года по 14 февраля 1898 года он вновь на том же крейсере в заграничном плавании [там же].

Вскоре Георгий Владимирович получил свидетельство о том, что выдержал «словесное и практическое» испытания на степень «доктора медицины» и что для получения этой степени ему остается только представить и защитить диссертацию. Затем приказом командира крейсера I ранга «Россия» он был назначен исполнять обязанности младшего судового врача впредь до назначения старшего судового врача с 20 ноября 1899 года. По прибытии в январе 1900 года старшего судового врача Г. В. Шор вступил в исполнение своих обязанностей младшего судового врача [1, л. 6–7].

Со временем Г. В. Шор получал более высокие чины в «Табеле о рангах». После завершения обучения и при поступлении на службу он получил чин IX класса: 10 декабря 1895 года Георгий Владимирович был утвержден в чине титулярного советника. 10 декабря 1898 года за выслугу лет он был произведён в чин коллежского ассессора [1, л. 4–5].

В дальнейшем Г. В. Шор был переведён в 18-й Флотский экипаж Главного Морского Штаба № 44, а 24 апреля 1900 года прикомандирован для занятий к Санкт-Петербургскому Морскому госпиталю (Старо-Петергофский пр., д. 2), в котором 19 июня 1900 года был назначен младшим ординатором [1, л. 10–11].

1 января 1901 года Г. В. Шор был удостоен Ордена Святой Анны 3 степени [1, л. 11].

В 1902 году, с 16 октября, Георгий Владимирович ушел в отпуск по «домашним» обстоятельствам и «явился в срок». 10 декабря того же года он был произведён в надворные советники, то есть получил чин VII класса. А уже 20 января 1903 года Приказом по Морскому Ведомству № 10 был назначен старшим врачом 8-го Флотского экипажа [1, л. 8–9].

Несмотря на стрессовую работу Георгий Владимирович Шор оставался спокойным и добрым человеком. Например, командир

крейсера I ранга «Россия» писал о нём так: «Нравственный, примерный. Отличный и скромный товарищ. В кают-компании ценный собеседник. С начальством держит себя воспитанно и с выдержкой» [1, л. 12].

Стоит отметить, что за все годы службы на флоте Георгий Владимирович никогда не подвергался наказанию и не нарушал режим, а также всегда был пунктуальным и ни разу не вернулся из отпуска не вовремя. Отмечали его служебные и нравственные качества и познания в морской и строевой службе: «Не единожды отмечился как молодой, но опытный врач. Действует не только в соответствии с врачебной наукой, но и с дисциплиной. Сам исполнительен до крайности, подчинен судовому порядку. Хорошее сердце. Старается держать на высоте требования морской службы и строевой» [1, л. 12].

Не лишним будет обратить внимание, что Г. В. Шор владел в совершенстве четырьмя языками – английским, немецким, французским и русским, что также не мог не отметить командир «России»: «Знает французский и немецкий для разговора. Читает на английском. Хорошо представится среди иностранцев» [1, л. 12].

В целом, по словам командиров и на основе вышеупомянутых фактов, можно сделать вывод, что Георгий отлично проявлял себя во время службы на флоте.

Врач и исследователь

Как мы отмечали, медицинская деятельность Г. В. Шора началась ещё в 1895 году с должности младшего врача 8-го драгунского Смоленского Императора Александра III полка [1, л. 2]. С 1904 года, после службы на флоте, он работал прозектором Обуховской больницы (наб. р. Фонтанки, д. 106) [20].

Основные события в научной деятельности Г. В. Шора:

В 1908 г. Георгий Владимирович получил звание приват-доцента Императорской Военно-Медицинской академии. В 1913 г. был избран профессором кафедры патологической анатомии Психоневрологического института (современный адрес – ул. Бехтерева, д. 3 (во времена Г. В. Шора – Казачья ул.), ныне Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева) [20]. Он вел там постоянный секционный курс для студентов медицинских факультетов [15].

С 1917 по 1944 г. Георгий Владимирович состоял профессором и заведующим кафедрой патологической анатомии Санкт-Петербургского женского медицинского института (с 1918 г. – Петроградский медицинский институт, с 1924 г. – Первый Ленинградский медицинский институт, ныне – Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им.

акад. И. П. Павлова (ул. Льва Толстого (ранее – Архиерейская ул.), д. 6–8) [14; 18, с. 121]. С приходом Г. В. Шора патологоанатомическое отделение Петропавловской больницы стало получать из хирургических клиник весь операционный и биопсийный⁵ материал. Частично материал стал отдаваться в клиники для создания музеев благодаря тому, что в 1917 г. Г.В. Шор изобрел метод фиксации и хранения анатомических препаратов. Он разработал способ сохранения сухих анатомических препаратов в воздушной среде путём помещения их в герметически закрытые камеры. Кроме того, он начал создавать большой архив макроскопического материала, который в дальнейшем лег в основу уникального музея патологии человека. Музейные экспонаты, созданные лично Г. В. Шором, и по сей день хранятся на кафедре в виде постоянной экспозиции, которая по праву носит название «Музей Г. В. Шора» [15]. С 1920 по 1921 год Г. В. Шор даже занимал должность руководителя Петроградского медицинского института. Кроме того, им была введена клиническая ординатура для будущих патологоанатомов. С 1936 г. началось полное сопоставление клинических и патологоанатомических данных, лечащие врачи стали приходить на вскрытия. Метод проведения клинко-анатомических сопоставлений был разработан Георгием Владимировичем. Это стало прогрессивным шагом в развитии медицины [15].

В 1918–1934 годах Г. В. Шор руководил патологоанатомической и раковой лабораторией Государственного рентгенологического и радиологического института (ныне Федеральное государственное учреждение «Российский научный центр радиологии и хирургических технологий» Министерства здравоохранения и социального развития РФ), который располагался в зданиях Гомеопатической лечебницы и общежития младших служащих бывшего Александровского Лицея: Лицейская ул., д. 6 (ул. Рентгена) и Архиерейская ул., д. 15, 17 (ныне ул. Льва Толстого) [5, с. 8, 17]. Размышляя о деятельности лаборатории в 1928 г., Георгий Владимирович так охарактеризовал ее задачи: 1) исследования биопсийного материала и проведение вскрытий умерших с целью диагностики и передачи данных клиническому отделению, 2) изучение онкологии, точнее – сбор материала, «на основании которого можно будет дать заключение о чувствительности различных видов опухолей к рентгеновым лучам и радию» [5, с. 62], 3) «Основной задачей лаборатории является также всестороннее изучение рака с обще-патологической и пато-

5 Биопсия – прижизненное иссечение тканей или органов для микроскопического исследования с диагностической целью. В более широком смысле слова под биопсией следует подразумевать исследование тканей и органов при хирургических операциях, а также с научно-исследовательской целью [16].

лого-анатомической точек зрения и исканий в области этиологии злокачественных новообразований» [5, с. 62]. О работе лаборатории свидетельствует рассказ ученика Г. В. Шора – Леона Манусовича Шабата: «С 9 утра до 2–3 часов дня я работал на кафедре патологоанатомической лаборатории или, большей частью, в прозектуре. Там, кроме вскрытия, шли занятия со студентами по секционному курсу. В лабораторию экспериментального рака я приходил обычно к 4 часам дня и работал ежедневно до 10 часов вечера. Лишь по субботам я заканчивал обычно в 6 часов вечера, а по воскресеньям – в 2–3 часа дня. По утрам в воскресенье я также бывал в лаборатории, так как нужно было вскрывать павших подопытных животных и готовить материал для гистологической обработки⁶» [17, с. 543].

С 1925 по 1931 г. Г. В. Шор преподавал на кафедре судебной медицины Ленинградского государственного института для усовершенствования врачей (ГИДУВ, ныне входит в состав Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова; Кирочная ул., д. 41) [19]. В 1933 г. Г. В. Шору было присвоено звание «Заслуженный деятель науки СССР» [15].

Как видно из этого перечисления, Георгий Владимирович Шор занимался не только патологической анатомией, но и другими сферами медицины, например, онкологией. За всю свою жизнь Георгий Владимирович написал свыше 70 работ, посвященных главным образом морфологии опухолей. Он основал первую экспериментальную лабораторию по изучению рака, был одним из инициаторов создания первого в России Петербургского научного общества патологов, а также совершил огромный прорыв в танатологии, написав основной труд своей жизни – книгу «О смерти человека» (Введение в танатологию) [23]. В ней он описал нередко наблюдаемое несоответствие между выраженностью морфологических изменений и клиническими проявлениями болезни, поставил вопрос о терминальных состояниях и возможной обратимости процесса умирания. Основная мысль монографии заключена в том, что для танатологии и особенно судебной медицины приоритетной задачей является не выявление того, от чего наступила смерть, а выяснение, почему прекратилась жизнь. Г. В. Шор писал об этом так: «Главнейшей задачей танатологии должно быть выяснение всех условий, приведших к смерти организм,

6 Гистологические методы исследования (греч. *histos* столб, ткань + *logos* учение) – методы, применяемые для изучения строения и функций клеток и тканей растительных и животных организмов в норме, патологии и в эксперименте. Более узким по сравнению с Гистологическими методами исследования является термин «гистологическая техника», которым обозначают комплекс методических приемов, используемых в гистологии, а также в нормальной и патологической анатомии, главным образом при изготовлении препаратов клеток и тканей для их последующего микроскопирования [21].

как индивидуальное целое» [8, с. 6]. И «Разрешить этот вопрос гораздо легче, если задуматься не над расшифровыванием «причин» смерти, а над выяснением тех условий, которые сделали невозможным продолжение жизни!» [8, с. 151].

Большое значение имеют и следующие работы Г. В. Шора: диссертация на степень доктора медицины «Первичный рак бронхов, легких и плевры в патологоанатомическом отношении» (СПб., 1903), которая стала первой русской работой, посвященной этому вопросу; ряд работ, относящихся к технике обработки и сохранения музейных препаратов (например, «Техника обработки и сохранения музейных препаратов в герметически закрытых застекленных камерах», 1926). В них Г. В. Шор указал новый способ сохранения органов в естественном виде без жидкости. В нескольких работах Георгий Владимирович разработал вопрос о развитии неба и об уродствах в области него. В последние годы Георгий Владимирович создал ряд ценных исследований по онкологии, в частности по экспериментальному раку, которые стали основополагающими в изучении данного заболевания [20].

Также мне удалось установить тот факт, что Георгий Владимирович интересовался вопросами судебной медицины, особенно патологией скоропостижной смерти и даже являлся автором большого раздела по этой теме в известных «Основах судебной медицины», изданных под редакцией Н.В. Попова в 1938 г. В практику патологической анатомии и судебной медицины вошёл способ вскрытия (извлечения внутренних органов) трупа, предложенный Г. В. Шором. В отличие от способа вскрытия по Р. Вирхову, основанному на извлечении из полостей тела отдельно каждого органа, его способ предполагает полную эвисцерацию органокомплекса с последующим вскрытием органов. В «Технике патологоанатомических вскрытий трупов» профессора А. Абрикосова отмечено, что «этот метод имеет большое преимущество в тех случаях, когда желательно сделать вскрытие строго системным, так как при нём каждая система, не будучи разъединена на части, может быть исследована в виде непрерывного целого», «кроме того, он необходим в случаях обширного распространения опухоли по органам и серозным покровам и плотных спаяний органов брюшной полости и таза между собой» [9, с. 132]. Таким образом, метод Шора обеспечивает возможность комплексного исследования всех органов и систем в полной сохранности их анатомических и пространственных связей между собой. В судебно-медицинской практике это позволяет лучше проследить направление раневых каналов, изменения направления их внутри тела, проследить пути распространения инфекции, метастазирования опухолей и т.д. [20] В случае необходимости, уже обследованный таким образом комплекс органов можно сохранить для демонстрации [9, с. 132].

Г. В. Шор предложил свой метод бальзамирования трупа: «Метод Шора-Иосифова. Применяется для сохранения отпрепарированных трупов. Последовательность действий: а) инъекция сосудов 5–10% водным раствором желатины с примесью мела; для наливки артерий к жидкости добавляют сурик, а для наливки вен – ультрамарин; б) консервирование трупа по способу Мельникова-Разведенкова, Кайзерлинга или Шора, в) препарирование сосудов нервов, мышц; г) заключение трупа в герметическую прозрачную камеру» [10].

Таким образом, можно сказать, что Г. В. Шор действительно уделял большое внимание танатологии – учению о смерти и ее причинах. С целью сохранения анатомо-физиологических связей при извлечении комплекса органов при вскрытии и возможности полноценного сопоставления найденных изменений им был предложен метод полной эвисцерации. Этот метод вскрытия до настоящего времени сохранил свое практическое значение и используется во многих странах мира. Занимаясь научной и преподавательской деятельностью, он способствовал повышению качества лечебно-диагностической работы, благодаря чему диагностическая работа клиницистов вышла на новый уровень [15].

Использованная литература и источники

Архивные материалы

1. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 873 (Аттестации на военных и гражданских чинов морского ведомства (коллекция), 1857–1917). Оп. 24. Ед. хр. 181. 1898 г. (Шор Георгий Владимирович. Титулярный советник).

Источники

2. Весь Петроград. 1922 г. : [адресная и справочная книга : ч. 1]. – [Пг.] : Петроград, [1922]. – 960 стб.
3. Весь Ленинград на 1924 год : адресная и справочная книга г. Ленинграда. – [Л.] : Орг. отд. Ленингр. губисполкома, [1924]. – 920 с.
4. Весь Ленинград на 1925 год : адресная и справочная книга г. Ленинграда. – [Л.] : Орг. отд. Ленингр. губисполкома, [1925]. – 1080 с.
5. Государственный рентгенологический, радиологический и раковый институт. 1918 X 1928 : сборник, составленный при участии научных работников института: Л.П. Брюлловой, В.М. Дукельского, А.А. Заварзина, Н.П. Кочневой, Г.А. Надсона, М.И. Неменова, И.А. Оксенова и Г.В. Шора / под ред. М.И. Неменова. – Л., [1928]. – 137 с.

6. История Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет, 1798–1898 / под ред. проф. Н. П. Иванова : в 2 ч. – Репр. изд. 1898 г. – СПб. : Альфарет, 2008. – Ч. 2. – 592 с.
7. Слушательницы Женского медицинского института и ассистент Г. В. Шор в секционной на занятиях по патологической анатомии, 1913 г. : [фотография] // Медицинский Петербург Карла Буллы : [выставка] / Первый медицинский университет им. И.П. Павлова, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. – URL: <http://medbullatilda.ws/karlbulla> (дата обращения: 09.02.2021).
8. Шор Г.В. О смерти человека : (введение в танатологию). – Л. : Кубуч, 1925. – 272 с.

Литература

9. Абрикосов А.И. Техника патологоанатомических вскрытий трупов. – 4-е изд. – Москва ; [Свердловск] : Медгиз, 1948. – 168 с.
10. Бальзамирование трупа // Медицинская энциклопедия. – 2007–2021. – URL: <http://www.medical-enc.ru/2/balsamirovanie.shtml> (дата обращения: 06.01.2021).
11. Викарий // Большая российская энциклопедия. – М., 2009–2015. – URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/1913441 (дата обращения: 06.01.2021).
12. Владимир Федорович Шор // Geni : [сайт]. – Бербанк, 2012–2021. – URL: <https://www.geni.com/people/%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80-%D0%A8%D0%BE%D1%80/6000000078551722260> (дата обращения: 03.01.2021).
13. Георгий Владимирович Шор // Geni : [сайт]. – Бербанк, 2012–2021. – URL: <https://www.geni.com/people/%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B9-%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%A8%D0%BE%D1%80/600000042443243151> (дата обращения: 03.01.2021).
14. История // Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова. – СПб., 2013–2021. – URL: <https://www.1spbgbmu.ru/ru/universitet/istoriya> (дата обращения: 03.01.2021).
15. Кафедра патологической анатомии // Санкт-Петербургский Государственный Медицинский Университет имени И.П. Павлова. – СПб., 2010. – URL: <https://web.archive.org/web/20100914031135/http://www.spb-gmu.ru/content/view/142/239/#history> (дата обращения: 03.02.2021).

16. Наддачина Т.А., Фалилеев Г.В., Хоминский Б.С. Биопсия // Большая медицинская энциклопедия : [в 30 т.] – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 3. – URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/index.php/%D0%91%D0%98%D0%9E%D0%9F%D0%A1%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 06.01.2021).
17. Плисс Г.Б. Вклад академика Л.М. Шабада в теорию и практику профилактики рака от воздействия канцерогенных агентов (ленинградский период) // Вопросы онкологии. 2016. – 2016. – Т. 62, № 4. – С. 542–545.
18. Пурро К. Георгий Владимирович Шор (1872–1948) : вклад выдающегося советского патологоанатома в мировую науку // Иностранные студенты – белорусской науке : материалы V Междунар. научно-практ. конференции иностранных студентов и магистрантов (Витебск, 20 апреля 2020 г.). – Витебск : ВГАВМ, 2020. – С. 121–123.
19. Санкт-Петербургский государственный институт усовершенствования врачей Министерства здравоохранения РФ, Санкт-Петербург, 1951–1991 // Архивы Санкт-Петербурга. – СПб., 2010–2021. – URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgantd/R-419> (дата обращения: 03.01.2021).
20. Шор Георгий Владимирович // Большая медицинская энциклопедия : [в 30 т.] – 3-е изд. – М., 1986. – Т. 27.

Калинина Марина
10 класс, ГБОУ СОШ № 233
Красногвардейского района,
краеведческое объединение «Охта»
ГБУ ДО ДДЮТ
Красногвардейского района
Санкт-Петербурга «На Ленской»
(руководитель –
Столбова Наталья Павловна)

Князь Э. Э. Ухтомский и его тибето-буддийская коллекция

Тибето-буддийские коллекции начали формироваться в Петербурге в первой половине XVIII века. В конце XIX – начале XX века они значительно пополнились за счет предметов из собрания П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга и коллекции буддийской живописи и пластики князя Э. Э. Ухтомского, которая по праву считалась крупнейшей в мире. По мнению кандидата культурологии В. Е. Гурина, «собрания художественных памятников тибетского буддизма в музеях Санкт-Петербурга насчитывают в совокупности несколько тысяч предметов» [1], среди которых коллекция Э. Э. Ухтомского занимает видное место.

В архивном деле РГИА (Российского государственного исторического архива) содержится формулярный список князя Ухтомского, в котором имеются основные сведения о его учебе и деятельности. Список охватывает период с 1884 по 1898 гг. [12].

29-го ноября 1884 г., князь Э. Э. Ухтомский был утверждён в чин коллежского секретаря и определён на службу в Министерство Внутренних Дел Российской империи, и в связи со своей деятельностью, начиная с 21 сентября 1885 г., он не раз бывал в командировках, в том числе на Востоке [12].

В 1890 г. князь принял участие в плавании на фрегате «Память Азова», сопровождая наследника престола – цесаревича Николая Александровича.

Во время путешествия Цесаревичу Николаю Александровичу было преподнесено более шестисот разнообразных и интересных предметов. Например, в Китае были подарены предметы из нефрита, дерева, слоновой кости, серебра, много тканей, костюмов и др. Немало фарфоровых предметов – вазы большие и малые, блюда с росписью... [15]. Очевидно, во время путешествия Ухтомский начал заниматься коллекционированием.

По окончании путешествия (6-го декабря 1891 г.) коллежский ассессор князь Ухтомский был пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества.

В 1891 г. ему было поручено составление подробного описания путешествий Николая Александровича. Книга «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича» была выпущена в трёх томах.

В 1894 г. Э. Э. Ухтомский принял участие в устройстве выставки предметов, привезённых Цесаревичем из путешествия, и составил их каталог.

Спустя четыре года в Петербурге была открыта выставка буддийских древностей, одним из организаторов которой был Э. Э. Ухтомский [8]. Туда же вошли многочисленные подарки, преподнесённые Цесаревичу во время путешествия.

Осенью 1900 г. с секретной миссией для возобновления переговоров об отчуждении территории для устройства железной дороги через Маньчжурию (КВЖД) к Порт-Артуру, по представлению Министра Финансов С. Ю. Витте и по настоятельным просьбам китайского государственного деятеля и дипломата Ли Хунчжана, князь Э. Э. Ухтомский прибыл в Китай.

Его с почётом встретили в Пекине, но в ноябре 1900 г. князь пишет С. Ю. Витте, что никаких настоящих переговоров нет и «дипломатия довольствуется составлением пустозвонных ультиматумов и праздною болтовнею», поэтому в январе 1901 г. он был возвращён в Санкт-Петербург [11].

После возвращения князь больше не выполнял ответственных государственных поручений, вел издательскую и редакторскую работу в газете «Санкт-Петербургские ведомости», занимался описанием своих коллекций.

Послереволюционные годы были трудными. В это время Ухтомский пытался спасти свое литературное наследие, часть которого передал в 1919 г. в Пушкинский дом.

Согласно удостоверению, выданному в 1920 г., Э. Э. Ухтомский являлся ассистентом-хранителем Дальневосточного отделения Русского музея, научным сотрудником Музея антропологии, Пушкинского дома и Русского комитета для исследования Азии [7, с. 156–157].

В последние месяцы жизни князь работал дома, описывая коллекции, переданные им в Музей антропологии и этнографии, хранящиеся у него в квартире в Детском Селе, о чем свидетельствует архивный документ от 7 мая 1920 г. [14].

В начале октября 1921 г. Э. Э. Ухтомский скончался от воспаления легких, и был похоронен на кладбище в Детском Селе.

Во время своих командировок Ухтомский собирал предметы буддийского искусства, которые в дальнейшем оказались в составе фондов некоторых музеев Санкт-Петербурга. Впервые его коллекция буддийских древностей выставлялась в 1900 г. на Все-

мирной выставке в Париже, где получила золотую медаль. В этом же году материалы коллекции были использованы в монографии немецкого профессора Альберта Грюнведеля по буддизму в Тибете и Монголии, к которой Э. Э. Ухтомский написал вводную статью.

В начале 1900-х гг. Грюнведель частично атрибутировал коллекцию князя в вышедшем в 1905 г. издании «Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского», по которому мы можем представить большую часть коллекции, разошедшуюся впоследствии по петербургским музеям. Как писал А. Грюнведель: «Настоящий обзор касается только первого отдела, доступ к которому был предоставлен нам поздней осенью 1901 г.» [1, с. 6–7].

Ламайская часть составляла главную часть собрания кн. Э. Э. Ухтомского. Всего в ней значилось 1450 предметов: статуэтки, писанные образы, алтарные принадлежности и др. Эта часть коллекции и была атрибутирована Грюнведелем, им же были сделаны зарисовки 131 предмета ламайского культа.

В ламайском отделе коллекции Грюнведель выделил три группы предметов: фигуры первой группы стоячие, чрезвычайно стройные (к ним относится Белый Манджушри); фигуры второй группы круглые, приземистые; к третьей группе относятся сидячие фигуры из темной бронзы (например, статуэтка Ботисатва) [1, с. 8].

Описанную Грюнведелем ламайскую коллекцию Э. Э. Ухтомского в 1902 г. приобрел император Николай II и затем передал ее в дар Этнографическому отделу Русского музея императора Александра III, с которым был связан её дальнейший путь. Это собрание и составляет сейчас значительную часть тибето-буддийской коллекции петербургских музеев.

До 1934 г. коллекция Э. Э. Ухтомского в полном объеме находилась в Этнографическом отделе Государственного Русского музея, ее первым хранителем вплоть до своей смерти был сам собиратель, а также его сын, Дий Эсперович Ухтомский (1886–1918). В 1934 г. часть коллекции (около полутора тысяч экспонатов) была передана в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, где хранится и экспонируется в настоящее время.

На сегодняшний день два предмета из коллекции Ухтомского значатся в электронном каталоге Российского этнографического музея. Из них нас интересует скульптура «Белая тара», датируемая концом XIX в., которая причислена к коллекции культуры народов Сибири и Дальнего Востока. По сведениям из электронного каталога музея, «скульптура отлита из серебра в Монголии и представляет собой совершенный образец буддийской пластики, созданной в традициях великого монгольского скульптора и духовного деятеля Дзанабадзара (1635–1723). На основании надписи: «Цагань Дара Экз. Хоринские буряты июня 19 дня 1891 года» [9].

Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа (зал буддийского искусства Монголии и Тибета и запасники) насчитывает около трех с половиной тысяч предметов. К ним относятся произведения скульптуры, живописи-тхангка, ритуальные предметы и книги. Расположена она на третьем этаже юго-западного крыла Зимнего дворца (залы № 364, 365).

Основу тибето-буддийского собрания музея составляет коллекция князя Э. Э. Ухтомского: около полутора тысяч экспонатов коллекции князя были переданы в 1934 г. из Этнографического отдела Русского музея.

Как уже было сказано, немецкий учёный А. Грюнведель сделал зарисовки 131 предмета ламайской коллекции Э. Э. Ухтомского. Все ли они сейчас находятся в коллекции Эрмитажа установить невозможно, но выделить, по крайней мере, ряд предметов удалось.

В экспозиции Эрмитажа находится скульптура Цзонхава. Схожий предмет удалось идентифицировать в зарисовках А. Грюнведеля, в его каталоге он называется «Цонг-ка-па». Цзонхава (Цонг-ка-па) представляет собой бронзовую фигуру, облачённую в монашеское одеяние, сидящую на двойном лotosовом престоле и обрамлённую цветами. Руки фигуры расположены перед собой.

Следующий предмет – будда Ваджрасаттва, который помогает убрать всё негативное из кармы человека. В каталоге Грюнведеля он имеет такое же название. Ваджрасаттва изображен прямосидящим на троне, ноги его скрещены, ступни развёрнуты вверх. Правой рукой он держит у сердца ваджру, а левая рука находится у бедра. Скульптура имеет большое количество драгоценных украшений – серьги, ожерелья, диадема.

Анализируя материалы, становится ясно, что рассмотренная нами выше «ламайская коллекция», является лишь частью обширной буддийской коллекции князя. Об этом свидетельствует «хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН», согласно которой в 1889 г. Э.Э. Ухтомский передал в музей коллекцию предметов буддийского культа бурят Забайкалья [5].

Следующие коллекции были переданы непосредственно от Ухтомского или после смерти по его завещанию.

Так в 1926 г. в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого поступила часть коллекции Ухтомского с буддийскими иконами, бронзовыми изделиями и предметами, вырезанными из дерева; в этом же году, по завещанию князя, академик Бартольд передал в музей буддийские и даосские иконы, хранившиеся в квартире собирателя.

В 1927 г. в МАЭ попали «принадлежности буддийского алтаря» из собрания Э. Э. Ухтомского (Китай и Япония) – с бронзовыми статуэтками, оловянными божествами, каменными архагами [5].

К сожалению, в экспозиции предметов из буддийской коллекции Э. Э. Ухтомского не обнаружено, не значатся они и в электронном каталоге музея.

Не исключено, что они находятся в запасниках и скорее всего не описаны. Но в экспозиции тибето-буддийские предметы всё же имеются, правда, поступили они от других собирателей.

Еще одно художественное произведение, связанное с именем князя Ухтомского, находится в Государственном музее истории религии. Это композиция Сукхавати, созданная в 1904–1905 гг. по заказу князя Э. Э. Ухтомского. Изначально она хранилась в Этнографическом отделе Русского музея, а в 1934 г. поступила в Музей истории религии.

Использованная литература и источники

1. Грюнведель А. Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1905. – 178 с.
2. Гурин В.Е. Один сюжет из истории формирования тибетских коллекций Этнографического отдела Русского музея и Государственного Эрмитажа // Антропологический форум. – 2010. – № S13. – С. 153–159.
3. Дмитриев С.В. Князь Д.Э. Ухтомский и его деятельность в Этнографическом отделе Русского музея императора Александра III // Кюнеровский сборник. – СПб., 2010. – Вып. 6. – С. 89–92.
4. Елихина Ю.И. Тибетская коллекция Государственного Эрмитажа // Страны и народы Востока. – М., 2014. – Вып. 35. – С. 95–116.
5. Иванова Е.В. Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН // Восточная Азия: вещи, история коллекций, тексты. – СПб., 2009. – С. 145–210. – (Сборник Музея антропологии и этнографии ; т. 55).
6. Каталог Русского отдела Всемирной выставки в Париже. – СПб., 1900. – 472 с.
7. Колесников А.С., Стрижак Ю.Н. Персоналии диалога культур России и Востока: Э.Э.Ухтомский // Четвертые Востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. – СПб., 2011. – С. 156–167.
8. Князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) // Livejournal : [сайт]. – URL: <https://v-murza.livejournal.com/95059.html> (дата обращения: 2.10.2020).
9. Электронный каталог // Российский этнографический музей : [сайт]. – URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/OBJECT?fondobr=810873> (дата обращения: 21.01.21).

Архивные источники

10. Отдел рукописей Государственного Русского музея (ГРМ). Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 473, 475.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 28. Д. 190 (О поездке князя Ухтомского в Китай и переговорах с Ли-хун-чжаном в 1900 году).
12. РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 546 (Князь Эспер Эсперович Ухтомский).
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 422 (Сведения о ламаитах Восточной Сибири. 1886 г.).
14. РГИА. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 4 (Копия с бумаги, выданной из Академии наук (Музей антропологии и этнографии)). № 93.
15. РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 15 (Описи вещей, приобретенных и приподнесенных цесаревичу наследнику во время путешествия по Азии. 1891).
16. РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 25 (Письмо Б.Л. Модзалевскому).
17. РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 201.
18. РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 253.
19. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 353 (Переписка с этнографическим отделом Русского музея о передаче ему китайской коллекции и библиотеки Э.Э. Ухтомского, 18.12.1920–06.03.1925 СПб.).

РОДОСЛОВНЫЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Илларионова Анастасия
9 класс, ГБОУ гимназия № 293
Красносельского района,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Стальмак Елена Павловна)

«Родных связующая нить...» История рода Михайловых: Санкт-Петербург – Казань

Бабушки и дедушки, папы и мамы – эта исследовательская работа для вас. Прочитайте ее внимательно. И задумайтесь о своей родословной. В моем роду, как вы можете видеть, нет ни великих, ни знаменитых людей. Но все они достойные люди своей страны и своей семьи! И я очень горжусь своими корнями!

Идея исследовать родословную моей семьи возникла не случайно. Сегодня многие хотят узнать больше о своих предках, кем они были, где они жили, как сложилась их судьба. Наша семья – не исключение. Ведь узнавая историю предков, мы открываем для себя такое понятие, как «Родина». Моя Родина – это Россия. Мой дом – это Санкт-Петербург. А рождение мое было бы невозможно без моих предков, изучением биографий которых я занимаюсь уже несколько лет. Поэтому актуальность моей работы заключается в изучении истории Отечества через историю моей семьи. История Отечества – это не только судьбы великих полководцев и путешественников, но и жизнь простых людей, которые ее создают. Я очень люблю рассматривать семейные фотографии, особенно старинные, и слушать различные семейные предания. Моя самая любимая фотография – свадебная фотография моих прапрабабушки и прапрадедушки. Прапрабабушка на ней – в потрясающе красивом платье. Шесть лет назад у меня возникла идея через этот свадебный наряд узнать, когда примерно могла быть сделана эта фотография и кем могла быть моя прапрабабушка Зинаида Федоровна Михайлова. Семья меня поддержала, и мы решили начать поиски нашей давно потерянной казанской родни и

составление генеалогического древа рода Михайловых. Это и стало целью моего исследования. В ходе исследования я изучила семейные архивы нашей семьи и ныне живущих родственников. Мне удалось поработать в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) в Казани, Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге и в Военном комиссариате Ленинградской области (г. Выборг). Также я посылала запросы в Управление ЗАГС г. Казани, Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) (г. Подольск) и в Военный комиссариат Курской области (г. Курск). Я использовала литературу из фондов Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге, в частности данные из справочников «Вся Казань» за 1899 и 1910 годы.

Как я уже говорила, все началось со свадебной фотографии моей прапрабабушки, которая хранилась в нашем семейном архиве. Кроме нее там были и другие фотографии со знакомыми и незнакомыми нам людьми, некоторые документы (свидетельство о браке, о смерти, открытки из Казани двадцатилетней давности с поздравлениями с Новым годом, с 1 мая, орденская книжка), медали. Также в семейном архиве «хранились» воспоминания моей бабушки Ирины Николаевны Илларионовой (девичья фамилия Михайлова). После очередного просмотра архивных фотографий и рассказа бабушки, мне захотелось больше узнать о Зинаиде Федоровне и ее семье и их жизни в Казани. Я смотрела и смотрела на свадебную фотографию прапрабабушки Зины и прапрадедушки Федора, на ее восхитительное платье и воздушную фату. По виду платья, по отделке можно понять, что эта семья была зажиточной, возможно, даже богатой. Мне хотелось рассмотреть каждую деталь этого потрясающего наряда. И я даже заметила одну необычную деталь: на указательных пальцах правой руки у жениха и у невесты были кольца. Мои исследования семейной фотографии увлекли не только меня, но и всю мою семью. И на семейном совете мы решили начать реальные поиски казанской родни. У нас была фотография с примерной датой рождения Михаила Аркадьевича Гусева, на ней ему два месяца и стоит дата 13.09.39. Значит, его дата рождения 13.07.39. Также у нас был адрес дома, по которому еще в 80-х годах XX века проживали наши родственники. Поскольку письма бабушки возвращались без ответа, то она попросила меня найти любую информацию об адресных справочных бюро в Казани. И в интернете я нашла старый выпуск газеты «Вечерняя Казань» от 27 ноября 2004 года, в котором была статья о возобновлении такой службы, как «Горсправка». А теперь этим занимается Республиканское адресно-справочное бюро МВД Республики Татарстан, находящееся по адресу: Казань, Тверская ул., д. 9. Мы решились на поездку в Казань и первым делом пошли на улицу Качалова и поняли, что

дома № 9 на ней нет. Видимо, наши родственники живут теперь по другому адресу, поэтому и письма не находили адресата. Затем мы поехали в адресное бюро, где нам очень помогли и нашли новый адрес наших родных. Сотрудники бюро при нас позвонили, и им ответил сам Михаил Аркадьевич Гусев. Он был безумно рад, что мы его ищем. И уже через час мы обнимали наших родных, а старшее поколение не скрывало слез радости. Нас встретила многочисленная семья. Это были и дети Михаила Аркадьевича, его внуки, племянники, жена брата с дочкой, внучками и правнуком. От них мы узнали много нового. Нам также рассказали, что из-за реконструкции центра Казани старые деревянные дома на улице Качалова начали сносить после 2000 года. А наши родственники получили новые квартиры: семья Михаила Аркадьевича, семья его брата Алексея и их двоюродные сестры Анна и Ольга Карповы разъехались по своим новым адресам. Последние, к сожалению, не были замужем и у них нет детей, поэтому живут они довольно замкнуто. Но мы съездили к ним в гости, где узнали у Ольги новые подробности о наших предках. В воспоминаниях Ольги Карповой прозвучало, что Федор Никитич приехал из села Кулаево.

Я решила узнать больше об этом селе и нашла в интернете очень интересную книгу писателя и краеведа Виктора Андреевича Сергеева, которая называется «Очерки о родном селе». Оказалось, Кулаево – это старинное село, находящееся в 40 километрах от Казани. Оно было основано в 1553 году после взятия Казани Иваном Грозным. Тогда был издан указ о заселении русскими людьми на 40 верст вокруг Казани. И в Кулаево были переведены крестьяне из поместий близ Углича и Костромы. Эти крестьяне придерживались старообрядческих порядков. Поэтому после отмены крепостного права в 1861 году они были выкуплены казанскими купцами-раскольниками и до 200 семей переселились в Казань, некоторые из них впоследствии сами стали купцами. Скорее всего, в числе этих 200 семей была и семья Федора Никитича. В 1735 году в селе была построена каменная церковь, открытая к празднику Спаса. С тех пор село стало называться Спасское Кулаево. На обратном пути из Казани мы туда заехали, чтобы узнать какие-нибудь сведения, интересные для нас. К сожалению, не удалось ничего узнать, поскольку все архивные документы села находятся в НА РТ. Каково же было наше удивление, когда при разговоре с местными жителями мы услышали, что практически все население «окает». А я уже знала, что всему виной их костромские предки! После приезда из Казани, я стала искать информацию о деревянных домах Суконной слободы и совершенно случайно наткнулась в интернете на картину казанской художницы Евгении Шапиро, на которой как раз был нарисован дом Федора Никитича на углу улиц Качалова и

Суконной. Мои казанские родственники подтвердили это. Мне так хотелось посмотреть, как выглядел этот дом, а у наших родных не сохранилось ни одной фотографии. Поскольку в Казани у нас было очень мало времени, то мы не смогли посетить Казанский архив, чтобы поискать там подтверждение информации, которую получили от родных. Поэтому мы стали посылать туда запросы.

Параллельно нам с бабушкой Ирой удалось съездить в Выборг и посетить Военный комиссариат Ленинградской области. Ведь мой прадедущка Николай Федорович был военным, а значит, там могло храниться его личное дело с данными о его родителях, образовании и службе. Из него мы узнали, что его отца звали Михайлов Федор Михайлович (умер в 1919 году). Прадед окончил в 1927 году 7 классов Казанской железнодорожной школы. А в 1933 году – Казанский автомобильно-дорожный техникум. Теперь я знаю отчество моего прапрадеда – Михайлович, значит, имя моего прапрадеда – Михайлов Михаил! В воспоминаниях часто присутствовала Духосошественская церковь, поэтому в НА РТ мы в первую очередь послали запросы на поиск метрических данных именно по этой церкви: 1. Михайловой Зинаиды Федоровны – о рождении, заключении брака и рождении двух сыновей. 2. Михайлова Федора Михайловича – о рождении. И через несколько месяцев из Казани пришел долгожданный ответ. Я получила метрические данные о рождении прапрабабушки Зинаиды Федоровны, прапрадедущки Федора Михайловича и их свадьбы. Действительно, Зинаиде и не пришлось менять фамилию! Она и до свадьбы была Михайловой и после осталась ею. Также подтвердились сведения о том, что жену Федора Никитича звали Ольга Михайловна, а сам он был казанским цеховым. Действительно, ведь по воспоминаниям он был сапожником. Интересно было узнать, что крестным Зинаиды был некий казанский цеховой Арсений Никитич Михайлов и, скорее всего, это ее дядя – брат отца. И если Зинаиду крестили, как я и предполагала, в Духосошественской церкви, то Федор был крещен в Успенском соборе Казани. А крестным у него был запасной унтер-офицер Андрей Петрович Михайлов. И, наконец, я узнала, кто же были родители Федора Михайловича – казанский мещанин Михаил Петрович Михайлов и Мария Степановна. Значит, можно предположить, что Михаил Петрович и Андрей Петрович – братья.

Венчались Федор и Зинаида тоже в Духосошественской церкви в 1911 году, обоим было по 21 году. Среди поручителей (свидетелей) для меня оказался интересным казанский цеховой Матвей Никитич Михайлов со стороны невесты. Возможно, что это еще один брат Федора Никитича. То есть получается, что было три брата: Федор, Арсений и Матвей, а не Федор, Андрей и Матвей, как вспоминала тетя Таня. Я была удивлена, что в Духосошественской церкви были

сведения о свадьбе Зинаиды и Федора в феврале 1911 года, но не было данных о рождении их первого сына – моего прадеда Николая Федоровича в ноябре того же года. По словам архивистов, все книги в сохранности, но там нет нужных нам сведений. Значит, Николая могли крестить в другой церкви. Я понимала, что искать данные о рождении Николая во всех церквях Казани довольно сложно. Их, наверное, было очень много в начале XX века. В 2017 году мы решили поехать в Казань, чтобы самим поискать нужную нам информацию в Национальном архиве Республики Татарстан.

Мы знали, что Федор Никитич Михайлов построил для своей семьи дом на Лаврентьевской ул. И я хотела найти в архиве документальное подтверждение этому. Поскольку в то время прошения жителей Казани на постройку домов посылались на имя губернатора, поэтому документы я искала в фонде № 2 под названием «Казанское Губернское правление, г. Казань». К сожалению, прошения Федора Никитича мне не удалось найти. Но в описи № 13 мне повезло найти большее: неожиданный документ, который позволил открыть новые интересные факты. Дело № 895 называлось так: «Проект на пристройку к деревянному дому и на надстройку второго этажа флигеля с каменным брандмауэром М.П. Михайлову». Это было прошение мещанина Михаила Петровича Михайлова от 10 сентября 1898 года на модернизацию существующего старого дома на углу улиц Кузнецкой и Екатерининской в так называемой 6-й части г. Казани в Адмиралтейской слободе. Вот это находка! Ведь Михаил Петрович – это мой прапрапрадед, отец Федора Михайловича (мужа Зинаиды). Скорее всего, ему потребовалось расширить дом, поскольку подрастал сын Федор, а может быть, и другие дети. Мне стало интересно, где же находилась Адмиралтейская слобода. Я нашла старую карту Казани 1914 года, где стала искать Адмиралтейскую слободу. Как оказалось, она находилась очень далеко от Суконной слободы, где жил Федор Никитич со своей семьей на Лаврентьевской улице, и где находилась Духосошестввенская церковь, в которой венчались Федор и Зинаида Михайловы. И здесь мне помогла мама, которая сказала, что обычно после свадьбы жена, как правило, уходила жить в дом мужа. Если предположить, что Федор Михайлович (муж Зины) жил в доме родителей (Михаила Петровича и Марии Степановны) в Адмиралтейской слободе, то, скорее всего, Зинаида после свадьбы уехала жить с Лаврентьевской улицы именно туда. Теперешняя жизнь Зинаиды должна была быть связана с другой церковью, которая находилась рядом с домом мужа. Туда они ходили на службы и наверняка крестили своих детей. По карте я посмотрела, какая церковь была ближайшей к дому Михаила Петровича. Ей оказалась Боголюбская (Екатерининская) церковь. Я нашла очень интересные фотографии этой церкви. На одной из

них она снята как раз со стороны Екатерининской улицы, на которой находился дом Михаила Петровича. Этот дом мог бы быть на этой фотографии, ведь она примерно 1900 года, но, к сожалению, не попал, поскольку находился чуть дальше от церкви согласно плану. На другой – Боголюбская церковь снята со стороны Ягодной слободы. Эта фотография 1880-х годов, на ней можно примерно показать дом Михаила Петровича. Чтобы узнать, существовал ли его старый дом в эти годы, архивисты посоветовали посмотреть так называемые алфавиты домовладельцев из фонда № 98 «Казанской городской управы». И действительно, за 1880 и 1894 годы я нашла записи о доме Михаила Петровича Михайлова в 6-й части города Казани (Адмиралтейская слобода) стоимостью 1100 рублей. А дом Федора Никитича стоимостью 30 рублей я нашла в алфавитах только за 1894 год в 4-й части Казани (Суконная слобода). Можно сделать вывод, что в 1880 году у него дома еще не было. Да и не могло быть, ведь его дочь Зина 1889 года рождения, а значит, в 1880 году ему было около 10 лет. Меня удивили разные стоимости домов Михаила Петровича и Федора Никитича: 30 рублей и 1100! Видимо, и достаток в семьях был разный. Если тогда зарплата учителя была примерно 25 рублей в месяц, то один дом стоил чуть больше этого, а второй – 1600 таких зарплат! И стоимость в 1100 рублей – это стоимость еще до модернизации дома в 1897 году, когда Михаил Петрович дополнил дом пристройкой и вторым этажом. Видимо, дом после этого должен был стоить значительно дороже. Теперь я знаю, где жила Зинаида после свадьбы. Если предположить, что именно в Боголюбской церкви она с мужем крестила своих сыновей (моего прадеда Николая и его брата Михаила), то мы можем найти факт их рождения в метрических книгах этой церкви за 1911 и 1912 годы. Мы запросили метрические книги фонда № 4 «Казанской духовной консистории» по Боголюбской церкви за нужные годы. За ноябрь 1911 года я нашла запись от 14-го числа о рождении Николая, чыми родителями были Зинаида Федоровна и Федор Михайлович Михайловы. Крестными были мещанин Гавриил Михайлович Михайлов и Римма Федоровна Михайлова (сестра Зинаиды). Скорее всего, Гавриил был родным братом Федора Михайловича и дядей прадеду Николаю. То есть это были дядя со стороны отца и тетя со стороны матери. У нас в семейном архиве хранится фотография маленького Коли вместе со своей крестной Риммой. А ровно через год, 10 ноября 1912 года, в книге я нашла запись о рождении Михаила – младшего сына Зинаиды. А восприемниками, или крестными, у него были дядя и тетя со стороны мамы, Иван и Варвара. То есть наше предположение о возможном месте проживания моей прапрабабушки Зины помогло найти сведения о рождении моего прадеда Николая и его брата, а также подтвердить место жительства ее мужа и его семьи.

Вот так для исследователя могут быть полезны не только архивные сведения, но и умение работать с картой!

Перед возвращением домой мы успели еще посетить Казанский городской ЗАГС, в котором оставили запрос на получение свидетельств о смерти Федора Никитича и Ольги Михайловны Михайловых, поскольку из рассказа Михаила Аркадьевича Гусева знали, что они умерли где-то 30–40-х годах прошлого века. У нас на руках были все документы, подтверждающие родство с ними, поэтому в ЗАГСе у нас приняли запрос. Дома, пока не было возможности работать в архиве, я изучала справочники по Казани, которые есть в свободном доступе в интернете. Это алфавит-справочник «Вся Казань» за 1899 и 1910 годы. В главе «Список домовладельцев г. Казани» в 1899 году я нашла уже известного мне Михаила Петровича Михайлова, живущего в Адмиралтейской слободе на ул. Екатерининской. И на этой же странице мне показался известным Матвей Никитич Михайлов с улицы Вознесенской, дом Александра. Возможно, это дядя Зинаиды Федоровны, поручитель на ее свадьбе и брат ее отца Федора Никитича. А в справочнике за 1910 год я наконец обнаружила Михайлова Федора Никитича с Лаврентьевской улицы.

В августе 2017 года мы собирались снова поехать в Казань, навестить родственников и закончить наши поиски в архиве. Буквально перед поездкой пришел долгожданный ответ из Казанского ЗАГСа, который позволил дополнить семейное древо данными о смерти Михайловых Федора Никитича и Ольги Михайловны. В Казанском архиве мы продолжили поиски недостающих метрических данных наших предков в фонде «Казанской духовной консистории» в Духосошественской церкви начиная с 1860 года. И действительно получается, что вся жизнь Федора Никитича и его семьи была связана с этой церковью в Суконной слободе. Я нашла, что именно здесь в 1866 году был крещен сам Федор Никитич, в 1868 году – его будущая жена Ольга Михайловна, а в 1886 году они здесь венчались. Из метрики Ольги Михайловны я узнала, что ее девичья фамилия – Салтыкова. Теперь буду искать еще информацию и по этой фамилии.

Также удалось найти записи о рождении всех детей Федора Никитича: Зинаиды, Ивана, Варвары, Зои, Риммы, Нины. Крестным у Ивана значится Дмитрий Михайлович Салтыков. Это, скорее всего, брат матери, то есть дядя. У Вари, Зои, Риммы и Нины крестным был Андрей Петрович Михайлов. Известный нам Андрей Петрович – это дядя будущего мужа Зины, тоже Михайлов. А у Риммы и Нины еще восприемницей была их старшая сестра – Зина, моя прапрабабушка. Уже знакомые нам архивисты подсказали обратить внимание на фонд № 98 «Казанской городской управы». Поскольку у нас в роду были мещане и цеховые, то здесь можно было посмотреть посемейные списки наших предков. В итоге мне удалось найти три очень

важных для меня посемейных списка 1897–1898 годов, которые значительно увеличили наше семейное древо. Первый список – это список семьи Федора Никитича Михайлова: его родителей, детей, братьев, племянников и т.д. Второй список – это ветвь жены Федора Никитича Михайлова Ольги Михайловны Салтыковой. Третий список – ветвь Федора Михайловича Михайлова, мужа Зинаиды Федоровны. В таких списках хранится очень много полезной информации. Это имена, фамилии, отчества всех членов семьи, с их датами жизни, степенью родства. У мужчин есть информация о военной службе. Очень важной для меня информацией из посемейного списка оказался номер семьи по ревизской сказке, так как по этому номеру можно проследить судьбу семьи по переписям прошлых лет. Знание этого номера позволило мне по ревизским сказкам 1850 и 1857 годов идентифицировать своих предков и дополнить ими наше семейное древо. И ведь не спутаешь ни с какой другой семьей, потому что этот номер уникальный. Благодаря посемейному списку Федора Никитича мне удалось подтвердить свою версию, что Арсений и Матвей – это его родные братья. Теперь я знаю, что Федор Никитич не приехал из села Кулаева, как вспоминала Ольга Карпова, поскольку был рожден уже в Казани, но вот его отец, Никита Михайлов, возможно, приехал оттуда. На это меня натолкнул тот факт, что в ревизских сказках города Казани мы не нашли ни в 1850, ни в 1857 году сведений о его семье. А это значит, что тогда он числился, скорее всего, в другом месте. А еще часто в метриках встречались в качестве восприемников при рождении и поручителей на свадьбах жители села Кулаева. Наверняка это не просто так. Нужно будет проверить эту версию.

А еще из этих документов мне показался интересным тот факт, что родителей Михаила Петровича Михайлова и Федора Никитича Михайлова звали Петр Михайлов и Никита Михайлов соответственно. И «Михайлов» в данном случае – это отчество. А все их потомки уже носили фамилию «Михайлов». Значит, в данном случае эта фамилия произошла от отчества их предка. Ведь раньше не у всех были фамилии, а люди к имени приставляли имя отца. Например, Петр сын Михаила. А с середины XIX века стали появляться фамилии, поскольку население росло и надо было как-то отличать людей с похожими именами. Теперь мне понятно происхождение фамилии «Михайлов» для двух ветвей моих предков. В посемейном списке Петра Михайлова я нашла подтверждение моему предположению, что у моего прапрадеда Федора Михайловича действительно был брат Гавриил, который был крестным моего прадеда Николая. Здесь о нем говорится, что в 1914 году в возрасте 19 лет он был призван на военную службу согласно призывному списку № 11. Я нашла этот список в уже известном фонде № 98 «Казанской городской

управы». Там были сведения о происхождении, семейном положении, уровню грамотности, профессии, был указан рост, обхват груди. И некоторым сведениям я была очень удивлена. Оказывается, Гавриил был артистом!

Дальше мы нашли еще несколько метрик для дополнения нашего семейного древа и перед отъездом домой решили зайти в музей Арбузовых, ведь по воспоминаниям Гусева Михаила Аркадьевича, жена известного ученого, академика Бориса Арбузова Ольга Андреевна (в девичестве Михайлова) приходилась нам родственницей. Хранители музея предоставили нам из своих фондов ее метрику. Оказывается, что она тоже была крещена в уже известной нам Боголюбской церкви в Адмиралтейской слободе. А родителями ее были Андрей Петрович и Елизавета Александровна Михайловы. И если мы посмотрим в уже известный нам посемейный список Петра Михайлова, то увидим там его внука, Андрея Петровича, у которого как раз так звали жену. То есть мы подтвердили, что Ольга Андреевна действительно наша родственница, только она родственница не со стороны Михайлова Федора Никитича и Зинаиды Федоровны, как считал Михаил Аркадьевич, а со стороны Михайлова Михаила Петровича. То есть она двоюродная сестра мужа Зинаиды – Федора Михайловича, моего прапрадеда. В посемейном списке Михайловых от 1897 года, естественно, об Ольге Андреевне нет сведений, поскольку она родилась только в 1906 году. Если ее крестили в Боголюбской церкви, то можно предположить, что и Андрей Петрович, так же, как и Михаил Петрович, жил в Адмиралтейской слободе. Снова обращаюсь к справочнику «Вся Казань», среди домовладельцев в 1899 году нахожу Михайлова Андрея Петровича по адресу: Екатерининская улица, дом Мурашева. То есть получается, что два брата, Михаил Петрович и Андрей Петрович Михайловы жили на одной улице в Адмиралтейской слободе, только первый – в собственном доме, а второй, видимо, арендовал.

Дома началась самая интересная работа. Я снова просматривала посемейные списки, ревизские сказки, метрические записи и дополняла семейное древо новыми предками. Как-то еще в начале исследования, рассматривая семейный архив, я обратила внимание на одну фотографию, на которой были моя прапрабабушка Зина и еще какие-то люди. Кто они такие, я не знала. К сожалению, наши родные в Казани при встрече тоже не узнали никого на этой фотографии. Для меня самым интересным персонажем был молодой мужчина в военной форме. Но он не был похож на моего прапрадедушку Федора. Мне стало интересно узнать, что у него за форма, какое звание и что за награда в виде креста у него на груди слева. По возрасту Зинаиды можно предположить, что фотография примерно

1910-х годов. Я стала искать в интернете изображения военных царской армии того времени в похожей форме. На одном антикварном сайте я нашла старинную фотографию примерно 1910 года военного в такой же форме, с такими же погонами и подобным крестом на груди. Им оказался прапорщик царской армии со знаком об окончании Чугуевского военного училища. То есть крест на груди был не наградой, а лишь знаком об окончании военного училища. И я предположила, что на известной мне фотографии изображен тоже какой-то прапорщик, знакомый или родственник Зинаиды, выпускник военного училища. Я прочитала, что у каждого военного училища в то время был свой нагрудный знак. Пытаясь увеличить фотографию и сверяя с возможными знаками разных военных училищ Российской империи того времени, мы с мамой пришли к выводу, что это знак Казанского военного училища. И это, наверное, самый логичный и правильный вывод. Значит, надо искать выпускника Казанского военного училища примерно 1910-х годов среди казанских предков, если он все-таки не из числа знакомых.

И мне кажется, что я нашла такого, изучая посемейный список Федора Никитича. Там было написано, что сын его брата Матвея, Николай, родившийся в 1889 году, как и Зинаида, поступил в юнкерское училище в 1909 году, а Казанское военное училище до сентября 1909 года было как раз юнкерским. Там был установлен трехгодичный срок обучения, а значит, Николай закончил училище в 1912/13 году. Значит, скорее всего, он был участником Первой мировой войны. Я часто в своих поисках пользуюсь сайтом «Памяти героев Великой войны, 1914–1918». И в этот раз я решила поискать здесь информацию о Николае Матвеевиче Михайлове. Действительно, он имел чин подпоручика и служил в 317-м пехотном Дрисском полку. В карточке из картотеки потерь указано, что его отец – ремесленник города Казани, что он женат и был ранен практически в начале войны, 31 августа 1914 года.

А сейчас я хочу рассказать об удивительном событии, которое произошло совсем недавно во время написания работы. Два года назад после посещения музея Арбузовых я находила в интернете фотографии Ольги Андреевны Арбузовой (Михайловой). Поскольку ее муж, академик Арбузов, был известным человеком, то ее фотографии можно там найти. И сейчас для работы я решила скачать их. Но каково же было мое удивление, когда поисковик выдал мне рядом с уже известными фотографиями ссылку на видео под названием «Линия рода Михайловых. Фотопортреты 20-х годов XX века. Арбузов. История рода». Это был ролик из YouTube, в котором блогер рассказывает про своих предков. Мы всей семьей с заморанием сердца смотрели этот ролик и не верили происходящему. Женщина рассказывала о своей бабушке, Екатерине Андреевне

Михайловой, чьей родной сестрой была Ольга Андреевна Арбузова (Михайлова), об их отце, Андрее Петровиче, и матери, Елизавете Александровне). Там показывались старинные фотографии и документы. И все это сопровождалось семейными рассказами и воспоминаниями. Мы посмотрели несколько таких роликов и первым же делом стали искать автора во всех социальных сетях. Я написала ей письмо и она мне ответила! Так наше семейное древо дополнилось еще одной неизвестной веточкой, а семейный архив – новыми фотографиями, документами и преданиями. Невозможно передать все эмоции, которые мы и они испытывали, когда разговаривали по телефону с новыми родными из Самары. И для нас, и для них это было похоже на чудо, которое обязательно сбывается, если в него верить! А мы верили, верим и будем верить!

За эти шесть лет исследований я поняла, насколько важно знать историю своей семьи и хранить память о своих корнях. Ведь благодаря этому наша семья нашла не только давно потерянных родственников, но и совершенно незнакомых. Теперь я знаю больше о жизни своих предков, живущих в разные эпохи. Генеалогические исследования – это очень интересное, но в то же время кропотливое и сложное дело. Но благодаря поддержке моей семьи мне удалось достичь поставленной в начале исследования цели. В итоге мне удалось систематизировать семейный архив, дополнить его новыми документами и воспоминаниями, которые помогли мне в поисках потерянных родственников. Я нашла конкретные адреса, по которым жили наши родственники в Казани, и встретила с ныне живущими, дополнив семейный архив новыми данными. Благодаря поисковой работе в архивах, библиотеках и интернете, нашла неизвестную ранее информацию о своих известных и неизвестных предках и составила их биографии. На основании обновленного семейного архива и полученных новых сведений составила генеалогическое древо рода Михайловых, состоящее из десяти поколений (135 человек) по линии прадедушки Михайлова Николая Федоровича со стороны мамы. Прделана очень большая работа, но я не собираюсь останавливаться. В ходе исследования выяснилось, что среди предков есть военные, поэтому хочу продолжить поиски по этой ветке семейного древа в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве. Также буду продолжать работу в НА РТ для исследования интересной для меня информации в других фондах. В будущем мечтаю составить древо рода Симоновых по линии прабабушки Симоновой (Михайловой) Анны Ивановны со стороны мамы и соединить эти два древа, получив общее древо предков моей бабушки Илларионовой (Михайловой) Ирины Николаевны.

Использованная литература и источники

1. Архив военного комиссариата г. Выборга. Л/Д–1957. М–920. Личное дело Михайлова Н. Ф.
2. Дом-музей академиков А.Е. и Б.А. Арбузовых в Казани. Ф. 2 (Архив академика Арбузова Б.А.).
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 2 (Казанское Губернское Правление). Оп. 13. Д. 895 (Проект на пристройку к деревянному дому и на надстройку второго этажа флигеля с каменным брандмауэром М. П. Михайлову). Л. 1–3.
4. НА РТ. Ф. 3 (Казанская Губернская Казённая палата). Оп. 2. Д. 169 (Ревизские сказки мещан г. Казани за 1850 г.). Л. 258 об., 259.
5. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 169. Л. 530 об., 531.
6. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 296 (Ревизские сказки мещан г. Казани за 1857 г.). Л. 135 об., 136.
7. НА РТ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 296а. Л. 729 об., 730.
8. НА РТ. Ф. 4 (Казанская Духовная Консистерия). Оп. 153. Д. 16 (Метрическая книга за 1868 г. Духосошестввенской церкви г. Казани, о рождении). Л. 37 об.

Литература

9. Арефьев Б.В. Охотник. – М. : Русский путь, 2004. – 368 с.
10. Вся Казань : адресная и справочная книга за 1899 г. – Казань, 1899. – 624 с.
11. Вся Казань : адресная и справочная книга за 1910 г. – Казань, 1910. – 339 с.
12. Вся Россия : русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи за 1900 г. : в 2 т. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 547.
13. Елдашев А.М. О. Иоанн Кронштадтский в Казанском крае. – Казань : Центр инновационных технологий, 2010. – 28 с.
14. Казанская справочная книга на 1895 год. – Казань, 1895.

Интернет-источники

15. Значение слова вольноопределяющийся // Карта слов : [сайт]. – 2020. – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/вольноопределяющийся> (дата обращения: 26.10.2017).
16. Казанское военное училище // Офицеры Русской Императорской армии : [сайт]. – URL: https://www.ria1914.info/index.php/Казанское_военное_училище (дата обращения: 05.11.2016).
17. Казань, угол Качалова и Суконной, 1999. Евгения Шапиро // Культура и искусство в Татарстане : [сайт]. – URL: https://art16.ru/gallery2/v/WhatInKazan/ebivol/kazaniposv/IMG_8571.jpg (дата обращения: 16.09.2016).

18. Казань. Вид на церковь Святой Екатерины и Адмиралтейскую слободу // Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации : [сайт-каталог] / Министерство культуры Российской Федерации. – URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5233591> (дата обращения: 27.03.2017).
19. Книга о селе Кулаево // Церковь Животворящего Креста Господня (Спасская церковь) с. Кулаево, Республика Татарстан : [сайт]. – URL: <http://kulaevo1735.cerkov.ru/spasskoe-kulaevonet-tebua-milee/> (дата обращения: 15.08.2016).
20. Линия рода Михайловых. История моего рода // YouTube : [видеохостинг]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e-WhrgSSSlg&list=LLrLaCUM-spoIr7AFi4qPNeg&index=4&t=3s> (дата обращения: 25.02.2020).

Платовских Полина

11 класс, ГБОУ СОШ № 111

с углубленным изучением немецкого языка Калининского района
(руководитель – Гончаренко Ирина
Геннадьевна)

Солдат Иван Фадеев сын Чернышев

Среди множества документов, с которыми мы работали во время исследования, особый интерес вызвали два архивных дела, связанные с судьбой солдата Ивана Чернышева, относящиеся к 1733 году. Сначала я даже не могла прочитать большей части документов. «Неужели это написано по-русски?» – думала я. Оказалось, что шрифт, которым писали в то время, сильно отличается от современного. Пришлось знакомиться с русскими буквами и правилами правописания первой половины восемнадцатого века. И нам постепенно стала открываться судьба человека, чья молодость пришлось на время царствования Петра Первого, изменившего своими преобразованиями его жизнь, и который в конце концов оказался в строящемся по воле императора городе. Он был одним из первых жителей этого города, в который собирались русские люди со всей страны. Первыми переселенцами стали крестьяне, принимавшие участие в возведении Петропавловской крепости и Адмиралтейства. Они селились в основном в слободах, возникших на Березовом острове и на левом берегу Невы в районе нынешних Морских улиц. Где именно поселился Иван Чернышев, нам так и не удалось узнать.

Был ли он нашим предком? Прямых свидетельств этого нет. Однако, по косвенным данным, содержащимся в документах, относящихся к более поздним временам и людям, родство с которыми достоверно установлено, можно предположить, что это могло быть так. В своей работе я попыталась проанализировать некоторые материалы и попробовать доказать это.

В первом из документов, обнаруженных мной в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) [1], содержалась переписка по незначительному, на первый взгляд, поводу. Отставной солдат, до недавнего времени служивший досмотрщиком в портовой таможне, Иван Фадеевич Чернышев подал прошение о принятии его на должность дьячка (то есть низшего церковного служителя, выполняющего различные вспомогательные обязанности, но не имеющего сана – авт.) в Троицкую церковь (церковь Живоначальныя Троицы при охтинских плотничьих слободах – авт.). Сразу возникло множество вопросов.

Почему его прошение поддерживает Контора (тогда писали «Кантора» – Авт.) Партикулярной Верфи? Необходимо отметить, что речь идет о Партикулярной верфи, располагавшейся в то время на левом берегу Невы возле Летнего сада, примерно там, где сейчас находится церковь св. Пантелеймона. На этой верфи выпускали в основном гребные суда для частного пользования.

Почему адресатом его прошения является «Всепресветлейшая державнейшая великая Государыня Императрица Анна Иоанновна самодержица всероссийская» – ни больше ни меньше? В связи с этим уже не таким удивительным казалось, что прошение рассматривает «Святейшего правительствующего Синода Санкт-Петербургское Духовное Правление». Да и описание жизни «Ивана Фадеева сына Чернышева» («автобиография» или «резюме», как сказали бы мы сейчас), «сказанное» им самим «в испытании», оказалось довольно любопытным. Если подробно разбираться в нем, пожалуй, получился бы приключенческий роман.

Детство Ивана Чернышева

Как следует из дела, в 1733 году Ивану было 46 лет, то есть родился он в 1687 году в Серпухове «в Рыбной слободе», вероятнее всего в семье рыбака.

Серпухов – старинный город, основанный в 1330-е гг., входивший в состав Московского Великого княжества, а с 1708 года – в состав вновь образованной Московской губернии [2]. Город состоял из трёх частей: кремля, посада и слобод – больших сел с некрепостным, то есть лично свободным, населением. В XVII–XVIII веках город был крупным торгово-ремесленным центром. Здесь была развита добыча и обработка железа, кожевенное и другие ремёсла. В начале XVIII века в Серпухове возникли фабрики по

производству парусного полотна для строящегося по приказу Петра I флота. На них производилось 30% всей парусины страны.

В Петровские времена население Серпухова активно участвовало в строительстве флота, новых городов, крепостей. Производились наборы местных жителей для участия в проектах царя. Так случилось и с Иваном. Его отец умер в 1694 году, когда мальчику было семь лет. Три года он «проживал при матери своей Агриппине Гавриловой дочери в том же городе» (то есть Агриппине Гавриловне Чернышевой – авт.). «А потом взял его для обучения граммате в Москву дядя его родной московский купецкий человек Василий Ермолаев, у которого он Иван лет шесть и для обучения письму сидел в Военном Приказе под присмотром подьячего Петра Михайлова сына Губина по 1709 год» [4].

На военной службе

Военный приказ (впоследствии Приказ военных дел, Приказ при генерале-комиссаре) был образован в 1700 году и существовал до 1711 года.

Он ведал комплектованием частей зарождающейся регулярной армии и формированием полков; заведовал командным составом армии; занимался военно-техническим снабжением армии [5]. В Приказе военных дел в армию могли записываться все добровольцы православного вероисповедания (кроме холопов и крестьянских детей). Формально главой приказа считался боярин генерал-комиссар Яков Федорович Долгоруков (1639–1720), хотя с 1700 года после поражения под Нарвой он находился в шведском плену, из которого ему удалось совершить дерзкий побег на захваченном у шведов корабле в 1711 году, не дождавшись возможного размена на шведского фельдмаршала. Начальником приказа был судья, ему подчинялись дьяки-письмоводители высокого ранга, они руководили подьячими, а те – «приказными людьми».

«А в тот 1709 год тогда брали приказных людей в солдаты. Тогда и он Иван взят и выслан с прочими такими приказными служителями в Санкт Питербурх и определен был в солдаты в Сибирский Пехотный полк в котором был по 1714 год» [6].

Сибирский пехотный полк, в который поступил Иван, был сформирован в Москве в 1700 году под названием пехотный Ирика фон-Вердена полк и назван Сибирским в 1708 году. В 1709 году полк принимал участие в Полтавской битве, в 1710 – в осаде Риги, которая была взята после 232-дневной осады, в 1711 – в Прутском походе против Османской империи, которую к войне с Россией побуждал Карл XII, бежавший в Турцию после Полтавы [9]. Результатом этого неудачного похода была потеря Россией выхода к Азовскому морю и вновь построенного южного флота.

Скорее всего, Иван участвовал в этих сражениях и походах, может быть, видел и самого Петра I. Блестящая Полтавская победа, трудное, но успешное взятие Риги – и поражение и полный разгром русской армии турками на реке Прут, когда самому Петру грозило пленение, и, по легенде, его спасло только то, что его жена Екатерина, еще, правда, не обвенчанная с ним официально, отдала свои драгоценности, чтобы подкупить турецкого визиря, заключившего с русскими перемирие. Именно после этого в 1714 году был учрежден женский орден святой Екатерины с девизом «За любовь и Отечество», которым первой и была награждена Екатерина. На берегах холодного Балтийского моря и в жарких степях между Днестром и Прутом, где русская армия, отрезанная от источников воды и продовольствия, изнывала от жажды и голода, – всюду только самоотверженность и мужество простых солдат были спасением и источником побед.

«А в том году (1714 – *авт.*) из онаго полка семь человек, в том числе и он, Иван с прочими из разных полков солдатами командированы были для сдачи в Стейгольме швецкаво арестованаво Генерала Горна на размен бывшаво тамо тогда Российскаво Генерала Автамона Михайловича Головина» [12]. Горн дал Петру честное слово дворянина, что, если не удастся освободить Головина, он вернется назад. За него поручились и другие шведские генералы, оставшиеся в плену. Также заложниками оставались его дети. Однако, прибыв в Швецию в 1715 году, сам Горн скрылся, а галера, на которой он отправился в Швецию, была захвачена как военный трофей. Ее команда попала в плен. Россия долго пыталась добиться выполнения обещаний Горна, но при этом поручившиеся за него генералы не пострадали. Дети его долгое время жили в России достаточно свободно, их лишь просили писать письма отцу. Так, дочери Горна вышли замуж за шведских офицеров, двое из которых впоследствии стали фельдмаршалами. Но в конце 1720 года детей Горна все-таки поместили в казармы Санкт-Петербургского гарнизона под караул.

«И когда онаго генерала Горна в швецкой флот отвезли и отдали, тогда его Ивана и с прочими солдатами заарестовали и держали в Швеции в разных местах до замирения Российской империи со свейскою короною...» [13].

В 1718 году был составлен «Специализированный реестр имен военнопленных, которые в настоящее время содержатся в замке Висингсборга, представленный именными списками» на шведском языке, в настоящее время он хранится в Государственном Архиве Швеции. Там, в разделе «Из отряда капитана Гамильтона» значится: «Ротный писарь Иван Чернышев, арестован на море в 1715 г. под конвоем его светлости графа Горна, 38 лет» [15]. Возраст Ивана в это время должен был составлять 31–32 года, однако, поскольку, по-видимому, данные записывались со слов, да еще на чужом языке,

ошибка была вполне возможна. Важно то, что это показывает, что Иван использовал свое знание канцелярского дела, полученное в бытность в Военном приказе, на военной службе. Всего в замке ротных писарей было пять, их занятия в списке особо выделялось, так же как и профессиональные навыки у других арестованных – портных, сапожников, плотников и др. Таких ремесленников было немного, и они могли рассчитывать на более-менее прилично оплачиваемую работу у местного населения. Но Иван мог разве что помогать товарищам по несчастью писать письма домой. Письма пленных, тщательно проверяемые, в том числе и на наличие тайнописи симпатическими чернилами, хоть и плохо и медленно, но все же иногда доходили до родственников [16].

В конце декабря 1718 года, вскоре после смерти Карла XII, в замке случился пожар, который полностью уничтожил его. Вначале погорельцев расселили на острове по крестьянским дворам, но уже в январе 1719 года пленных начали переправлять в другие места, где их привлекали на различные работы. Условия содержания оставались крайне тяжелыми. Знатные пленники, в частности, А. М. Головин, смогли покинуть Висингсё в августе 1718 года. Их обменяли на генерал-фельдмаршала К. Г. Реншильда. Это был тот самый генерал, при попустительстве которого в 1706 году после сражения при Фрауштадте были жестоко убиты шведами более 600 безоружных русских пленных. По иронии судьбы сам он в 1709 году попал в плен под Полтавой, прошел пешком в колонне военнопленных по улицам Москвы в триумфе Петра I и долгое время пробыл в плену, пока шли переговоры об обмене.

В 1721 году был заключен Ништадтский мир, завершивший Северную войну. Россия закрепила за собой выход к Балтийскому морю, получила часть Карелии с Выборгом, Ингерманландию от Ладоги до Нарвы, часть Эстляндии с Ревелем, часть Лифляндии с Ригой. Швеции отошла Финляндия. Произошел также обмен пленными и полная амнистия с обеих сторон перебежчикам, кроме тех казаков, которые после Полтавской битвы последовали за Мазепой [19].

Санкт-Петербург в первой трети XVIII века

«...А по том замирении он Иван и с прочими солдаты отпущен в Россию и в Санкт-Петербурх». Итак, Ивану повезло – он вернулся из плена живым. «По прибытии определен был он Иван паки в Сибирский Полк по прежнему солдатом и был недель с пять а потом по ордеру Генерала Фельтмаршала и кавалера князя Михаила Михайловича Голицына взят он Иван с прочими из полку выходцами для прозбы полонных денег в Военную коллегию и был по 1724 год» [21].

В истории Петровского времени известны два князя Михаила Михайловича Голицына – старший и младший, родные братья.

Михаил Михайлович Голицын-младший (1684–1764) служил во флоте, обучался морскому делу в Нидерландах и получил похвалу своим знаниям от Петра I. С 1717 года он участвовал в Северной войне и отличился в морском сражении при Гренгаме в 1720 году. При Елизавете Петровне командовал русским флотом, в частности, был главноначальствующим над флотом в Санкт-Петербурге. Однако он никогда не был генерал-фельдмаршалом, а получил в конце концов звание генерала-адмирала, так что, по-видимому, речь идет не о нем.

Старший брат, Михаил Михайлович Голицын (1675–1730) был отважным военным, отличился в Азовских походах 1695–96 годов, был ранен под Нарвой в 1700 году, участвовал в штурмах Нотебурга, Ниеншанца и Нарвы, в Полтавской битве, командовал кавалерией в Прутском походе. 27 июля (9 августа) 1720 года, командуя флотом, Голицын одержал победу при Гренгаме. За все это он пользовался особым расположением и доверием Петра I, который оставил его начальником в Санкт-Петербурге во время своего Персидского похода в 1722 году. Именно ему писал А. М. Головин письма из плена с просьбами посодействовать обмену. Правда, звание генерала-фельдмаршала он получил только в 1725 от Екатерины I, при Анне Иоанновне был сенатором и президентом Военной коллегии, скончался в 1730 году [22]. Но в документе, написанном в 1733 году, по-видимому, упоминается его последнее звание.

Можно предположить, что Иван попал на службу в Санкт-Петербург как раз тогда, когда там начальствовал Голицын, то есть в 1722 году. С 1723 по 1728 год Голицын командовал войсками на территории Украины. Однако, по-видимому, Иван остался служить в Санкт-Петербурге, где и вышел в отставку в 1724 году, «и дано ему позволение коллегией абшит (то есть паспорт – примеч. авт.) который при нем оставить» [23]. Паспорта, представлявшие собой разрешительные документы на выезд с постоянного места проживания, вводились в России Петром I в 1719–24 годах в связи с массовым дезертирством солдат, бегством крестьян от принудительных работ при возведении Санкт-Петербурга и других крепостей, а также для реализации налоговой реформы, направленной на содержание регулярной армии, поскольку позволяли взимать налоги с «души», а не с двора. Военнослужащим, временно отпущенным со службы, выдавались «письменные отпуска», а уволенным со службы – «абшиды». Четкого различия между этими документами не делалось, для их названия уже в Артикуле воинском 1715 года как альтернативное употреблялось слово «пас» (от французского – *passé* – проход, пропуск) [24].

Во втором деле Ивана Чернышева содержится копия Указа о его отставке. «По указу Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийскаго и протчая и протчая. Дан сей его Императорского Величества Указ из Государственной Военной Коллегии, Сибирского Полку солдату Ивану Чернышеву для того что по смотру Военной Коллегии по подлинному свидетельству оказался он дряхл ... и за тем более в службе быть негоден. А возраста его отрода ему сорок восемь лет. И того ради от службы отставлен вовсе и отпущен в дом свой в Москву. А за службу дан ему ранг капрала и где он в надлежащем пути будет везде его пропускать и нигде никому никакова насилия и утеснения ему не чинить, но за ево службу показывать к нему всякое благодеяние равным же образом чему Иван в пути и в доме будет никаких своеволия насилия и обид никому не чинить же под опасением суда. В Санкт-Питербурхе Генваря в 20 день 1724 года» [25].

Вызывает сомнение только возраст Ивана, указанный в этом документе. Ведь на всех «испытаниях» в 1733 году он клятвенно подтверждает, что ему 46 лет, зная, что за недостоверные сведения грозит суровое наказание. Если предположить, что в 1724 году ему было 48 лет, то дата его рождения – 1676 год, а в 1733 году ему было бы 56 лет. Вспомним также, что отец его умер, когда Ивану было 7 лет, то есть, по этой дате рождения получается, что в 1683 году – однако, тогда он не мог быть дьячком в церкви Жен-мироносиц, построенной в 1685 году. Да и «граммате» в Москве у дяди Иван учился бы тогда что-то слишком долго – в Военный Приказ он не мог попасть ранее 1700 года, когда было образовано это учреждение, а к этому моменту ему было бы уже 24 года. Поэтому, наверное, правильнее ориентироваться на тот возраст, который Иван сам указывает в 1733 году. Тогда при выходе в отставку ему было 38 лет. Как же он «оказался дряхл»? Понятно, что годы сражений и плена не прошли даром. Но ведь ему нет и сорока лет! Но в то время, да и позднее, в XIX веке, человек сорока лет мог уже называться «стариком» [27].

Иван был «...отпущен в дом свой в Москву», откуда его взяли в армию. Но, по-видимому, дома там у него уже не было, а Санкт-Петербург, куда он попал примерно в 1721–22 году, был ему уже более близок и знаком. Что представлял тогда собой город? Вспомним описание в романе Пушкина «Арап Петра Великого», соответствующее, по-видимому, 1723 году, когда реальный прототип его заглавного героя приехал в Санкт-Петербург: «Ибрагим с любопытством смотрел на новорожденную столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнаженные плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались

наскоро построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами» [30]. Похоже, что Пушкин описывает здесь известную Панораму города, выполненную в 1716 году Аلكсеем Федоровичем Зубовым. Эта работа и еще 11 его гравюр, изображающих виды Санкт-Петербурга, помогают нам представить облик города в то время.

«Он после того в Санкт-Питербурхе питается трудами своими», - сказано в протоколе «испытания» Ивана Чернышева. Сам же он в собственноручном прошении на имя императрицы написал: «Служил я в Сибирском пехотном полку в солдатах к исходу службы был оставлен с пашпортом а потом был в Санктпитебурхской таможене досмотрщиком и от службы уволен же по прошению моему за старостию и дано мне из той таможни увольнительное письмо» [31]. Копия с этого «увольнительного письма» содержится во втором деле Чернышева. Оно представляет собой Указ от имени «Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской и прочая и прочая», то есть Анны Иоанновны, поскольку относится к 1732 году. По этому Указу, присланному из «державной Коммерц-коллегии в Санктпитебурхскую Портовую таможню» «дано сие увольнительное письмо бывшему в оной таможене досмотрщику Ивану Фадееву сыну Чернышеву в том что он был в досмотрщицкчей службе с прошлого 1725 года до нынешнего 1732 года июля... безподозрительно и... что от той досмотрщицкчей службы за старостию и дряхлостию уволен» [32]. Упоминаемая в тексте Коммерц-коллегия была правительственным учреждением, созданным Петром I в 1717 году. Ее ведению подлежали внешняя торговля и таможенное дело. При Анне Иоанновне в 1731 году функции Коммерц-коллегии были расширены, она стала заниматься также горным делом и управлением мануфактурами и фабриками. Президентом Коммерц-коллегии в те годы был Александр Львович Нарышкин – политический деятель петровского времени, вновь выдвинувшийся при Анне Иоанновне после опалы, в которую он попал при Петре II за заговор против Меншикова [33].

Первый порт для купеческих кораблей находился на Троицкой площади на берегу Большой Невы вблизи моста, ведущего в Петропавловскую (тогда она называлась Санкт-Петербургской) крепость. Название площади дала находившаяся здесь же деревянная церковь Троицы, «понеже сей град заложен в самый День Святыя Пятидесятницы». В 1713–1737 годах там же стоял мазанковый старый Гостиный двор, внутри которого была Биржа, а также «важня, или Весовой анбар». В 1720–1733 годах «на Троицкой Пристани» находилась «Портовая Таможня, или Карабельная». В нее был «переменен» построенный в 1722 году так называемый «Кофейный

Дом» – один из нескольких «трактирных домов», имевшихся на Троицкой площади, где «Государь Петр Великий отправлял почасту фейерверки торжествам» [34].

В XVIII веке Санкт-Петербург, задуманный как «окно в Европу», приобрел во внешней торговле все более заметную роль, заменяя собой менее удобный со всех точек зрения Архангельский порт. Важная роль в развитии морской внешней торговли через Санкт-Петербург изначально отводилась портовой таможне, становление которой шло под прямым контролем Петра I. Не случайно именно с Санкт-Петербургской таможни начались его реформы в этой области. За образец было взято устройство таможенной службы в Швеции. Вместо практиковавшейся ранее безвозмездной «верной службы» «посадских (то есть лично свободных – *примеч. авт.*) людей» в рамках выборной одногодичной государственной повинности с 1720 года начался переход к комплектованию штата постоянных оплачиваемых служащих.

Наиболее многочисленную группу служителей низшего звена в штате таможни составляли досмотрщики (первоначально в портовых таможнях их называли иностранным словом «безухеры»). Досмотрщики в крупных таможнях делились на несколько групп – амбарные, корабельные, «досмотрщики при таможне», «досмотрщики для разных надобностей», каждая из этих категорий работала под руководством соответствующих управителей. В 1725 году в Санкт-Петербургской таможне было 100 досмотрщиков, получали они по 40 рублей в месяц. Квалифицированная работа оплачивалась выше: канцелярист (знающий делопроизводство) в таможне получал 200 рублей в месяц, и даже копиист (переписчик) – 60 рублей. На должности досмотрщиков зачастую принимали отставных солдат, уволенных от военной службы по состоянию здоровья или достижении предельного возраста.

При вступлении в должность все служители таможен традиционно приносили присягу. Каждый из кандидатов, поступаая на службу, должен был ознакомиться и «руку приложить» в ознакомлении с текстом именного указа от 24 декабря 1714 г. «Об искоренении лихоимства», в котором определялось, что «все то, что вред и убыток государству причинить может суть преступление. Того ради запрещается всем чинам, что у дела приставлены, ... дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать... торгом, подрядом и прочая заниматься» [36].

Таким образом, Иван находился на государственной службе, получал жалование, хоть и не очень большое, но гарантированное. Доходы Санкт-Петербургской таможни от акциденции были настолько велики, что часть их даже направлялась на оплату тамо-

женных служащих в других городах. Не очень понятно, почему он, будучи опытным канцелярским работником, не претендовал на более высокооплачиваемую должность, но, по-видимому, конкуренция там была выше, и места получали «свои люди».

Вероятно, именно в это время он обзавелся семьей: «...жену у себя имеет по закону христианскому взятую девицею Санкт-Петербуржскаго жителя купецкаго человека Иванову дочь Игнатьева сына Золотарева Екатерину (т.е. Екатерину Ивановну, дочь Ивана Игнатьевича Золотарева – примеч. авт.) [37]. Проживали они, скорее всего, здесь же – на Городовом острове, который сейчас называется Петроградским, а в то время назывался также в разных источниках Койвусаари, Березовый, Городской, Троицкий. Дело в том, что сообщение между отдельными районами города, находящимися на разных островах Невской дельты, было тогда затруднено. Деревянные мосты соединяли берега относительно небольших каналов, а для переправы через Неву и ее рукава нужно было пользоваться общественными перевозами или иметь свое речное маломерное судно.

Под управлением Партикулярной верфи состояли охтинские плотничьи слободы (до середины XIX века было принято написание «охтенские»). Они были устроены в 1721 году при впадении Охты в Неву, на месте бывшей шведской крепости Ниеншанц с целью иметь при Петербургском Адмиралтействе опытных плотников и мастеровых. На берегу Охты было создано целое поселение, построено пятьсот изб для «переведенцев», собранных и переселенных, «переведенных» из разных губерний ремесленников, которые были обязаны участвовать в адмиралтейских работах, за это они были освобождены от всех податей, им безвозмездно передавались дома и участки земли при них, они получали плату по 3,5 рубля в месяц [39].

Также были Переведенческие, или Переселенческая, плотничьи слободы на Адмиралтейской стороне, в районе нынешнего Вознесенского проспекта. Две из них расположились вдоль Глухого протока (позднее Екатерининский канал, теперь канал Грибоедова – примеч. авт.), остальные заняли участок между Глухим протоком и современной Садовой улицей, здесь же устроена была и слобода Адмиралтейского батальона. Скоро население этих слобод увеличилось до 1100 дворов. Между этими слободами и Невской перспективой тянулась полоса болотистого леса, запрещенного специальным указом Петра I для порубки под страхом смертной казни или жестокого наказания [40].

В этих слободах вскоре после возникновения были построены церкви, с которыми и связано продолжение истории Ивана Чернышева.

Использованная литература и источники

1. Козлов С.А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2011. – 413 с.
2. Пушкин А.С. Арап Петра Великого // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 5.
3. История Северной войны 1700–1721 гг. / И.И. Ростунов, В.А. Авдеев, М.Н. Осипова, Ю.Ф. Соколов ; отв. ред. И.И. Ростунов. – М. : Наука, 1987. – 214 с.
4. Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России, конец XVII–XIX век : учебник для 10 кл. общеобразоват. учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. – М. : Просвещение, 1999. – 303 с.
5. Веснина Н.Н. Сады Невского проспекта. СПб. : Профилеи, 2008. – 207 с.
6. Бутиков Г.П., Хвостова Г.А. Исаакиевский собор. – Л. : Лениздат, 1974. – 167 с.
7. Привалов В.Д. Улицы Петроградской стороны. Дома и люди. – М. : Центрполиграф, 2015. – 749 с.
8. Никитенко Г.Ю., Привалов В.Д. Петроградская сторона. Большой проспект. – М. : Центрполиграф : МиМ-Дельта, 2009. – 350 с.
9. Шебалдина Г.В. Заложники Петра I и Карла XII : повседневный быт пленных во время Северной войны. – М. : Ломоносовъ, 2014. – 188 с.

Источники

10. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 1. Д. 1162 (Дело по доношению Санкт-Петербургской Партикулярной Верфи Канторы о определении к церкви Живоначальныя Троицы что при охтенских плотничьих слободах на место бывшего дьячка Самойла Васильева во дьячки Санкт-Петербургской портовой таможи бывшего Досмотрщика Ивана Фадеева сына Чернышева, 1733 ноября 5 дня).
11. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1170 (Доношение Собора Исакия Долмацкого Протопопа Иосифа Чедневского с братией о определении в тот Собор во дьячки отставного солдата Ивана Фадеева сына Чернышева).

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Копылова Мария

11 класс, ГБОУ гимназия № 73
(Ломоносовская) Выборгского района,
Юношеский Университет Петербурга
ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»
(руководитель –
Аксельрод Владимир Ильич)

Настенные номерные знаки И. И. Александрова

Тема данного исследования связана с одним из экспонатов Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Настенная номерная доска, изготовленная в мастерских И. Александрова, представляла собой железный прямоугольник весом 3,68 кг [6, л. 292], зная плотность железа ($\rho = 7874 \text{ кг/м}^3$) я высчитала объем этого прямоугольника ($3,68 \text{ кг} = 7874 \times V$) $V = 470 \text{ см}^3$, если учесть, что толщина проката железа от 0,2 см до 0,4 см и предположить, что этот прямоугольник – квадрат, то доска Александрова была со стороной 48,5 см или 39,5 см ($48 \text{ см} \times 48 \text{ см} \times 0,2 \text{ см} = 470 \text{ см}^3$ или $39,5 \text{ см} \times 39,5 \text{ см} \times 0,3 \text{ см} = 470 \text{ см}^3$).

В ГМИ СПб в зале № 21 есть стенд «Настенные номерные знаки», средний размер, которых примерно 42 см × 33 см. Номерная доска Александрова с одной стороны закрашена синий краской и нарисованными белой краской цифрами, с другой стороны – обработана защитным слоем олифы. Для изготовления такой доски необходимы металлическая и живописная мастерские. Иван Иванович Александров имел в Петербурге такие мастерские.

Мастерские И. И. Александрова

В 1880-е годы крестьянин Костромской Губернии Чухломского уезда Бореевской волости из деревни Засухово Иван Иванович Александров приезжает в Петербург [3, л. 4]. Согласно адресным книгам, узнаем, что он и его жена, Пелагея Александровна, жили в собственном доме по Гродненскому переулку, дом 4. По описанию 1846 года на этом участке находились деревянные постройки – одноэтажный дом с мезонином и флигель. По-видимому, эти деревянные строения стояли не очень дорого, поэтому в 1890-х годах владельцем дома стала жена ремесленника Ивана Ивановича Александрова Пелагея Александровна [1].

В это время в Петербурге было 8 ремесленных цехов [7, с. 8–9]. Все крестьяне, мигрировавшие в столицу и обладающие определенным ремесленным навыком и, конечно, начальным капиталом, сразу шли в Петербургскую ремесленную Управу для получения «Свидетельства...», т.е. лицензию на организацию собственного бизнеса. Крестьянин Иван Александров, профессиональный кузнец, вошел в 6-й ремесленный цех – слесарно-кузнечный, а затем и в 5-й – живописно-малярный.

Александров нашел помещение по адресу Коломенская часть 1 участок по Климову переулку дом 5, помещение 23 и получил разрешение (договор аренды) от Управляющего домом на организацию здесь, в доме Северовых, металлической мастерской, с платою 180 рублей в год [3, л. 4]. Согласно адресной книге за 1888 год [5, с. 52] Северовы владели домами 5 и 7 по Климову переулку, 16.

Для получения лицензии на организацию бизнеса, кроме договора аренды, необходимо было получить протокол осмотра помещения на пригодность размещения металлической мастерской с учетом соблюдения правил техники безопасности. Осмотр проводился 28 ноября 1886 года в присутствии пристава Коломенской части 1 участка, врача и городского архитектора [3, л. 3 об.]. Благодаря протоколу осмотра удалось составить полное описание мастерской И. И. Александрова: она состояла из одной комнаты и располагалась в каменном доме, на первом этаже; вход со двора; площади арендуемого помещения равна 24,6 м² (6,14 м × 4 м) и высота потолка – 2,5 м; из оборудования – печь с защитным колпаком дляковки и пайки, при этом вентиляция в норме и меры пожарной безопасности соблюдены; рабочий штат состоял из 3 мастеровых и 2 учеников, при этом мастеровые жили в своих квартирах, ученики – с родителями; в мастерской было предусмотрено место для жилья [3, л. 1–3].

После сбора и подачи всех необходимых документов, фабрично-заводской отдел канцелярии С.-Петербургского Градоначальника выдал И. Александрову Свидетельство № 5702 от 17 декабря 1886 года на открытие металлической мастерской: «Дано сие крестьянину Ивану Александрову в том, что на основании ст. 407* т. XII Устава строительного по продолж. 1876 года дозволяется производство работ в металлической мастерской состоящей в 1 участке Коломенской части по Климову пер. в доме под № 5, с употреблением механизмов, с тем:

- Чтобы в точности были соблюдены как существующие ныне для подобных заведений правила, так и те, кои могут быть изданы впоследствии
- Чтобы на увеличение, в случае надобности, технических средств заведения, было испрашиваемо особое разрешение
- Чтобы число рабочих заведения не превышало пяти человек

- Что удостоверяю подписью с приложением казенной печатью Гербовый сбор оплачен [3, л. 6]».

Об этом были направлены уведомления в Департамент Торговли и Мануфактуры [3, л. 7] и приставу Коломенской части 1 участка [3, л. 5].

О живописной мастерской петербургского ремесленника Ивана Александрова я составила справку по информации из адресных книг за 1892–1896 годов [5].

Живописная мастерская располагалась по адресу Рузовская ул., дом 3, которая называлась «Живописная лакировальная и позолотная мастерская по дереву и металлу».

Участок по Гродненскому переулку, где жил И. И. Александров с семьей, был выкуплен у него в 1896 году подпоручиком лейб-гвардии Семеновского полка Николаем Николаевичем Ермолинским [1]. Согласно адресной книге за 1896 год Александров снял квартиру по адресу Можайская ул., 4. Новая квартира располагалась рядом с мастерской. Если посмотреть на карту Петербурга 1896 года [5, с. 1133], то видно, что улицы Рузовская и Можайская (Московская часть) расположены рядом и параллельны друг другу, дома 3 и 4 – это один дом, выходящий на две улицы. По адресной книге за 1902 год я определила, что оба этих дома принадлежали Бурениной Софье Игнатьевне, вдове почетного гражданина; управляющий Гротин Роман Алексеевич.

Настенные номерные знаки И. И. Александрова

Как не странно, вопрос о некорректной нумерации в столице поднимался ещё в 1870-х годах, решаться начал с 1883 года, период достаточно большой для такой серьёзной проблемы. Но после утверждения 6 октября 1889 года [4] новой «Табели домов» буквально за два месяца на почти 9000 домах столицы красовались новые номера, изготовленные мастером Иваном Александровым.

12 октября 1889 года на заседании петербургской городской Управы было принято решение о заключении договора по изготовлению номерных знаков с живописным мастером Александровым И. И. [6, л. 292]. В ЦГИА я нашла этот договор на актовой бумаге с маркой об уплате государственной пошлины в 11 рублей: «1889 14 октября. Я, нижеподписавшийся живописного цеха мастер Иван Иванович Александров, заключил с С.-Петербургскою Городскою Управою условие о том, я Александров принял на себя изготовление до девяти тысяч номерных досок, долженствующих быть прибитыми на стенах домов. Означенные доски должны быть сделаны мною из листового железа, девятифунтового веса ($9 \times 0,4095 \text{ кг} = 3,68 \text{ кг}$), с белыми цифрами по синему фону; окраска досок должна быть сделана красиво, тщательно и прочно, а с оборотной стороны доски должны быть покрыты олифой. Доски со всех 4-х краев должны быть просверлены отверстия. По мере

изготовления этих досок, я обязуюсь доставлять их в Управления полицейских участков, в количестве обозначенным в данной мне ведомости для каждого участка отдельно. Все количество знаков должно быть мною Александровым должно быть исполнено и доставлено в участки полицейские управления не позже 20 ноября сего года. Если из числа доставленных мною досок некоторые окажутся погнутыми или попорченными в краске, то я обязуюсь немедленно заменить эти доски новыми. За изготовление означенных досок я имею получить от Городской Управы по 25 копеек за каждую доску. Деньги должны быть мне уплачены по представлении мною квитанций участковых управлений с обозначением количества принятых досок, причем до доставления мною половины все заказанных досок, я не имею права требовать какой-либо уплаты денег. В обеспечение же исправного изготовления нумерных досок и окончания всей поставки оными до 20 ноября представляю в Городскую Управу залог в 200 рублей, каковой залог 18 должен быть мне возвращен по истечении двух месяцев после раздачи участковыми управлениями домовладельцам всего числа заказанных мне досок. В случае неисполнения или вообще неудовлетворительного заказа, Городской Управе предоставляется право обратиться в собственность города, а выполнение заказа нумерных знаков передать другому мастеру и за всю переплату вследствие таковой передачи заказа отвечаю я, Александров, всем своим движимым и недвижимым имуществом. С.-Петербургский ремесленник живописного цеха мастер Иван Иванович Александров. В дополнение к сему заявляю, что в случае не распродажи Управою всего количества имеющих быть заготовленными, нумерных досок, то неизрасходованное количество досок я обязуюсь принять обратно, не требуя за них от Управы никакой платы, а получать расчет по количеству действительно проданных досок С.-Петербургский ремесленник живописного цеха мастер Иван Иванович Александров. Зам. Городского Головы Н. Медведев. Члены Управы А. Никитин П. Лонгинов» [6, л. 293].

И уже 19 октября 1889 года из городской Управы Александров получает письменное распоряжение: «Согласно заключенному с Вами Управою условия от 14 октября 1889 года Городская Управа поручает Вам немедленно приступить к работам по изготовлению номерных досок и рассылки их в полицейские участки в срок определенный в условиях.

При этом ввиду не представления ещё Вами, согласно условию, залога в размере двухсот рублей, городская Управа считает необходимым предупредить, что в случае недоставления означенного залога завтра до 2-х часов дня, настоящий наряд теряет свое значение и эти условия будут считаться утратившими свою силу» [6, л. 297].

Залог Александров доставил вовремя и незамедлительно приступил к работе. Новые номерные доски поступали приставам

в соответствующие участки согласно заранее составленным спискам. Но, конечно, были и недоразумения, где-то присылали лишние доски, а какие-то номера не досылали [6, л. 314–314 об]. Одновременно в участках законопослушные владельцы недвижимости приобретали новые номера домов по 25 копеек, а приставы под расписку ежедневно отправляли деньги в Городскую Управу (в ЦГИА я познакомилась с этими расписками [6, л. 326, 330, 331, 383, 387–389]).

Формально вся операция по замене номерных досок длилась с 12 по 14 декабря 1889 года, 14 декабря С.-петербургскому градоначальнику Грессеру П. А. доложили о приведение в порядок нумерации в столице [2, с. 36]. Но фактически на этот процесс было отведено 2 месяца (с 12 декабря 1889 по 12 февраля 1890 г.), т.е. за это время все настенные номерные доски Александрова, сделанные уже к 20 ноября 1889 года, должны быть доставлены в соответствующие участки и проданы. Ведь по договору мастер Александров должен получать деньги только после продажи 4500 досок. Но процесс продажи от него не зависел, поэтому 12 февраля 1890 года он пишет в Городскую Управу с просьбой: окончательно рассчитаться за выполненную работу и вернуть залог в 200 рублей [6, л. 501].

Несмотря на такой кабальный договор, требующий больших собственных вложений, петербургский ремесленник Александров «онумеровал» всю столицу согласно новой таблицы – «Табели 1889».

Использованная литература и источники

1. Бройтман Л.И. Особняк на Гродненском // История Петербурга. – 2010. – № 3. – С. 11.
2. Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальника за 1889 год. – М. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1890. – 229 с. разд. паг.
3. Дело о дозволении Ивану Александрову открыть металлическую мастерскую // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 1. Д. 782.
4. Доклад городской Управы от 6 сентября 1889 года «О проверке и исправлению полицейской нумерации домов и земельных участков в С.-Петербурге» // Известия Санкт-Петербургской городской думы. – 1889. – № 30. – С. 363–382.
5. Интерактивное оглавление к электронным копиям адресных и справочных книг «Весь Петроград» и «Весь Ленинград» // Российская национальная библиотека : [сайт]. – URL: http://nlr.ru/cont/o_i/ (дата обращения: 05.07.2020).
6. О проверке и исправлении нумерации домов в С.Петербурге // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475.
7. Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1888 год. – СПб. : тип. Ю. Виганда, 1890. – 169 с.

Головачева Маргарита

8 класс, ГБОУ Вторая

Санкт-Петербургская гимназия,

сектор археологии

ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

(руководитель –

Гусенцова Татьяна Матвеевна)

Мезолит Ладожского-Онежского перешейка (материал к археологической карте)

Тема моей работы посвящена древнейшему периоду освоения обширной территории Ладожско-Онежского перешейка – эпохе мезолита (средний каменный век). В объединении сектора археологии ГБНОУ «СПБ ГДТЮ», где я занимаюсь, мы начали реализовывать проект по подготовке материалов к созданию Археологической карты памятников Ладожско-Онежского перешейка. Первой группой памятников стали мезолитические стоянки, открытые и изученные в 1990–2006 годы. При исследовании памятников проводились комплексные археологические и естественнонаучные работы, которые позволили получить данные о природных условиях, материальной культуре и хозяйственной деятельности мезолитического населения в VII–VI тыс. до н.э.

Характеристика памятников эпохи мезолита

Мезолит – древнейший период истории, положивший начало освоению нашего края человеком. Основным его признаком является отсутствие керамического производства. Время появления мезолитических памятников в лесной зоне Европейской части России относится к эпохе голоцена IX–VI тыс. до н.э. Многочисленные памятники открыты в бассейне Онежского озера, Севера Карелии и северо-западного побережья Ладожского озера и Карельского перешейка [1; 8; 9]. На южном побережье Ладоги мезолитические памятники практически неизвестны, а на южном берегу Онежского озера единичны. Это связано с процессами трансгрессии и регрессии озер, когда южные берега были затоплены, а остатки стоянок древних людей погребены под мощными песчаными отложениями. На территории Южного Приладожья В. И. Тимофеевым мезолитические находки (изделия из кости) выявлены только в коллекции Ладожских стоянках А. А. Иностранцева, полученной при строительстве Ново-Ладожского канала в конце XIX в. [8]. Основное количество памятников мезолита в регионе Ладожского и Онежского озер, по

которым известны радиоуглеродные датировки, относятся ко времени VII–VI тыс. до н.э.

Открытие мезолитических памятников на территории Ладожско-Онежского перешейка показало, что древнее население освоило районы вдали от побережья крупных водоемов, поселившись на внутренних озерах в бассейне р. Свирь и ее крупных притоков – рр. Оять, Шокша, Ащиной и др. Озера расположены в пределах Вепсовской возвышенности. Рельеф этой территории сформировался в ходе ледника последнего оледенения и представлен ледниковыми (моренными холмы и равнины) и водно-ледниковыми формами (камовые возвышенности).

Подпорожский район

Озеро Оранжевое. Пять памятников найдено и исследовано в бассейне Оранжевого озера в 2003–2004 годах [3]. Из озера истекает речка, которая соединяет его с оз. Шокшозеро и р. Шокшей, правым притоком р. Оять. Узким заливом оно соединено с оз. Гонгинским, а также оз. Новым. Озера ранее представляли единый водоем, после понижения воды которого, образовалось три озера, разделенные небольшими перешейками.

Стоянка Оранжевая I находится на мысу залива северного берега озера Оранжевое высотой 5 м. Мыс отделен от основной чаши озера узкой полосой пляжа [3]. Общая площадь раскопа 46 м². Находки найдены преимущественно в желто-коричневом песке с галькой мощностью 8–25 см. Всего найдено 57 каменных предметов. Большую часть находок составляют кремневые отщепы мелкой и средней величины диаметром 1–3 см. Найден крупный кусок лиддита со следами сколов. Другая группа находок представлена нуклеусами и продольными сколами со следами одностороннего снятия пластин. Среди орудий концевые скребки на отщепах; пластинчатый отщеп с ретушью; пластины и короткое сечение без ретуши. Предварительная дата – VII тыс. до н.э.

Стоянка Оранжевая II находится на мысу полуострова высотой 1,5–2 м, расположенного между узким заливом Оранжевого озера и протокой, соединяющей его с оз. Гонгинским [3]. Раскопано 84 м². Находки приурочены к нижней границе серого подзола и желто-коричневой супеси на глубине 25–45 см от дневной поверхности. Они представлены исключительно каменным инвентарем – 474 экз. Основную массу находок составляют отщепы и чешуйки кремня – 74%; встречаются кварцевые и сланцевые отщепы. Остальные изделия представлены обломками нуклеусами и площадками с них (рис. 8: 13–15,21); пластинами и сечениями; скребками, возможно, 2 рубящими орудиями. Предварительная дата памятника VII–VI тыс. до н.э.

Местонахождение Оранжевая III находится в 100 м от стоянки Оранжевая I, на северной крутой террасе озера. Культурный слой практически уничтожен постройкой грунтовой дороги. При зачистке террасы были обнаружены гальки со следами сколов, отщепы. У подножья террасы найден концевой скребок на крупной пластине из красно-коричневого гнейса. Предварительная дата памятника VII–VI тыс. до н.э.

Стоянка Оранжевая IV расположенная на мысу высотой 1.0–1.5 м, образованном берегом озера и заливом озера. Культурный слой выявлен шурфом в юго-западной части мыса. Находки, 3 отщепы из кремня и кварца, приурочены к желто-коричневому песку мощностью 10–12 см. Предварительная датировка – эпоха мезолита.

Стоянка Заяцкая занимает участок террасы одного из островов высотой 1,5–3 м. В разведочных шурфах и рекогносцировочном раскопе площадью 12 м² в слое окрашенного (красноватого) песка был найден каменный инвентарь – 43 экз. Найдены нуклеус аморфной формы и два скола с нуклеусов со следами снятия пластин; пластины с ретушью; скребки из кремня и один из кварца с концевым или округлым рабочим краем; отщепы с ретушью. Остальные изделия относятся к отщепам из кремня и кварца, лиддита. Материалы датированы VII–VI тыс. до н.э.

Группой палеолимнологии Института озероведения РАН в Санкт-Петербурге были выполнены комплексные исследования донных отложений оз. Новое, отделенного от оз. Оранжевого узким перешейком. Полученные результаты позволили выполнить реконструкцию растительного покрова, характеризующую разные этапы развития ландшафтов в течение голоцена. Хвойные леса на рассматриваемой территории развивались с бореального периода. На растительном покрове присутствие человека отразилось в атлантический и субатлантический периоды. Далее доминанты лесных сообществ и состав примесей в них изменялись, но преобладающими всегда оставались ель и сосна [6, с. 176–186]. Полученные радиоуглеродные даты из образцов донных отложений относятся ко времени 7600 ± 120 ¹⁴C л.н. и 7300 ± 150 ¹⁴C л.н. [4]. Они соотносятся со временем существования памятников в эпоху мезолита VII–VI тыс. до н.э.

Исследования на оз. Чикозере, правый берег р. Шокши, правого притока р. Оять, левого притока р. Свирь.

Стоянка Падань IV. Стоянка расположена на восточной террасе озера Чикозера высотой 5 м [2–4]. Памятник открыт в 1996 г. Площадь распространения находок около 1000 м². Исследовано 90,5 м². Находки приурочены, в основном, к слою красноватого песка мощностью 18–40 см. Найдены остатки кострищ и очагов, расположенных вдоль края террасы. Одно из них, частично разрушенное,

имело размеры 150 × 140 см и пятно прокала, мощностью 25 см, заполненное мельчайшими кальцинированными косточками и угольками. В центре кострища находился развал из мелких колотых камней размером 50х50 см, среди которых была найдена половинка круглого каменного предмета диаметром с двумя биконическими сверлинами. Возле всех объектов наблюдалась небольшая концентрация каменного инвентаря. Планиграфия находок на стоянке позволяет выделить несколько скоплений каменного инвентаря, свидетельствующих об ее неоднократном заселении. Культурный слой памятника забит мельчайшими чешуйками кремня и мелкими отщепами, составляющими до 86% от всех находок. Плотность находок составляет от 100 до 300 предметов на один квадратный метр раскопа. Материалы стоянки насчитывают более 13,5 тысяч экз. Обитатели стоянки использовали кремень, в небольшом количестве кварц и крайне редко сланец. На стоянке производилось первичное расщепление кремня. Найдены куски расколотой гальки, первичные сколы, отщепы различной величины, в том числе с желвачной коркой. Многочисленные обломки нуклеусов, продольные сколы и «площадки». К орудиям отнесено свыше 1500 изделий (11,2% от всего инвентаря). В качестве основной заготовки для орудий использовались пластины 74%. Своеобразен состав орудий, ограниченный несколькими категориями. Самыми многочисленными являются скребки из кремня – 58,6% от общего количества орудий; угловые резцы на пластинах более 20 экз.; единичные проколки. На пластинках изготовлено предположительно 5 наконечников стрел (?) – обломок пера с двухсторонней ретушью и очень невыразительные фрагменты насадов с односторонней ретушью. Целые формы наконечников отсутствуют. Найдено 2 долотовидных орудия, отщепы с частичной ретушью, возможно, рубящее орудие, изделие из сланца и песчаника (абразив). Обломок шаровидного предмета диаметром 8 см с биконическими сверлинами подобен грузилам, встречающимся в мезолитических памятниках Карелии. По другой интерпретации, «грузило» может относиться к так называемым «булавам», встречающимся в мезолитической культуре суомусьярви (Финляндия) [3].

Из разреза стоянки Падань 4 получены результаты спорово-пыльцевого анализа, позволяющие отнести её к началу атлантического периода (АТ-1) [6]. Радиоуглеродная дата стоянки 6829–6445calBC (SPb-2077:7774±80BP). Состав сырья и инвентаря стоянки Падань 4 позволяет отнести её к кругу памятников типа Андозеро-М (Восточное Прионежье) и Лиственка III-A, бассейна р. Колпь (бассейн Верхней Волги), существовавших в промежуток от первой половины бореального до первой половины атлантического периодов –VII тыс. до н.э.

Лодейнопольский район

Стоянка Ащозеро VIIa исследована в 1995 г. [2]. В раскопе (9 м²) собрано около 500 кремневых предметов. Они сосредоточены в двух скоплениях в сером песке, перекрытом дерном и черной гумусированной почвой мощностью 13–25 см. Скорее всего, это был участок древнего пляжа, затопленного водой, на котором позднее начался процесс торфообразования. Сырьем служила белая и светло-серая кремнистая порода. Среди изделий преобладают отщепы – 350 экз., 60 пластин, продольные сколы с нуклеуса – 9 экз., преимущественно от одного куска кремня; скребки – 31 экз.; проколка, нож на отщепах. На многих изделиях прослеживаются следы термического воздействия. Интересной находкой является найденное в двух обломках орудие (кирка?) из нешлифованного сланца, узкое с прямыми гранями и приостренным с двух сторон рабочим концом. Такого типа орудия встречаются на мезолитических памятниках Карелии [2].

Тихвинский район

Стоянка Большая Конец-Сарская открыта в 1990 г. на одноименном озере в нижнем течении р. Капши. Стоянка находится на северо-восточном берегу озера высотой 3–4 м [3]. Возможно, большая часть ее разрушена и смыта в воду. Находки залежали в слое светло-желтой супеси мощностью 10–15 см, перекрытой дерном. Собрано более 150 изделий, изготовленных из серого с оттенками кремня, 5 из кварца и 2 из сланца. Подавляющее большинство из них составляют отщепы, куски кремня со следами желвачной корки, чешуйки, площадки и продольные сколы с нуклеусов с негативами снятия коротких пластин – результат расщепления двух или трех желваков кремня. Найдено 6 пластинок без ретуши; 3 скребка на отщепах и «площадке» с нуклеуса; 3 проколки и нож на отщепах. Предварительная датировка памятника эпоха позднего мезолита.

Особенности каменной индустрии памятников

Характеристика сырьевой базы. Общее количество каменного инвентаря памятников насчитывает около 15.000 тыс. экз. Несмотря на количественное различие индустрия памятников имеет общие черты. Прежде всего, это состав сырья, в котором преобладает кремень. В небольшом количестве присутствуют кварц и сланец, лиддит, использовался песчаник. Для изготовления орудий использован галечниковый кремень красно-коричневого цвета, темно-фиолетовый, серый с оттенками, светлый, черный кремень. На стоянках Б. Конец-Сарской и Ащозеро VIIa преобладает серый и светлый кремень. Ближайшее месторождение кремня находится у г. Вытегра вблизи южного побережья Онежского озера. Фиолетовый

кремь по внешним признакам близок сырью Верхней Волги. Имеются предметы из сланца – отщепы, в том числе рубящие орудия, найденные на стоянках Падань IV, Ащзеро VIIa. На стоянке Падань IV на одном из сланцевых сколов от рубящего орудия имеется пришлифовка. Из кварца найдена площадка с нуклеуса, скребок (Падань IV) и до трех десятков отщепов из кварца, в основном, на Оранжевской II. Наличие галек со следами расщепления, нуклеусов, их обломков и отходов при их использовании – «таблеток», краевых сколов и значительное число отщепов со следами желвачной корки, мельчайших отщепов (до 1 см) и чешуек указывает на первоначальную обработку материала, получение полуфабрикатов и изготовление орудий. Они составляют до 74–86 % процентов находок.

Нуклеусы, как правило, предельно использованы, высотой 2.0–3.0 см. Преобладают нуклеусы с одной площадкой. Форма нуклеусов, в основном, коническая, встречаются торцовые нуклеусы, для которых использовали уплощенные желваки кремня. Нуклеусы служили для снятия пластин, полученной техникой отжима с применением посредника. Нуклеусы неоднократно подправляли, о чем свидетельствует значительное количество «таблеток» – поперечных сколов с площадки нуклеуса. Затем площадки использовались для изготовления орудий, в частности, скребков.

Категории и типы изделий

Пластинки и сечения более 900 экз. составляют одну из ведущих групп изделий. Преобладают пластинки без дистальных (дальних) концов и преимущественно без ретуши. Из пластинок целенаправленно изготавливали сечения как короткие, так и удлиненные. В основном преобладают пластинки шириной 0.5–0.7 см и 0.8–1.0 см. В небольшом количестве встречаются угловые резцы, в основном, на сечениях пластин – стоянка Падань IV. Это также особенность каменной индустрии памятников, обычно для мезолитических стоянок характерно довольно высокое содержание резцов. На пластинках изготовлены единичные проколки – пластинки с подправленной ретушью острым концом. На стоянках не найдены целые наконечники стрел, есть только обломки, оформленные краевой ретушью. Вместо целых форм наконечников могли быть использовали сечения пластин – поперечнолезвийные наконечники.

Скребки – около 900 экз. Преобладают концевые скребки. Для изготовления скребков использовали короткие заготовки – пластинки шириной до 1.0–1.5 см, у рабочий край оформлен на конце, а на боковых краях нанесена ретушь. Большинство же принадлежит к концевым скребкам на отщепе средней (диаметром 2–3 см) и мелкой (1.5–2 см) величины. Несколько орудий изготовлено на крупных отщепе с концевым или круговым лезвием. Другую

группу составляют орудия на «таблетках» с нуклеусов или на отщепках с рабочим лезвием на 3/4 заготовок. Два орудия можно отнести к скреблам на крупных сколах.

Количество рубящих орудий из сланца (4 экз.) и незначительное количество отщепов указывают на слабое использование этого сырья. Из сланца изготовлен небольшой топорик с пришлифовкой из разведочных раскопок стоянки Заяцкая, отщеп с пришлифовкой от рубящего орудия и плитка сланца со следами обивки со стоянки Падань IV и орудие типа кирки на стоянке Ащозеро VIIa.

Аналогии каменной индустрии и хронология

На ближайшей территории – Карелии – в мезолите существовало два культурных образования. Первая культура, обонежская, связана, по мнению исследователей, с культурами Верхней Волги, вторая, северо-западная – с ареалом североевропейских прибалтийских культур [9, с. 61]. Для первой культуры характерно применение кварца и сланца, только часть орудий изготовлена из кремня. Индустрия стоянок Ладожско-Онежского перешейка, базирующаяся практически на кремневом сырье, значительно отличается от большинства памятников мезолитической соседней обонежской культуры. Некоторые параллели материалам стоянки можно провести со стоянками Онежского озера, в инвентаре которых прослеживается использование в качестве поделочного материала кремня, из которого изготовлены наконечники, пластинки и сечения, редко скребки – Уя II, Ялбуга V, Пилдуши XIV, XIVa, Муромское VII. Радиоуглеродные датировки этих памятников 7280 ± 120 , 7600 ± 100 ; 7940 ± 120 л.н. [9, с. 36–61]. В большей степени инвентарь стоянок Ладожско-Онежского перешейка имеет сходство с индустрией памятников типа Андозеро–М–Лиственка III-A, Усть–Андога I в соседнем бассейне р. Шексны (Верхняя Волга), существовавших в промежутке VIII–VII тыс. до н.э. [3]. Имеющаяся радиоуглеродная дата, полученная со стоянки Падань IV – 7774 ± 80 л.н.), близкие радиоуглеродные даты озерных отложений (оз. Новое) $7600 \pm 120^{14}\text{C}$ л.н. и $7300 \pm 150^{14}\text{C}$ л.н., а также аналогии с материалами соседних мезолитических культур позволяют отнести памятники эпохи мезолита Ладожско-Онежского региона к VII–VI тыс. до н.э.

Использованная литература и источники

1. Герман К.Э., Мельников И.В., Спиридонов А.М. Основы археологии Карелии. – Петрозаводск: Карельский университет, 2004.
2. Гусенцова Т.М. Мезолитические стоянки на северо-востоке Ленинградской области // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1998. – Вып. 3. – С. 158–160.

3. Гусенцова Т.М. Мезолитические стоянки в бассейне реки Свирь (Юго-Западное Прионежье) // Человек, адаптация, культура : [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – М., 2008. – С. 240–247.
4. Природная среда и население эпох камня и раннего металла в Южном Приладожье / Гусенцова Т.М., Аськеев А.О., Аськеев И.В. [и др.] // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. – Самара, 2020. – Т. 3. – С. 222–223.
5. Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. – СПб., 1995.
6. Палеолимнологические исследования в Подпорожском районе Ленинградской области / Сапелко Т.В., Гусенцова Т.М., Кузнецов Д.Д., Лудикова А.В. // Тихвинская водная система : [сб. ст. : по материалам Межрегиональной науч. конф. «Тихвинская водная система: 300 лет идее создания, 200 лет от начала эксплуатации»]. – СПб., 2012. – С. 176–186.
7. Изменение природных обстановок в голоцене на Онежско-Ладожском перешейке / Сапелко Т.В., Кузнецов Д.Д., Плотникова Е.В., Кулькова М.А. // Известия Русского географического общества. – 2016. – Т. 148, вып. 2. – С. 35–44.
8. Тимофеев В.И. О культурно-хронологической атрибуции находок каменного века из Приладожской коллекции Иностранцева // Вопросы геологии и археологии : тез. докл. международного симпозиума, посвящ. 150-летию со дня рождения А.А. Иностранцева. – СПб., 1994. – С. 57–58.
9. Филатова В.Ф. Мезолит // Археология Карелии : [коллективная монография] / Рос. акад. наук, Карельский научный центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Петрозаводск, 1996. – С. 36–60.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа X Региональной олимпиады по краеведению (8–11 классы)

Секция 1

УЧАЩИЕСЯ 8 КЛАССОВ

Куратор: Анна Евгеньевна Ладыжникова – руководитель, педагог дополнительного образования клуба «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Лидия Анатольевна Алексеева – ведущий библиограф библиотеки ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Ольга Игоревна Фёдорова – библиограф библиотеки ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Алексей Дмитриевич Ерофеев – член городской Топонимической комиссии, журналист, ведущий программы «Радио Петербург».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Агеев Данила	ГБОУ школа № 695 «Радуга» Пушкинского района Санкт-Петербурга	Школьные садовые заведения в Царском Селе
Берёзкина Татьяна	Петергофская гимназия императора Александра II	И братья Горкушенко снова рядом...
Богдашкин Олег, Лысак Владимир	ГБОУ СОШ № 425 имени академика П.Л. Капицы Кронштадтского района Санкт-Петербурга ГБОУСОШ № 422 Кронштадтского района Санкт-Петербурга	Николай Иванович Каплунов – защитник Ленинграда
Бровкина София	Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Лидия Чарская – актриса Алек- сандринского театра
Головачева Маргарита	Аничков лицей; ГБОУ Вторая Санкт- Петербургская гимназия	Мезолит Ладожского-Онеж- ского перешейка (материал к археологической карте)
Левочкина Ана- стасия	ГБОУ СОШ № 111 с углубленным изучением немецкого языка Кали- нинского района Санкт- Петербурга	«Путешествие в прошлое: бло- кадная квартира»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Нагоркин Роман	ГБОУ гимназия № 402 Колпинского района Санкт-Петербурга	«Жизнь, отданная науке» (о Владимире Давидовиче Жестяникове)

Секция 2

УЧАЩИЕСЯ 9 КЛАССА

Куратор: Елена Петровна Клишина – педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДЮТ Московского района, педагог-организатор ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Кирилл Александрович Страхов – президент Фонда развития городского самоуправления «1870», краевед; Александр Викторович Чернега – член правления Союза краеведов СПб, директор туристической компании «Прогулки по Петербургу», издатель; Людмила Владимировна Дербилова – заведующий музеем СПб АППО; Эльвира Ильинична Архипова – член Союза краеведов России.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Аксёнова Полина	ГБОУ гимназии № 209 «Павловская гимназия» Центрального района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Человек с большим сердцем...»: страницы жизни советского писателя Геннадия Самойловича Гора
Алёшин Антон	ГБОУ гимназия № 446 Колпинского района Санкт-Петербурга	Героический подвиг Жени Стасюк «маленькой девочки с большими голубыми глазами»
Белобородова Елизавета	ГБОУ СОШ № 683 Приморского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Прирождённый художественный руководитель» – страницы жизни Николая Павловича Ивановского
Белов Александр	ГБОУ школа № 512; ГБУ ДО «ПДДТ» Невского района Санкт-Петербурга	«Солдатский медальон: судьба человека»
Белова Софья	ГБОУСОШ № 425 имени академика П.Л. Капицы Кронштадтского района Санкт-Петербурга	Выпускник 3-й Советской единой трудовой школы – Маррапулец Игорь Александрович. Память о боевом подвиге летчика-разведчика
Говорова Арина	клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Вы на Урале жили с нами». Судьбы сотрудников Легаевского интерната

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Егорова Анна	ГБОУ средняя школа № 151 Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Жизнь и труд артистов Мариинского театра в блокадном Ленинграде
Илларионова Анастасия	ГБОУ гимназия № 293 Красносельского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Родных связующая нить...» История рода Михайловых: Санкт-Петербург – Казань
Чижова Василиса	ГБОУ школа № 600 Приморского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Быть собой рядом с великим (Биография В. В. Ястребцева)

Секция 3

УЧАЩИЕСЯ 9 КЛАССОВ

Куратор: Мария Михайловна Осипова – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Александр Владиславович Кутузов – д.и.н., профессор Санкт-Петербургской Академии следственного комитета, ученый секретарь Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда; **Илья Владимирович Ваганов** – старший преподаватель кафедры истории Отечества ПСПбГМУ им. академика И.П. Павлова; **Юлия Андреевна Кораблина** – методист по научно-просветительской деятельности, Музей С.М. Кирова – филиал СПб ГБУК «Государственный музей истории Санкт-Петербурга»; **Кристина Фёдоровна Каткова** – кандидат культурологии, старший научный сотрудник СПб ГБУК «МВЦ» Исторический парк «Россия – моя история».

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Бахарев Георгий	ГБОУ школа № 106 Приморского района Санкт-Петербурга	Подвиг ученого во время блокады
Егоров Николай	ГБОУ СОШ № 416 Петродворцового района Санкт-Петербурга	Личное дело М.Т. Фарберг. (Материалы из фонда музея истории школы № 416)
Катраев Иван	Вторая Санкт-Петербургская гимназия; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Василий Яковлевич Костыльёв: по страницам биографии первого японоведа России
Литвин Валерий	ГБОУ школа № 106 Приморского района Санкт-Петербурга	Воспоминания офицера Петроградской школы подготовки прапорщиков инженерных войск. 25 октября 1917

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Литвинская Ева	ГБОУ СОШ «Белогорье» № 555 Приморского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Жизнь и творчество ленинградского писателя Елизаветы Григорьевны Полонской в военные годы»
Михайловский Сергей	ГБОУ средняя школа № 151 Красногвардейского района Санкт-Петербурга	Вторая мировая война в воспоминаниях лётчика-истребителя С.М. Иванова
Черних Наталья	ГБОУ гимназия № 155 Центрального района Санкт-Петербурга	Родословная династии Лавровых в контексте русской культуры
Чернышова Алёна	ГБОУ СОШ № 416 Петродворцового района Санкт-Петербурга	Детство и юность Владимира Касатонова (Материалы из фонда музея школы)
Яковлева Ника	ГБОУ СОШ № 237 Красносельского района; Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Новогодние праздники в Аничковом дворце

Секция 4

УЧАЩИЕСЯ 10 КЛАССОВ

Куратор: **Татьяна Геннадьевна Смирнова** – зав. сектором исторического краеведения и школьного музееведения, руководитель ГУМО ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: **Альбина Вячеславовна Князькина** – руководитель РОО «Институт Петербурга»; **Сергей Евгеньевич Глезеров** – журналист, краевед, автор книг о Петербурге; **Сергей Анатольевич Назаров** – краевед; **Владимир Ильич Аксельрод** – к.п.н., заместитель председателя Союза краеведов Санкт-Петербурга.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Галанова Диана	ГБОУ школа № 695 «Радуга» Пушкинского района Санкт-Петербурга	Исследование древесного состава Екатерининского парка в г. Пушкине с использованием литографий В.П. Лангера
Густов Михаил	ГБОУ школа № 106 Приморского района Санкт-Петербурга	Евгений Сергеевич Короткевич
Калинина Марина	Краеведческое объединение «Охта» ГБУ ДО ДДЮТ «На Ленской»; ГБОУ средняя школа № 233 Красногвардейского района	Князь Э.Э. Ухтомский и его тибето-буддийская коллекция

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Петрова Анна	ГБОУ СОШ № 450 Курортного района Санкт-Петербурга	«Готовальня» (история музейного предмета)
Русецкая Милана	Вторая Санкт-Петербургская гимназия	Атлас Азиатской России (1914) как образец российской дореволюционной картографии
Трофимова Мария	ГБОУ СОШ № 639 Невского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Жизнь и работы астронома А.Ф. Вагнера
Хижняк Никита	Вторая Санкт-Петербургская гимназия	Несколько глав из жизни Александра Филипповича Постельса, естествоиспытателя, путешественника и педагога

Секция 5

УЧАЩИЕСЯ 10–11 КЛАССА

Куратор: Данилова Елена Игоревна – педагог дополнительного образования ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»

Члены жюри: Кирилл Борисович Назаренко - д.и.н., профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ, учитель, педагог дополнительного образования Аничкова лица ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Светлана Дмитриевна Мангутова – к.п.н., заведующий библиотекой ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»; Валерия Владимировна Козлова – к.ф.н., зав. отделом экспертизы и методологии в сфере культуры СПбГБУДПО «Институт культурных программ»; Александр Вальтерович Петерсон – представитель МПОД «Вечно живые», действительный член АРСИИ им. Г.Р. Державина.

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Зинатуллина Евгения	ГБОУ средняя школа № 266 с углубленным изучением французского языка Адмиралтейского района СанктПетербурга	Емуртла, ты надолго вошла в мои сны
Копылова Мария	ГБОУ гимназия № 73 (Ломоносовская) Выборгского района; Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Современная система нумерации домов Петербурга или история «Табеля 1889 года»
Лапина Анастасия	ГБОУ лицей № 214 Центрального района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Георгий Владимирович Шор как основоположник российской танатологии»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фамилия, имя	Образовательное учреждение	Тема
Марченко Илья	ГБОУ СОШ № 450 Курортного района Санкт-Петербурга	Петербургские адреса архитектора Джакомо Кваренги (истинные и литературные)
Недбайлова Софья	Вторая Санкт-Петербургская гимназия; Юношеский Университет Петербурга ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	Петербург Анны Павловны Философовой
Платовских Полина	ГБОУ СОШ № 111 с углубленным изучением немецкого языка Калининского района	«Солдат Иван Фадеев сын Чернышев»
Попова Анна	ГБОУ школа № 477 Пушкинского района; клуб «Петрополь» ГБНОУ «СПБ ГДТЮ»	«Наш лагерь Литфонда стоит за холмами суровой и снежной Перми...»
Широкова Елизавета	Аничков лицей; ГБОУ гимназия № 41 Приморского района	Ранний неолит Ладожского-Онежского перешейка – культура Сперрингс (материалы к археологической карте)

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на X региональной олимпиаде по краеведению (8–11 классы)
2021 года

Выпуск 30

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано в печать 15-11-2022.

Формат бумаги 84 × 108 $\frac{1}{32}$

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 7,87 уч. изд. л. Тираж 450 экз. Заказ № 1376

Отпечатано в типографии

ООО «МУЛЬТИ7»

Юридический адрес:

198097, г. Санкт-Петербург, ул. Трефолева д.2,
лит.Р, пом.2Н,3Н, офис 230, р.м. №7